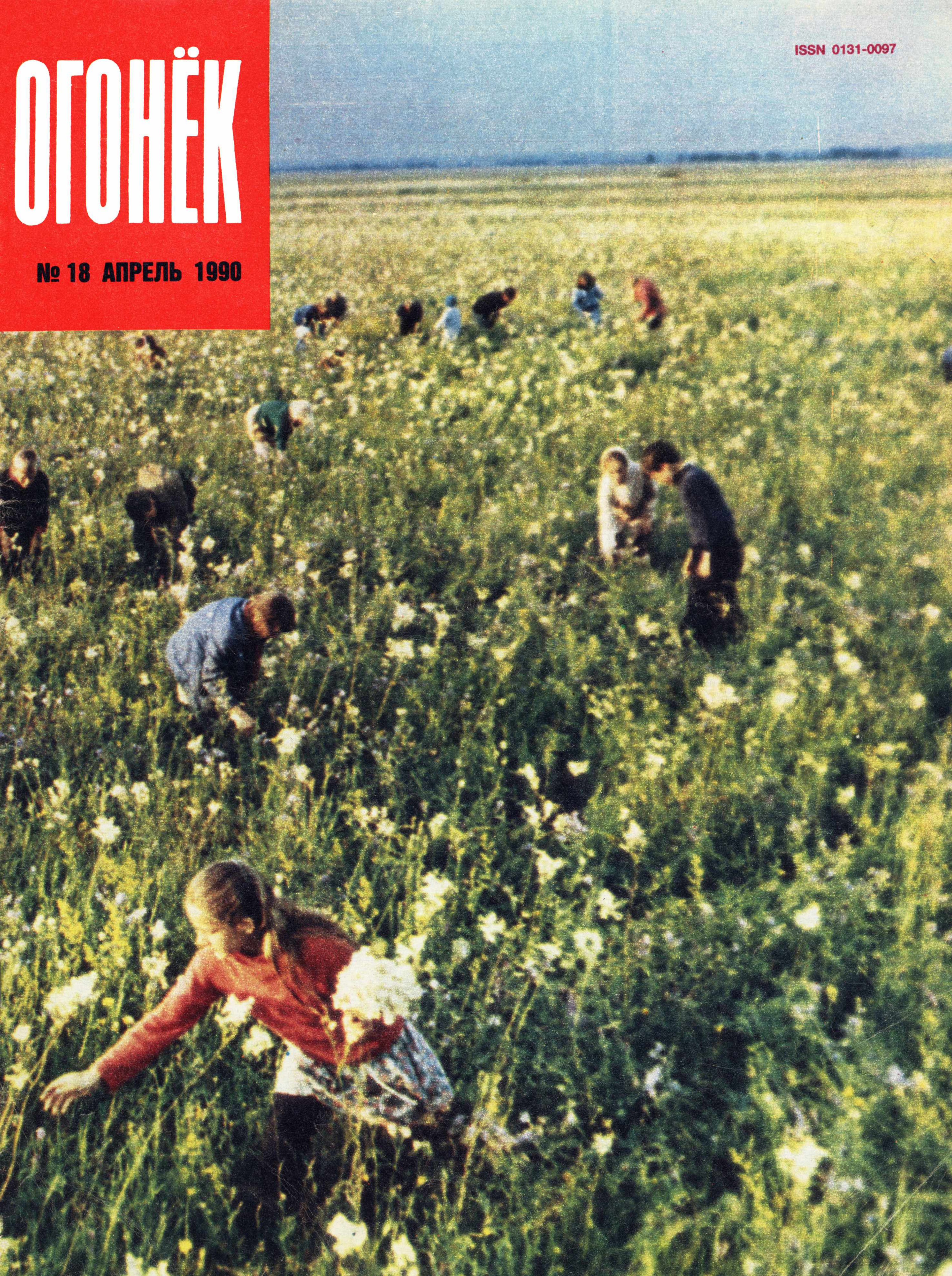
ОГОНЁК

№ 18 АПРЕЛЬ 1990

ISSN 0131-0097

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 18 (3276)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

28 апреля — 5 мая

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотоэтюд Михаила САВИНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 09.04.90. Подписано к печати 23.04.90. А 09439. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2169. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Эдуарда Никонова, Владимира Сумовского и Георгия Цагарели

ЧТО МОЖЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО? ЧТО ХОЧЕТ НАРОД?

Народный депутат СССР, экономист Павел БУНИЧ в беседе с обозревателем «Огонька» Владимиром ГЛОТОВЫМ размышляет над запоздалыми шагами правительства.

— Итак, как в песне Высоцкого, не прошло и полгода — а точнее, три месяца — и правительство уступило. Еще совсем недавно, на втором Съезде народных депутатов СССР, оно не предусматривало на три ближайших года никаких серьезных экономических реформ, а все доводы за них отвергало с порога, обвиняя их защитников в «несерьезности» и «перепрыгивании», и вот теперь само выступает за радикальные экономические реформы. То, что не годилось в декабре прошлого года, вдруг загодилось в марте и апреле нынешнего! Как это понять?

— Прежде всего мы должны приветствовать этот акт запоздалой, но все-таки самокритики. Правительство перечеркнуло свою программу и тем самым перечеркнуло весь пятилетний план. Можно считать, что пятилетний план «скончался». Тот, который обсуждался в декабре. Он скончался потому, что провозглашается радикальная реформа. Она не может существовать вместе с пятилеткой. Пятилетка или перестройка? Если жестко принята пятилетка, то никакой перестройке места не оставлено.

Выбор сделан — перестройка.

— Позвольте, но слово «радикальная реформа» мы уже слышали!

— Да, слово появилось еще в 85-м году. Сейчас, после полосы молчания, возникло вновь.

— В Платформе ЦК КПСС да и в недавнем письме ЦК коммунистам говорится, что нам надо создавать «планово-рыночную экономику». Интересно бы узнать автора этой формулы?

— Никто не признается. Но нелепость термина отбрасывает нас как минимум на пять лет назад. Экономика бывает только рыночная. Регулируемая или нет?.. А нерегулируемая — значит, не культурная. Во всем мире она регулируемая. Даже в слаборазвитых странах, где есть рынок.

— Дело не в слове. Что за ним стоит? Какая опасность?

— Это, конечно, откат. Это может быть мина под новую смелость правительства.

Наши общие перемены начались реально с политической реформы. Экономическая была лишь провозглашена, но никакого развития не получила. А политическая продолжается вот уже пять лет.

И совсем недавно нам предлагалось оставаться в этом состоянии — без экономических реформ — еще три года.

Вспомним события в восточноевропейских странах, чуть было не сказал — социалистических. С одной стороны, они происходили похоже, с другой — не похоже. Все началось тоже с политической реформы. Но она была — если говорить о критической массе — молниеносной. И теперь там просматриваются серьезные экономические реформы.

Никакая страна не продержится, если столько лет заниматься одними политическими реформами. Тем более страна, находящаяся в тяжелом положении. 1985 год был сравнительно благоприятным годом, но экономика не умеет стоять на месте.

— Нас все эти годы убеждали: нужен постепенный подход.

— Это одна из самых грубых ошибок.

— Ярлык был — авантюризм.

— «Левые смыкаются с правыми»... А те и другие в итоге «ведут к гибели»... Вот так мы потеряли много времени.

Экономика, повторяю, не стоит на месте. Здесь тоже существует своя теория относительности — есть же другие страны вокруг нас. В состав передовых стран вырываются Тайвань, Гонконг, Сингапур, Южная Корея. А теперь еще Турция, Бразилия, Аргентина.

Экономика не стоит на месте и абсолютно. В последний год мы откатились назад и в абсолютных цифрах вместо намеченного прироста. Попытки оправдать это задним числом структурными сдвигами производства напоминают разговоры о том, что мясо, масло, сахар, табак и другие дефицитные продукты вредят здоровью. Идет погружение в бедность. Спекулянты зарабатывают за всех, мафиози гуляют за всех, демагоги говорят за всех, бюрократы отдуваются за всех, а народ расплачивается за всех. И, понятно, утрачивает стимулы к такому труду. И притом политизируется по спирали.

— Итак, отрицательная величина. Идем назад. Какая же причина?

— О первой я сказал: затянулась политическая реформа. Ее надо было провести в течение года. Проявилась политическая недальновидность. Идеологическая и концептуальная неподготовленность, нерешительность.

— Характерно для нас — сперва взять власть, потом думать.

— Пока думали, происходила вторая вещь. Я сказал, что экономической реформы вообще не было. Хочу сделать уточнение: она была, но в разрушительном смысле слова.

Никто никогда не проводил таких реформ: сначала разрушить, а потом построить.

Мы идеологически разрушили командную экономику. Мы ее сломали, оплевали. Лишили авторитарности. И, таким образом, потеряли кнут. Никто не слушает, директор предприятия ходит по стеночке, чтобы рабочие на него не набросились. Отупение и запуганность. Командная система напоминает мячик, из которого выпустили воздух. Она импотентна. А другой сейчас нет. Кнут исчез, а пряника не приготовили.

— Что же — вакуум?

— Вакуума не бывает. Вакуум — это неизвестно что. Может быть, и не так уж плохо. Тут другое. В пустоту влезают анархия, беспорядок, недисциплинированность. Вот и дошли до абсолютных откатов.

А третья ошибка — возобладала идеология, что надо идти мелкими шажками, хотя такие шажки — это безнадежность. Они перемалываются старой системой. Она их либо перерождает, либо отторгает.

Помните? Начали бороться за договорную дисциплину. Вводили какие-то коэффициенты, сколько можно не выполнить договоров... А хозяйственники занижали планы, и мы хвастались, что стали их выполнять на сто процентов.

Экономика научилась фальшивить.

Ошибок было чрезвычайно много. Среди фанфарного воя, что мы идем к рынку, начали возлагать надежды на госприемку. Дико разбух ее аппарат. 30 тысяч квалифицированных людей с высокой зарплатой оторвали от производства. И что? Сейчас о госприемке ни один человек не вспоминает. Она тихо умерла. Она не была отторгнута, она была подчинена экономике. Это пример перемалывания, но уже ошибок.

Вдруг ввели налог на прирост фонда заработной платы. Хотя было ясно, что прирост фонда зарплаты от этого сократится чуть-чуть. И победить такую махину, когда люди готовы каждый день бастовать, трудно таким комариным укусом. Мы сэкономили смехотворные величины, зато напугали народ. Люди стали явно хуже работать. Приросты уменьшились, только не фонда зарплаты, а объема продукции. Ножницы между деньгами и товарами развелись еще больше.

— Вы считаете, это ошибки? Не допускаете, что это сознательные шаги?

— Нет, не допускаю. Была довольно искренняя надежда. Тут, пожалуй, террор старых инструментов, которые держишь в голове... Привычка действовать методами удушения.

— В связи с этим возникает вопрос о квалификации нашего руководства.

— Обжигаются. Потом сопротивляются.

— Значит, амбиции?

— Да. Не дать возможности себя критиковать.

— Попробуем собрать в узел сумму ошибок.

— Политическая реформа гремит: шум и треск. При этом я не хочу сказать, что политическую реформу надо завершать. Она у нас имеет форму болезненную, шумовую, не дошла до самого главного — до культуры обеспечения прав каждого человека, их попирают так же, как попирали прежде. Человек чувствует себя свободным, когда выходит на митинг. А в остальной жизни он тот же, что был раньше. На него так же плюют во всех мелких и крупных ситуациях. Политическая реформа должна теперь пойти вглубь.

Но все-таки в политической сфере жизнь кипит, а экономика идет назад. А человек голодный и свободный — это сочетание хуже, чем человек голодный и несвободный.

Такого сочетания прежде не было. Во-первых, мы не были голодными, во-вторых, мы не были свободными. Теперь имеем и то, и другое.

Политизация принимает формы, обусловленные нищетой. Это крикливые формы. В итоге у нас однобокая перестройка, пошедшая в сторону исключительно политизации и одновременно обусловившая откат экономики.

Котел начинает перегреваться.

— Сколько же он у нас уже перегревается...

— А мы же не знаем, когда он лопнет. Он достиг такой стадии, когда взорваться может в любой момент. Это все-таки человеческий материал, не техника. Он перегрет был уже год назад.

И то, что происходит в национальной сфере,— результат перегрева.

Представьте нашу страну как многонациональный корабль, идущий на рифы. Люди прыгают с него, чтобы спастись вплавь. Плыть далеко, и не все доплывут до берега, но есть шанс спастись, а уцелеть на корабле шанса нет никакого.

Когда экономика разваливается, принцип один: бежать с корабля.

— А если бы корабль шел по правильному экономическому курсу?

— Была бы не центробежная, а центростремительная тяга. Даже на плохом корабле комфортнее, чем в одиночку в бурном океане.

В основе многих национальных проблем лежит вот это. Я разговаривал с депутатами Прибалтики, со многими из них нахожусь в хороших отношениях. Перед ними постоянно стоит пример нищей Чухонии, которая стала Финляндией. И если бы они верили, что Россия воспрянет ото сна, они бы потерпели. Но они не верят.

Вы же знаете, из Америки ни один штат не уходит. То же происходит сейчас в Европейском экономическом сообществе — туда очередь. Не оттуда, а туда. И это единственная очередь, существующая на Западе.

Если бы наш корабль пошел по правильному курсу, то вспомнилось бы то, что сейчас забыто. Территориальная близость, следовательно, выгодность экономических связей. Природная близость, региональное единство. Языковая близость, культурная, геополитическая.

— Павел Григорьевич, курс на рынок предполагает варианты?

— Есть несколько вариантов, которые прошли восточноевропейские страны. Есть Китай.

В Польше в магазинах лежат товары, но нет денег у населения. Цены взвинтились.

Если бы наши цены повысились в десять раз, то и у нас бы лежали товары. Мне кажется, это недостаточно профессиональная оценка экономической ситуации — судить только по тому, лежит ли товар. Товар может лежать, а вы будете без денег, и жизнь останется такой же плохой.

Жизненный уровень в Польше снизился, по-моему, на 30 процентов. Но так как Польша мучается уже лет 10—12 и так как она вынесла на вершину правительство, получившее от народа кредит доверия, то народ терпит. Хотя уже в той же «Солидарности» есть отряды, призывающие к забастовкам. Нет, не так это розово, как выглядит со стороны.

Почему-то у нас почти ничего не известно, что происходит в Югославии. Там инфляция достигла в последние годы двух с половиной тысяч процентов в год. Это европейский рекорд, приближающийся к мировому. Но когда проводились обследования, что волнует югославское население, то на последнем месте была инфляция. Почему? Потому что зарплата росла еще больше. В Югославии была колоссальная инфляция, но нам бы так жить! Доходы росли почти в такой же степени.

Что же сейчас? Инфляция не больше 10—12 процентов в месяц, это 100—120 в год. В ближайшее время будет 5 процентов в месяц. Затем будет дефляция. А по итогам года, по расчетам экономистов, инфляция составит 7—12 процентов.

Как достигли такого результата? С какого-то момента заморозили зарплату. И люди не кидаются на товары, а значит, не повышают их цену.

Третий — китайский вариант. Это самое большое экономическое чудо, которое произошло с так называемой социалистической страной. Большего никто не достиг, за исключением нашего нэпа. Сейчас впечатление от китайских результатов стало несколько затухать, есть понятие «усталость экономики». Если не думать о будущем, экономика может много дать сегодня, но завтра за это придется расплачиваться. Китай был настолько нищим, что о будущем не подумал. Он эксплуатировал основные фонды и землю, и теперь расплачивается за то, что кормил тогда людей. И экономика все-таки развивается по нарастающей, на рыночной основе, кроме тяжелой промышленности, это камень, который висит на шее, и это главная трагедия Китая. В Китае удачно влился в его экономику иностранный капитал. Экономические зоны — это прекрасно! Маленькие Манхэттены!

На одну ногу рядом с Китаем должна быть поставлена Венгрия. Конечно, у венгров много проблем, но если бы мы решили то, что решила Венгрия, мы бы считали, что у нас перестройка успешно закончилась.

— Почему мы так пристально смотрим сейчас на Восточную Европу, на Китай — опять ходим по кругу? Есть же классический опыт!

— Потому что страны Восточной Европы переходили от командной экономики к рыночной. Америка же и весь мир переходили от рыночной к рыночной. Прямые аналогии **оттуда** невозможны. Там нет пере-

Продолжение на стр. 29.

■

В течение трех с половиной лет работаю инструктором Октябрьского райкома КПСС г. Москвы, волею судьбы являюсь свидетелем и участником острой политической борьбы в нашем обществе. Неравнодушные люди сейчас просто не могут стоять в стороне от дискуссии, которая развернулась в преддверии съезда.

После ознакомления с опубликованной в газете «Правда» 3 марта Демократической платформой понял, что при всех ее недостатках именно эта платформа в большей степени отвечает здравому смыслу, дает возможность выхода из тупика, в котором мы оказались. Очевидно, что гуманизация внутрипартийных отношений послужит основой для радикальных изменений и гуманизации общества в целом. Поэтому я стал убежденным сторонником основных положений этой платформы.

О своих убеждениях я открыто заявил 4 апреля на партийном собрании аппарата райкома партии. Никто из присутствующих серьезных контраргументов не выдвинул — только общие слова о том, что все работники аппарата должны поддерживать и пропагандировать Платформу ЦК КПСС, так как именно эта организация платит нам зарплату. Но ведь не всем известно, что зарплату мы получаем исключительно за счет членских взносов коммунистов.

При посещении партийных организаций я свободно излагал свою позицию, и в большинстве своем присутствующие активно поддерживали ее.

Более того, коммунисты трех партийных организаций выдвинули меня кандидатом в делегаты XXVIII съезда КПСС и городской партконференции. По тому же округу на конференцию выдвинут секретарь райкома Муравлев Б. Ф.

Но вот 11 апреля опубликовано Открытое письмо ЦК КПСС коммунистам страны. В тот же день Муравлев вызвал меня к себе в кабинет и в присутствии заведующего организационным сектором В. Родина сообщил, что будет говорить со мной по поручению первого секретаря райкома. Он спросил, читал ли я сегодня опубликованное Открытое письмо ЦК и продолжаю ли стоять на позициях Демократической платформы. Получив утвердительный ответ, они заявили, чтобы я в недельный срок нашел себе другую работу, так как терпеть в аппарате сторонников Демократической платформы они не намерены. При этом секретарь райкома дал поручение заведующему отделом подготовить на очередное заседание бюро РК КПСС постановление о моем увольнении. Никаких серьезных претензий ко мне по работе сформулировать они не смогли.

Вот вам и уровень демократии в одном из центральных московских райкомов.

Ю. АХЛЫНОВ
Москва

■

Опубликованное 11 апреля Открытое письмо ЦК КПСС коммунистам страны «За консолидацию на принципиальной основе», призвавшее «разобраться, как быть с теми членами партии, кто настойчиво и целеустремленно ведет дело к расколу, создает внутри КПСС организационно оформленные фракции, кто отрицает социалистический выбор советского народа, кто по своим взглядам и поведению фактически сам поставил себя вне партии», удивительно напоминает документы РКП(б) — ВКП(б) 20—30-х годов. В них тоже ставилась задача «очищения партии от некоммунистических элементов», от элементов, использующих пребывание в правящей партии для своих корыстных и карьеристских целей, элементов буржуазно-мещанского перерождения... от тех, кто создает фракции, ведет дело к расколу партии. А Коммунистический Интернационал на своем II Конгрессе в «21 условии приема в Коминтерн» прямо записал: «Коммунистические партии тех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны проводить периодические чистки (перерегистрации) личного состава партийных организаций, дабы систематически очищать партию от неизбежно примазывающихся к ней мелкобуржуазных элементов».

К чему привели эти «вынужденные» меры, хорошо известно: партия избавилась от инакомыслящих, а с ними от внутрипартийной демократии, превратившись в образцовый «орден меченосцев». Так неужели история нас ничему не учит? Неужели можно провозглашать переход к политическому плюрализму и многопартийной системе в масштабах всего общества, разворачивая «охоту за ведьмами» внутри партии?

Вопрос о будущем партии, переживающей самый глубокий за всю историю кризис, может решить только съезд партии. Именно там коммунисты, вся страна увидят, какая платформа (Демократическая, ЦК КПСС, создаваемой Российской компартии) наиболее последовательно продолжает курс на перестройку и демократизацию. Попытки же ЦК стать высшим партийным судьей до съезда, в ходе провозглашенной им же самим «широкой и свободной» внутрипартийной дискуссии, являются анахронизмом, реликтом тоталитарного режима.

В. ЛЫСЕНКО,
кандидат философских наук

■

Меня потрясло то, что я узнал: до сего времени у нас на Родине не захоронены погибшие в боях наши воины. Удивительными путями это ликвидируется — страшную несправедливость пытаются устранить одиночки-энтузиасты, в основном из молодых. Согревает душу их сознательность, порядочность, благодарность тем, кто отдал жизнь за нас. А в то же время государственные организации обсуждают проблему сооружения памятника Победы, тратят тысячи на выплату премий за проекты,— ну, не кощунство ли это? На мой взгляд, просто глумление над памятью павших...

Как могло случиться такое? Разве Министерство обороны не обязано было позаботиться о захоронении останков? Разве у этого министерства нет средств и личного состава, которые можно было бы использовать в этом священном деле? Вспоминаются слова Суворова о священном долге перед погибшими в бою...

Неужели наши военачальники не осознают своего долга перед погибшими? Я думаю, что Министерство обороны должно сформировать похоронные команды, которые обязаны предать земле останки наших воинов как можно скорее.

Л. П. КАЛАБИН,
участник
Великой Отечественной войны
Новоград-Волынский

■

У нас случилось большое несчастье — пожар в Центральном Доме актера. Театральная Москва осталась без своего единственного актерского клуба. Да и не только Москва. Мало кто из людей театра может представить себе столицу без Дома актера.

Актеры любили свой Дом. Люди театра вообще народ неприхотливый. Многие театральные организмы счастливы тем, что ютятся в подвалах, а на всю Москву не так много зданий, построенных специально как театральные, остальные приспособлены. Не нам тягаться с дворцами для участников художественной самодеятельности. Наши актеры, мастера — гордость русского театра — способны были втиснуть всю свою методическую работу, фоно- и видеотеку, секции досуга и экспериментальной работы в здание на ул. Горького. Сегодня они лишились и его.

Неподалеку от сгоревшего Дома актера есть особняк, куда заходит редкий посетитель, а москвич со стажем пройдет мимо, скрывая ироническую улыбку: здесь, в бывшем «аглицком» клубе, находится Музей Революции. Это несуразное обстоятельство давно стало чем-то вроде ильфо-петровского «Храма Спаса на картошке».

Более ста лет английский клуб был духовным центром Москвы, да и не только Москвы, а всей России. Сюда съезжались лучшие сыны Отечества. В клубе обсуждались важнейшие проблемы города и всей страны. Его членом был и А. С. Пушкин.

Мы идем к демократическому обществу, и даже самые горячие приверженцы КПСС понимают, что шикарные здания партучреждений в сочетании с подвалами театров и выставочных залов агитируют не в пользу партии.

Мы, творческая интеллигенция Москвы, люди театра, просим, уважаемые товарищи, рассмотреть вопрос о передаче вышеупомянутого особняка на ул. Горького Центральному Дому актера, нашим театральным деятелям, оставшимся после пожара на улице.

Мы хотим возродить истинное предназначение этого исторического Дома — быть центром духовной жизни нашей творческой интеллигенции.

В. Лепко, Н. Архипова, М. Бабаев, Э. Быстрицкая, В. Васильева, Ю. Васильев, В. Васильев, Е. Высоцкий, В. Гафт, А. Градский, М. Державин, Т. Догилева, М. Жванецкий, В. Зельдин, Л. Касаткина, Э. Климов, Л. Каневский, М. Козаков, И. Кобзон, В. Ланової, И. Лиепа, А. Лазарев, М. Миронова, Е. Максимова, А. Мессерер, С. Моргунова, В. Молчанов, С. Немоляева, Р. Нифонтова, Ю. Никулин, Ю. Непомнящий, Б. Покровский, И. Прут, И. Смоктуновский, Ю. Соломин, Е. Симонов, А. Савельев, О. Табаков, А. Филиппенко, А. Чумак, О. Янковский, Л. Ярмольник и другие.

■

Сейчас, наверное, нет в стране ни одного печатного издания, где не поднимался бы вопрос о прописке — этом отзвуке крепостничества, о людях, чьи судьбы были изломаны отсутствием штампа в паспорте. Но все публикации на эту тему как будто проваливаются в «черную дыру» — глухо... Их упорно не замечают. В лучшем случае ссылаются на то, что существующий у нас в государстве порядок распределения жилья требует сохранения прописки. А кто сосчитал людей, которые мотаются по стране, становятся бомжами, не имея возможности устроиться на работу, так как не имеют прописки? Кто сосчитал людей, которые прописаны в одном месте, живут — в другом, работают — в третьем? Это заложники прописки, нарушители паспортного режима, которых в любой момент могут привлечь к административной или уголовной ответственности.

Без штампа о прописке уже не только нельзя трудоустроиться и жениться — к этому штампу привязывают возможность приобретения самых необходимых товаров, в том числе и продуктов питания. Инструкции и постановления плодятся с неимоверной быстротой, власти городов страны как будто соревнуются в том, кто больше товаров сделает привилегией «своих», прописанных. И ведь почти никто не протестует против таких порядков. Когда иногородним дают от ворот поворот — никакого возмущения не услышишь. «Нам и самим не хватает!» Маленький, с виду безобидный штампик, а как уродует мораль общества! Ни Съезды, ни Верховный Совет даже близко не подходят к вопросу об отмене прописки Комитет конституционного надзора тоже проходит мимо этого явления, ограничивающего всех нас в праве свободного передвижения по своей стране и выбора места жительства по своему желанию. А ведь в принципе это противоречит даже действующей Конституции.

Я считаю, что надо немедленно отменить постановления и инструкции по прописке. Приехавшие куда-либо на жительство должны становиться на учет в местном Совете. Причем учет этот должен быть регистрационным и ни в коем случае не разрешительным — такая система не затруднит учета нуждающихся в улучшении жилищных условий. Будут ликвидированы все унизительные для любого человека ограничения в передвижении.

А. ЧВОКИН,
бетонщик
Ташкент

■

Высший государственный орган Народной Республики Болгарии — Народное собрание — решил предать земле прах Георгия Димитрова, что находится в мавзолее города Софии. Это честный и мужественный шаг. Я бывала в этом мавзолее, и каждый раз становилось грустно, что в светлый и просторный зал приходят люди «посмотреть». Какие бы чувства при этом ни рождались, главным остается именно «посмотреть»...

Димитров не оставил завещания, как распорядиться его телом. Но от дочери его соратника, которую

я хорошо знаю, не раз слышала, что Димитров по своей крестьянской натуре не мог и помыслить о мавзолее. Болгарам это вообще чуждо...

Нет подобного и в культурных традициях русского народа. Видимо, поэтому у людей возникло естественное желание захоронить тело В. И. Ленина.

Неожиданно столкнулись разные позиции. Сами по себе они понятны. Лишь точка отсчета вызывает сомнение. Известно, что Надежда Константиновна категорически возражала против «мавзолейного» варианта. Теперь утверждают, что нет письменных свидетельств того, что ее муж хотел лежать в Питере в одной могиле со своей матерью. Но ведь мы знаем нежную и трогательную любовь Ленина к матери, известно, что по возвращении из эмиграции он поспешил на кладбище к могиле Марии Александровны. И долго стоял на коленях... Это ли не доказательство, не свидетельство?

И потом, в разговоре с женой одного из арестованных работников Госбанка, А. М. Борисенко, Надежда Константиновна сожалела, что у нее теперь нет надежды покоиться вместе с мужем и свекровью в Петрограде... Эти слова Крупской не скреплены ее подписью. Но подумаем о главном — идеи гения не нуждаются в материальных атрибутах. Тем более в поклонении мощам.

Общечеловеческие заповеди — несмотря на кровь, братоубийство, полное уничтожение целых народов — пронесли через всю историю цивилизации обычай: отдать последний долг памяти... И не нам предавать его забвению. Кощунственна сама мысль о собственности на прах. Владеет им только земля...

Ю. ЖБАНОВА,
кандидат философских наук,
член КПСС
Москва

■

Товарищ редактор!

Позвольте и нам покуситься на часть печатной полосы вашего плотно загруженного издания.

Двенадцатое марта сего года, если вы помните, товарищ редактор, было серым, дождливым понедельником. На Пушкинской площади и на площади Маяковского можно было обнаружить скопление «самых верных спутников демократических перемен» — в понимании фотокорреспондента Ю. Феклистова — автобусов желтого цвета марки «ПАЗ» с плотно задернутыми шторками. И вряд ли для этого требовался высокий журналистский профессионализм или фотооптика. Чутье репортера, способного в темном автобусе уловить и безошибочно распознать «неожиданно резкий запах сапог», не обмануло его. Скандалисты из «ДС» действительно намеревались провести в тот вечер очередной шабаш, о чем широко и заблаговременно оповестили горожан. Остается только сожалеть о том, что редакция «Огонька» осветила события того дождливого понедельника статейкой фоточувствительного корреспондента, проявившего недюжинные способности передергивать не только затвор дорогостоящей аппаратуры, но и факты. И не напрасно автор оной не ждет наших извинений, ответов на бланке с просьбой сообщить звания, номера автобусов, адреса свидетелей. Совсем не этого хотел Ю. Феклистов. Хотел сотворить пакость и сотворил с помощью родного журнала, при этом умудрился приплести слова о гордости, о профессиональном долге. Профессионализм Ю. Феклистова нашел отражение в тоне статейки и в ее стиле: «Я пытался упираться и говорить о своих профессиональных задачах, но в середине фразы сильным тычком уже переправился в автобус, где было темно и неожиданно резко пахло сапогами — в автобусе в полной амуниции располагался отряд специального назначения». А не от этого ли резкого запаха фоторепортер «...вдруг увидел, как потемнело в автобусе», в котором и так было темно? Теперь уже нет сомнений в физподготовке личного состава ГУВД. Сомнения в другом: двое ли сотрудников орудовали в темноте дубинками, круша ребра профессиональному репортеру Ю. Феклистову? А не весь ли отряд спецназначения, так чудесно уместившийся в одном автобусе желтого цвета марки «ПАЗ» с плотно задернутыми шторками? Если откровенно, то надежды на публикацию нашего ответа нет. Просто хочется, чтобы Юрий Феклистов, фотокорреспондент «Огонька», понял, от кого бережет его милиция.

Шкуропет С. В., Дидуренко Н. П., Дронов С. А., Саулин М. И., Сарафанов А. П., Авдеев В. А., Зиборов Э. М., Кузьмин Ю. Н., Петухов Ю. И. и весь отряд, находившийся в автобусе желтого цвета марки «ПАЗ» с плотно задернутыми шторками, в полной амуниции двенадцатого марта серым дождливым понедельником на площади Маяковского, того самого Маяковского, поэта, бессмертного автора слов о гордости советских. Помните, товарищи В. Коротич и Ю. Феклистов?

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы признательны коллективному автору вышеприведенного письма, который столь цветисто и близко к тексту пересказал заметку нашего фотокорреспондента Ю. Феклистова.

Но, кроме упражнений в изящной словесности, мы получили ответ из ГУВД Мосгорисполкома, подписанный зам. начальника Л. Бельянским, в котором сообщается, что в прокуратуру Фрунзенского района Москвы направлен материал в отношении сотрудников ОМОН для решения вопроса об их ответственности.

«ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ УКАЗЫВАТЬ ЧИСЛО... ИСКЛЮЧЕННЫХ»

Кипят страсти в партийных средах в преддверии волнующего умы XXVIII съезда КПСС. Иногда даже перехлестывают через край. И тогда общественности перепадают кое-какие трофеи. Некоторые из них столь удивительны, что могли бы лечь в основу нового «Краткого курса», если, конечно, у кого-то возникнет желание его написать.

Вот и недавно читали мы и перечитывали текст телефонограммы, которую распространило по своим воинским частям и учреждениям Политическое управление войск ПВО центрального подчинения. Приводим полностью.

«1. Приступить к обсуждению Открытого письма ЦК КПСС в политорганах и партийных организациях. Принять соответствующие решение и постановление.

2. Как требует Политбюро от 10.04.90 г., принять меры к лидерам, выступающим за раскол, вплоть до исключения. В работе по размежеванию руководствоваться ст. 7 Конституции СССР и Уставом КПСС 1986 года и проектом Устава 1990 года о несоответственности пребывания в партии лиц, стоящих на позиции раскола.

3. О проделанной работе, принимаемых решениях информировать политотдел. Вместе с информацией о выборах еженедельно по понедельникам указывать число коммунистов, исключенных из КПСС за раскол, и давать характеристику: воинское звание, должность, какая парторганизация, причина исключения, результаты голосования.

4. В утреннем докладе доложить о настроении в связи с опубликованием Открытого письма ЦК КПСС и наличие коммунистов, отвергающих Платформу КПСС.

НАЧАЛЬНИК
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ЧАСТЕЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ
ВОЙСК ПВО
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
В. НАЗЕМНОВ»

Прочли мы это — и глазам своим не поверили: «Не может быть! Наверняка провокация!» Познакомь с таким текстом революционную общественность страны — и снова генералы на нас обидятся, начнут упрекать «Огонек» в «необъективности»! И позвонили в политотдел полковнику В. А. Ромадину. «Нет,— сказал Вячеслав Анатольевич,— все правильно, от первой до последней буквы». И номер телефонограммы подсказал — 36, и дату отправки — 15 апреля сего года.

Интересно только, гадаем мы, сочувствуя «диссидентам» из ПВО, как политуправление распорядится поступить с исключенными за инакомыслие? Под трибунал отдаст, как в 30-е годы, или лишит погон без выходного пособия?.. И кто защитит нас, если очередному Русту придет в голову осквернить своим аэропланом чистое московское небо?

ОТДЕЛ
ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Ушла из жизни Марианна Жигалова, ушла неожиданно, в расцвете сил. Еще в воскресенье ее видели во дворе «правдинского» дома, где она жила, немного уставшую, но, как всегда, энергичную, открытую всему происходящему вокруг. В понедельник утром ее не стало.

Марианна Михайловна пришла в редакцию «Огонька» в 1972 году. Выпускница Литературного института имени А. М. Горького, тонко чувствующая слово, она начала работать в отделе литературы, долгое время вела «Библиотечку «Огонька». Отзывчивый, внимательный товарищ, жизнерадостный и доброжелательный человек, Марианна всегда готова была помочь, поддержать. Тем, кто знал и любил ее, трудно поверить, что ее больше нет. Память о Марианне навсегда останется с нами.

ОГОНЬКОВЦЫ

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Юрий ЛУШИН,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото),
собственные корреспонденты «Огонька»

Я стоял у главного конвейера и смотрел на работу пожилого сборщика. Гайки и болты то и дело выпадали из его рук, облаченных в белые перчатки с обрезанными для удобства пальцами. Рабочий старался, но видно было, что навыков, сноровки ему явно не хватало.

— Кто это? — спросил я.

— Шакиримов. Бывший второй секретарь обкома партии. А теперь слесарь третьего разряда...

* * *

Ситуация, что и говорить, необычная. Мы привыкли к тому, что если кто из начальства и меняет работу, то непременно в одном направлении — из одного руководящего кресла пересаживается в другое, повыше. Таков неписаный закон номенклатуры. И вдруг бывший секретарь обкома партии стоит смену у конвейера! Именно вдруг — в пятьдесят пять лет стал учеником слесаря. Или не вдруг?

Один из обкомовцев на ситуацию отозвался так: «Подумаешь, ЧП провинциального масштаба...» Мне, напротив, кажется особенно знаменательным то,

что эта история случилась не в столице. Истоки ее лежат в событиях примерно трехгодичной давности. Тогда группа партийных и хозяйственных руководителей области, обеспокоенных застойными явлениями и стилем руководства первого секретаря обкома партии П. И. Ерпилова, обратилась с письмом в ЦК Компартии Казахской ССР. Письмо, под которым стояли 42 подписи, привез в Алма-Ату первый секретарь горкома (теперь, естественно, бывший) Г. А. Никифоров. И ему, и всем подписавшимся нельзя отказать в мужестве. Но они верили в перестройку! Я не знаю, как бы сейчас расценили такое обращение. Возможно, назвали бы «платформой 42-х», взяв из нее все бесспорно положительное и пригласив создателей «платформы» в союзники? Тогда получилось иначе. Обращение расценили как инакомыслие, чуть ли не заговор. Меры были приняты скорые. В Павлодар для наведения порядка приехал Г. В. Колбин, руководивший партийной организацией республики: Ерпилова отправили на пенсию, первым «избрали» Ю. А. Мещерякова, совершившего за короткое время головокружительную карьеру — из секретарей райкома в секретари ЦК партии республики... Как водится, тут же заработала присланная из столицы представительная комиссия по расследованию. Как водится, искали не столько истину, сколько козлов отпущения. Козлы нашлись. И в скором времени многие из сорока двух, подписавших письмо, лишились должностей. Прихлопнули и демократический порыв тракторостроите-

ПРОВИНЦИАЛЬНОГО МАСШТАБА

лей по альтернативным выборам генерального директора (по примеру РАФа). Эксперимент, к которому подключились ученые Новосибирского Академгородка, социологи, эксперимент, который захватил всех рабочих. Но директора просто назначили, что в тех обстоятельствах вряд ли добавило ему авторитета да и Г. В. Колбину тоже... Что было, то было, слова из песни не выкинешь. Думаю, что такая поспешность Геннадия Васильевича Колбина была продиктована желанием быстрее и лучше помочь делу. Быстрее — получилось. Получилось ли лучше? Не уверен...

Комиссия между тем трудилась в поте лица. Увлеченно исследовался вопрос, кто посмел вынести сор из избы — кто тот гонец, что отвез второй экземпляр крамольной челобитной в ЦК КПСС? Кто возглавил «заговор»?

Так уж совпало, что именно в это время второй секретарь обкома Кабидулла Нурсинович Шакиримов находился в командировке в Москве. Подозрительно! Так получилось, что именно он, второй секретарь обкома, активно поддерживал идею альтернативных выборов генерального директора на тракторном заводе. А надо сказать, что предприятие в то время находилось в прорыве и Шакиримову случалось приезжать на завод даже ночью. Очень подозрительно! Ко всему прочему в крамольном письме упоминалась фамилия Шакиримова в положительном смысле. Очень, очень подозрительно! Вот он и есть, главный-то козел отпущения. Доказательств никаких. Но в аппаратных играх они и не нужны. Есть мнение, и все. Это мнение не поколебало даже то, что Никифоров наконец «выдал» фамилию истинного гонца...

Ничего этого Шакиримов не знал. И, отправляясь в Алма-Ату по вызову из ЦК, он не подозревал ни о письме, ни о возне вокруг его имени. Не знал Шакиримов, что судьба его предрешена. Он не удивился предложению перейти на другую работу, был готов к этому: вполне понятно, что новый первый подбирает себе новую команду. Но предложение занять должность первого заместителя республиканского Госкомприроды (с перспективой — намекнули) его озадачило. Переезд из провинции в столицу республики вообще-то считался делом престижным, но Шакиримов от него отказался, честно признав, что, во-первых, не считает себя компетентным в вопросах охраны природы, во-вторых, он степняк и плохо переносит горный климат, что было чистой правдой. Теперь были озадачены аппаратчики ЦК — не было случая, чтобы их предложение столь решительно отвергалось. Когда Шакиримов предложил использовать его на должности председателя областного Комитета народного контроля (прежний собрался уходить на пенсию), недоумение аппаратчиков усилилось: «Для второго секретаря обкома слишком незначительный пост». Именно так сказал заворготделом.

Шакиримову ответили отказом, а он сказал, что сам поищет работу. С тем и уехал.

Не вдаваясь в детали, скажу, что Шакиримов все-таки возглавил областной КНК. Жаль, поработал мало. Шакиримова обвинили в чрезмерном увлечении штрафными санкциями. Но по сравнению со своим предшественником санкций он вынес меньше, зато работу построил эффективнее. И другими методами, можно сказать, гуманистическими. В Экибастузе, например, люди долгое время жаловались на то, что в домах прежней постройки промерзают стыки между панелями, в квартирах холодно... Можно бы, конечно, оштрафовать ответственных лиц, но теплее в домах не станет. Шакиримов организовал выездное заседание Комитета народного контроля в Экибастузе с участием заинтересованных сторон. Дома утеплили. Авторитет комитета повысился. Не потому ли на альтернативных выборах в депутаты областного Совета он победил именно в Экибастузе? Другой пример. На Павлодарском тракторном заводе он собрал председателей групп народного контроля предприятий-смежников. И они своими глазами увидели завод, его нужды, поняли и свою роль в решении проблем. Поставки стали ритмичнее...

— Почему на сессии областного Совета Шакиримова не утвердили в должности председателя КНК? — спросил я Бориса Васильевича Исаева, председателя республиканского Комитета народного контроля.

— Вопрос не по адресу. Что касается меня, то я был в шоке. До сих пор не понимаю, почему это произошло. Будучи в Павлодаре незадолго до сессии, мы с Шакиримовым зашли к первому секретарю обкома партии Юрию Алексеевичу Мещерякову. Тот высоко оценил работу комитета и его председателя, сказал, что никого на этом посту, кроме Шакиримова, он не видит. А на самом деле все вышло иначе...

Кстати, в один день сессии состоялись во всех областях Казахстана, и всех первых секретарей обкомов, как по команде, избрали одновременно председателями областных Советов. Мы и не заметили, как под собственные дружные возгласы «Власть Советам!» эту реальную власть сами же добровольно и простодушно отдали все той же партийной верхушке. А вот павлодарские тракторостроители, похоже, почувствовали подвох раньше других, когда Ю. А. Мещеряков вместо Шакиримова предложил на пост председателя КНК Нажмиденова, работавшего до того первым секретарем райкома.

— Имею право формировать свою команду,— вот и все объяснение.

— Но почему, Юрий Алексеевич, вы на заседании депутатской партгруппы говорили, что Шакиримов останется на своем посту, а поступили по-другому? — спрашивал председатель совета трудового коллектива тракторосборочного цеха Александр Давыдович Гааг.— И почему из своей команды изгоняете лучшего, а берете худшего? Известно, что Нажмиденов довел до ручки район, которым руководил!

Ответа не последовало, да и что можно было ответить? Послушное большинство подняло руки за Нажмиденова, а Шакиримов стал безработным. Большего унижения он в жизни не испытывал. Он страдал от несправед-

ливости, от бессилия что-либо изменить. Он хорошо знал, как безжалостна машина аппарата (сам был ее винтиком много лет). Номенклатура не прощает. Чьи личные интересы он задел? — размышлял Кабидулла Нурсинович. Чем помешал? Честной работой? Независимостью?

...Зазвонил телефон. Шакиримов снял трубку, хотя общаться в этот несчастливый вечер ни с кем не хотелось. Звонили с тракторного, и он не сразу понял, о чем речь,— настолько невероятным казалось то, что он услышал. Рабочие остановили главный конвейер, протестуют против несправедливого решения сессии в отношении его, Шакиримова. Требуют, чтобы на завод прибыл первый секретарь обкома партии. Забастовка!

— Зря,— сказал он,— убедительно прошу пустить конвейер.

— Невозможно, Кабидулла Нурсинович. Все равно пока нет комплектующих деталей. Так и так стоять придется...

Шакиримов немного успокоился. Появилась надежда, что принятое сгоряча решение о забастовке рабочие сами же и отменят. Он тогда еще не знал, что забастовка продлится несколько дней, что ее организаторами объявят его самого и начальника сборочного цеха Станислава Васильевича Паничева.

— Поймите, что ваша забастовка незаконна, — говорил Шакиримов в цехе. — Давайте создадим инициативную группу для разрешения конфликта. Но одновременно пустим конвейер!..

— Да что вы, Кабидулла Нурсинович! Какая группа? Инициаторов и так уже ищут! — отвечали рабочие.— Нет, мы отступить не можем... Пусть забастовка, другого способа защитить правду мы не видим. Пусть товарищ Мещеряков объяснит, какой такой народ потребовал вашей отставки? Раньше именем народа кровавые дела оправдывали, все преступления партократов. Мы против таких методов. Задето ваше доброе имя, задеты наши достоинство и честь...

Шакиримов понял: он должен идти с рабочими до конца. Только так. Что бы ни случилось. Он дал себе слово, он повторил его публично: если его не восстановят в прежней должности, то он поступит в сборочный цех слесарем... Администрация между тем пыталась погасить конфликт старым, испытанным методом: за два дня генеральный директор дважды пытался уволить начальника цеха Паничева. Но оба раза отступал, поскольку в этом случае все ИТР обещали в знак солидарности уволиться... Ситуация накалялась.

Первый появился на заводе лишь на третий день политической забастовки. Попросили приехать и Шакиримова. Момент был пиковый. Первый секретарь обкома партии, видимо, надеялся, что лишь одно его появление и авторитет должности приведут к взаимопониманию. Его надежды рухнули в тот момент, когда он извлек тоненькую папочку и пояснил, что в ней собраны компрометирующие материалы на Шакиримова.

— Надо ли читать?

— Читайте, читайте! — закричали из зала. Люди Шакиримова знали. Удивительно, как иногда бесцеремонно обращаются с нами наши руководители.

...Вспомните, Юрий Алексеевич, как долго мы беседовали в вашем безразмерном кабинете. Вы утверждали, что дела в области с вашим приходом пошли в гору, что в магазинах нет проблемы с молоком и мясом... Вы ходили вокруг да около, хотя наверняка знали, какой интерес привел меня в Павлодар. Помните, я спросил прямо: правда ли, что вы пришли к рабочим с папкой компромата на Шакиримова? Вы ответили, что папка была, но вы ее не раскрывали, ничего не зачитывали. Зачем же так, Юрий Алексеевич? Вы знали, что после разговора в обкоме я поеду на тракторный. И там мне десятки людей подтвердят: да, читал. Люди, которых вы народом не считаете, расценили это как позорное копание в грязном белье, как поступок, недостойный порядочного человека...

В папке, как мне рассказали, было несколько машинописных листков. Первый самолично читал их, и лица рабочих мрачнели. Звучали факты тридцатилетней давности: Шакиримов, будучи студентом, получил в 1962 году в обход закона квартиру, через несколько лет поменял ее на трехкомнатную, а еще через несколько лет... Рабочие слушали, и давно им было ясно, что не стоило главе областной парторганизации коммунистов, главе облсовета извлекать эти бумажки, а тот все читал и читал... Потом говорил Шакиримов. Не мог же он промолчать! Он пояснил, что в 1962 году был студентом, ленинским стипендиатом, а также неосвобожденным секретарем институтского комитета комсомола, был женат, уже имел двоих детей, семья снимала углы, но потом дали однокомнатную квартиру.

— Что же плохого в этом? — спрашивал Шакиримов.— Почему это нарушение закона?

Другие эпизоды тоже нашли вполне логичные объяснения. Ненужный разговор зашел в тупик. Из тупика выход один: вернуться назад, к исходной точке, в данном случае — к факту непонятного увольнения Шакиримова. Но Мещеряков отступать не умеет. Может быть, не привык? Он встал, молча собрал бумаги и, не простившись с рабочими, направился к выходу. За ним потянулась свита.

— Зачем он сюда приходил? — громко спросил кто-то из рабочих.— Он же не ответил ни на один наш вопрос!..

Первый секретарь обкома партии так и не нашел взаимопонимания с тракторосборщиками, не увидел путей компромисса. Не захотел увидеть — расценили рабочие. Через месяц в пространном интервью республиканскому телевидению под рубрикой «Кто есть кто?» он говорил (запись с некоторыми сокращениями):

«Мещеряков.— Решения, принимаемые народным контролем, звучат сейчас примерно как именем революции. Что народного в нашем КНК? Народный контроль отомрет...

ТВ.— Не появились ли у вас эти мысли в связи с тем, что у вас совсем недавно был конфликт с председателем областного КНК Шакиримовым?

Мещеряков.— Может быть, это и заставило задуматься, что же нам дает этот народный контроль... Он сегодня не отвечает ни за социально-экономическое развитие области, ни за молоко, ни за мясо, ни за общественно-политическую жизнь — ни за что. Прав — море, обязанностей — нуль.

ТВ.— Шакиримова освободили по вашей инициативе?

Мещеряков.— По положению председатель Совета вносит предложения по выдвижению, набирает себе команду. Кандидатура Шакиримова просто не была внесена.

ТВ.— То есть по вашей инициативе?

Мещеряков.— Да.

ТВ.— Это решение сессии вызвало забастовку на тракторном заводе?

Мещеряков.— Вы знаете... коллектив не разобрался в ситуации, не разобрался в правовом обеспечении этого решения... И отреагировал на призыв Шакиримова забастовкой».

Не стану комментировать оригинальные суждения о народном контроле (вы их, Юрий Алексеевич, повторили и в беседе со мной). Не следует ли из сказанного, что энергичному и инициативному человеку в областном КНК делать просто нечего и, следовательно, увольнение Шакиримова — для его же блага? И как этого не поняли рабочие! Как это они не разобрались в простенькой задачке? Все-таки сомневаюсь, что на слесарном поприще человек с опытом организаторской работы раскроется наиболее полно.

В рассуждениях Юрия Алексеевича меня задела и огорчила еще одна, мягко говоря, натяжка в отношении Шакиримова. Никакого призыва к забастовке с его стороны не было! Напротив, именно по его настоянию рабочие пустили главный конвейер на следующий же день после посещения первым завода. Потом, отрабатывая сверхурочно по двенадцать часов, сборщики наверстали упущенное и выпустили сверх задания сколько-то тракторов. Тем не менее генеральный директор В. И. Власов подал на них... в суд. И суд состоялся и признал забастовку незаконной.

Тихая война против Шакиримова продолжалась. Рабочие захотели встретиться с ним и попросили для встречи зал ДК тракторостроителей. Ссылаясь на распоряжение райкома партии, им отказали. То есть рабочих, для которых построили дворец, туда не пустили. Тогда рабочие попросили подключить микрофоны, чтобы провести встречу перед дворцом. Отказали. Тогда, сложившись, они наняли частника со звуковой аппаратурой. Не успел тот ее развернуть, как к нему подошли два серых человека из тех, что ничем не выделяются из толпы, но все слышат и все видят, и поинтересовались: не опасается ли маэстро, что в его замечательной технике случайно что-то может сломаться или перегореть? «Маэстро» намек понял и спешно ретировался. Тогда рабочие достали из сумок загодя приготовленные мегафоны — встреча с Шакиримовым все-таки состоялась. Причем людей собралось больше, чем мог бы вместить заводской Дворец культуры. Администрация теперь уже сама усиленно зазывала пройти в зал (очевидно, дозволено было райкомом?).

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Мы сетуем на то, что партия коммунистов теряет авторитет. Она и будет его терять, пока партийные функционеры защищают свои амбиции, выдавая их за правду, пока партчины будут слышать только себя! И личное мнение выдавать за истину в последней инстанции. Пока грубым нажимом, окриком будут подменять тонкую работу с людьми. Но времена нынче другие. Времена другие, Юрий Алексеевич! Народ на мякине не проведешь. Уважения и служебное кресло теперь не добавит. Надо заслужить его! Поступками, делами.

ЧП провинциального масштаба в Павлодаре подтвердило это еще раз.

Алла БОССАРТ

«...НАС ВОЗВЫШАЮЩИЙ ОБМАН»

Одна из многих сказок, которые сделали мы своей былью... Некогда энтузиасты их строили и в них жили, идеалисты их читали и слушали, а мы, дураки грешные, сказочки эти сочиняли. Да еще как писали — взахлеб, задыхаясь от восторга и сопричастности!..

А где-то там, за тяжелыми портьерами, за своими же портретами сидели сонмы непрофессионалов (то есть любителей) власти и управления нами и бросали в ненасытные утробы этих сказочек миллионы и миллиарды, гнали туда эшелоны с сырьем, оборудованием и очередными энтузиастами, для того чтобы потом называть сказочные голубые города своими именами.

Инна Лимонова права: не надо бы переименовывать город Брежнев обратно в Набережные Челны. Это действительно достойный памятник эпохе щедрого любительства. «Взгляд на город с одиннадцатого этажа» — первый фильм трехсерийной телевизионной ленты «По эту сторону мифа» — рассказ взрослой Инны не только о своей юности. Он и о моей молодости. О нашем общем блаженном комсомольском задоре, послужившем, как теперь оказалось, отличным раствором для скрепления возведенного общими усилиями маразма.

—...Взяла газету в руки, там какие-то девицы в спецовках улыбались. Подпись: «Мы живем на КамАЗе». У них совершенно счастливые лица. Я говорю: вот оно, надо ехать. Я тогда совершенно была уверена, что это будет лучший город на земле. Что нам посчастливилось его строить. Казалось, что остальным просто не повезло, что их здесь нет. Это было счастливое время в жизни. В этом городе, где постоянно попадаешь на глаза журналистам, которые рыщут и жаждут таких вот открытий: она с мастерком и еще стишки сочиняет... Тут меня рвали на части, а мне потом показалось, что я действительно очень хороший поэт: все, что я ни писала, хватали и печатали. И портреты мои с наивными глазами... Так нужно этому времени, нужна такая девица на КамАЗе... Я не знаю, сколько притянулось на меня, как я притянулась на какую-то девицу. Когда радость ушла, сначала не заметила, не поняла, отчего... Начала искать, кто виноват, почему меня раздражает то, что раньше казалось естественным и прекрасным... А потом вдруг поняла, что наша жизнь — как на витрине. Что мы — марионетки для привлечения новых трудовых ресурсов.

Впервые я встретилась с Инной Лимоновой десять лет назад в Набережных Челнах, когда она уже коечто понимала, в отличие от меня. Не могла не понимать, потому что к тому времени прошло уже шесть лет, как шагнула с перил балкона ее подруга Нина Грязнова. В фильме Инна рассказывает о том, как хорошая строгая девочка с идеалами, Нина, не выдержала грязи и мата, и серости, и пустоты камазовской жизни, не выдержала одиночества в общем, днем и ночью, житии. Нина клюнула, «притянулась», как говорит Инна, на ее фотографию в газете. Это же как надо верить! Безликая крупа текста, серый растр фотоулыбки,— и семнадцатилетнее существо бросает папу и маму и прется на другой конец России, в чужие люди, на сквозняк стройки, ни кола ни двора, одна нежность за душой, нежность и гордость, и ни одной мозоли. Словно столбы такой мошкары, знаете, они держатся тучей над одним местом, не рассыпаясь, и передвигаются тоже роем — сколько их реяло во все годы по стране: над БАМом и Сургутом, над Братском, Магниткой, Комсомольском и прочими звонкими зеркальцами на карте, где они рассчитывали отразиться, отразить (выразить) себя. Зеркальца, однако, часто оказывались полыньями, затянутыми тонким, сверкающим обманом. И непрочные гибли. Прочные наращивали мозоли опыта и цинизма — или мудрости, как Инна Лимонова... Но откуда было взяться прочности?

...Жизнь казалась прекрасной. Война казалась историей. В существование иных стран верилось с трудом, они упоминались обычно как мера площади: края и области измеряли почему-то «бельгиями». Мы никогда не слышали слова «джинсы», донашивали какие-то боты, бегали на первомайские демонстрации (к неформальным тогда еще и мыслями не подобрались), прорываясь к Красной площади сквозь милицейские кордоны, по проходным, по крышам, которые знали очень хорошо, потому что учились, гуляли и росли в окруженном помойками точном географическом центре Москвы. А война-то кончилась каких-то семь лет назад. И мы были той уникальной генерацией детей, которая поднималась в мире, вычеркнувшем имя Сталина. И еще не вписавшем его вновь. Хотя самым зрительно ярким воспоминанием лично моего детства был залитый белым солнцем двор, в котором стоял черный фургон, в нем открывалась задняя дверца и по железной лесенке спускался мой высокий, сутулый, с болезненным брюшком дед. У него были круглые сильные очки, он много лет работал в Копенгагене (Дания, что не покроет и половины Рязанщины), а потом — во Внешторге. Я не знала, что мой отец был сыном врага народа и что одно время нам почти нечего было есть, потому что сын за отца хоть и не отвечал, но на работу папу не брали. Ничего этого не помню, я жила в счастливом мире. В мире весны и кукурузы. В мире богатых помоек и грандиозных коммуналок. В мире активного неведения, своей радостной, неосознанной бедности, пронзительных песен, в которых рев грузовика поднимал и гнал примагниченный к бортам пыльный ветер: едут новоселы по земле целинной весну и молодость встречать свою-у-уу! Естественно, в романтическую пору семнадцатилетия меня понесло на целину, где каторжная работа студентов, серая перловка и плоская степная нищета ничего, кроме восторга и стихов, у меня не вызывали. Инна Лимонова — уникальная, талантливая личность. Но «Инна Лимонова» — это еще и тип, рожденный оттепелью...

Итак, мы с ней вклинились в ослепительную, манящую, маниловскую, сиреневую весну страны, и легкость, резиновая прыгучесть нашего поколения, сливочный торт ВДНХ с золотыми словами на воротах, поднимали нас над нашей отдельно взятой страной, о которой мы ничего, ни-че-го не знали. Не исключено, что судьба именно моего поколения оказалась самой горестной, как судьбы неких городских дурачков, которые образумились к сорока годам, прозрели и ужаснулись, ибо страх и горечь сорокалетнего разочарования бесплодны.

Не мудрее ли те, кто шел за нами, вновь сбившись в толпу, в толпу одиночек, но одиночек, связанных противостоянием миру, обществу, времени, безнадежности?

Потому и сделали этот фильм три молодых сценариста... Правда, есть еще режиссер Ирина Галкина с сорванным оттепельным голосом. Ну, может, потому этот фильм получился таким... Во всяком случае, фильм первый, об Инне Лимоновой. Мотив безнадежного прозрения обманутых энтузиастов — мотив Галкиной,— и кажется мне самым важным в партитуре телевизионной трилогии.

Перечитывая сейчас то, что понасочиняла я в те годы, не могу не усмехнуться смущенно: «Мне так необходимо сбыться...»,— писала Инна Лимонова, восемь лет назад приехавшая, захлебываясь романтикой, строить КамАЗ. Было ей семнадцать лет, она только что окончила в Челябинске школу. Что вкладывала она в свои стихи? Сбыться — кем? Строителем? Поэтом? Работала плиточницей. Чисто работала. Старательно. Но чувствовала — не это ее Челны. Инна шла на голос. И набрела на кружок начинающих поэтов — «Орфей». Вот где запела, забила наружу бродившая в ней романтика, потому что не в стройке она, не в путешествиях, а в нас. До чего щедро, жадно читали, читали, читали друг другу. До чего щедро удивлял мир, и как на мир были похожи мы сами, как удивлялись себе и хотели узнать: что дальше! Создавалась камазовская поэзия.

Мы всерьез верили, что вокруг строительной площадки поднимаются не просто жилые корпуса (да и не видели, что кое-как сляпанные, через десяток лет они осели, стояки перекосило, ремонтировать надо новостроечки-то — все оказались в аварийном состоянии), верили, что растет ГОРОД, духовная структура, насыщенная своей уникальной любительской культурой... Ее несли в рюкзаках сумасшедшие энтузиасты вроде режиссера Коли Пархоменко, убежденного, что кислородная подушка его театра насытит всех... Еще были режиссеры Валя Куликова, Сергей Овсянников, художник Юра Свинин, консерваторка Юлия Безотосная, другие... Это правда, они приезжали сюда с целью вырастить целый город бескорыстных интеллектуалов, город свободных, красивых, гармоничных людей... Они, как и я, считали, что создают камазовскую поэзию, камазовский театр. Ничего этого не вышло. Не могло выйти. Не мог расцвести человек там, где он изначально был средством, а не целью. Вышло другое — межрегиональная кооперативная федерация и политклуб под руководством бывшего слесаря, молодого политика Валерия Писигина, действительно сумевшего привлечь к себе множество камазовских мозгов. Об этом рассказывает третий фильм трилогии — «Политический портрет», словно бы оптимистическая нота в повествовании. Но лично у меня не вызывают надежды на будущее эпизоды, снятые дома у Писигина. Мне внушает тревогу его пятилетний сын, читающий Троцкого и рисующий Сталина со свастикой на рукаве.

Искусственный город создает искусственную любительскую поэзию. Поэзия не может быть камазовской или рязанской. Поэзия не может быть придатком к стройке. Любительство — удел и бич провинции. Но хуже нет любительской политики. Она приводит к любительской власти, которая способна осуществить себя только в провинции и потому превращает в провинцию всю страну.

Сопоставляя некоторые даты, диву даешься, как вместительно время. Вроде никто никого не водил сорок лет по пустыне, а между тем выросла совершенно новая генерация молодежи. На чем? Неужели пять лет правдивой информации могут так преобразить психологию? Ведь страшно сознаться: нам было тогда не шестнадцать, нам стукнуло тридцать, а иным подпирало и под сорок. Почему мы по-прежнему ни-че-го не понимали? Почему так рады были обманываться? Вот что писал мой друг, с которым мы на диво весело и единодушно работали в те годы в журнале «Молодой коммунист», а был это, к сведению насмешливой молодежи, журнал исключительный. Рядом работали диссидент Лев Тимофеев, будущие огоньковцы Чернов, Глотов, философ Игорь Клямкин, замминистра культуры Вадим Чурбанов... да-с; так вот что писал один из этих барбудос:

«Надо было видеть КамАЗ именно весной, чтобы понять, что это такое. Это было зрелище любопытнейшее, в некотором роде даже фантастическое. Ветер. Солнце, мощное, как прожекторы. Город, сверкающий новорожденными стенами, стоит, как остров в грязевом черном море. Ощущение нереальности рождалось именно из-за этого сочетания чистеньких, без пятнышка, домов, растущих прямо из грязи, как первые боровички. Но грязь была знаменательна не только масштабом, а прежде всего — причиной своего происхождения. Ее породила стройка, но не вследствие небрежения, напротив, по широкому замаху щедрости, мощи и того самого умения видеть далеко вперед. В самом еще начале строители, поахав: сколько земли пропадает (а под одни лишь заводы уходило не более чем сто квадратных километров), сняли верхний плодородный слой и сложили в терриконы, чтобы сберечь для будущих скверов и газонов, поделиться с пригородными колхозами. Обнажили глину. Вот она весной, не удерживаемая ни травой, ни кустарником, и пошла в наступление. Так сказать, за что боролись, на то и напоролись. Размахнулись, конечно, чересчур, малость не рассчитали, трудностей себе прибавили, но все-таки

землю-то сберегли! Сейчас грязь забылась, а стоят скверы, растут деревья, корни которых и питаются соками той убереженной земли». Очень характерный и яркий пример нашего самообмана. Грязь не забылась, но не в этом дело. Зачем мы прямо-таки заклинали сами себя, что все — не просто хорошо, а гениально? Мы, что, не соображали, что дома осядут, город поплывет, как сейчас «Атоммаш», что очередные миллионы тонут в этой грязи? Не соображали или не разрешали себе соображать?

— Очень гордились,— говорит Инна Лимонова,— чернозем снимаем, вывозим, земле не вредим... А для того, чтобы новый плодородный слой нарос, знаете, сколько времени нужно? А на пустых вот таких почвах ничего не вырастет.

На пустой почве, на пустом месте не может вырасти полноценный город. Вдруг, на одной только информации не может сформироваться и новая, полноценная психология. Поэтому я вот в чем подозреваю молодых: начитавшись Бухарина, Коэна и Роя Медведева, они впали в самообман еще покруче нашего.

Нам так нравилось, что из грязи растут белые дома, что мы действительно боялись копнуть глубже, чтобы не расшатать нашу красивую постройку. И еще по одной причине: нам самим очень хотелось вырасти из грязи, в которой жили, и осуществиться в новое и чистое прибежище новых людей. Нас легко было обмануть, потому что мы сами об этом только и думали.

Новые ребята, узнав и осознав, что почва под ними пустая, стали понимать себя отдельно от нее. Нам, дуракам, казалось, что страна «пишет летопись героических свершений», а мы в них участвуем. Умные поняли, что страна ворует, пьет и разлагается; они же, как им кажется, на этом фоне занимаются делом. Однако дело их заключается именно в том, чтобы понимать и формулировать, как ворует, пьет и разлагается страна...

В фундамент КамАЗа лег тот же самый обман, который изначально лег в фундамент всего государства: «И сказал Он, что это хорошо». Что — хорошо, почему хорошо, кому хорошо— не обсуждается. Но обман в основании, как стронций, протекает на поверхность, и пьем из него — и мы, и вы, и они.

Мой друг и коллега доездился и дописался до звания «Почетный строитель КамАЗа». И честь эта никому не казалась сомнительной. Да и не казалась, она была истинной. КамАЗ и его люди — истинная часть его биографии, и люди эти, хотя и обмануты,— все равно герои. И на моего друга, который так много и так талантливо о них писал, падал отсвет их героизма. Так что почет и популярность его на «Камском гиганте» заслуженны и несомненны. Как несомненны, истинны, искренни были человеческие отношения в те особо гнусные годы национального и государственного цинизма. Как реакция, что ли, как противодействие... Может, сама доверчивость была защитной реакцией на неиссякаемое вранье. Но кошмар в том, что два эти процесса друг друга взаимно укрепляли. Чем больше мы верили, тем больше нам врали, и чем больше врали, тем больше мы верили. Поэтому так тяжело и больно нам прозревать: приходится проклинать свою доверчивость, но ведь и все, с ней связанное, а связана была жизнь.

Трагедия шестидесятников и семидесятников не в том, что мы вышли из мифов и они отпечатались в нас тем-то и так-то. А в том, что мы в этих мифах остались. «Не допускаю, что вы писали тогда искренне,— сказал мне умненький из новой волны.— Не до такой же степени вы были идиотами». До такой. Конечно, с точки зрения молодых неформалов, это идиотизм: не связывать маразм государственной власти с грандиозным маразмом государственных свершений. Но для меня и сейчас КамАЗ — это не Брежнев, а Инна Лимонова, Коля Пархоменко и другие известные и неизвестные мне люди, живые и уже населившие жуткое, плоское, с редкими крестами и типовыми надгробиями молодежное кладбище Набережных Челнов. Они были живыми, настоящими, замечательными, хотя и были частью мифа. Поэтому как нельзя отречься от них, от себя, так нельзя отречься и от самого мифа, который мы создавали вместе. Поэтому живет двадцать лет в Челнах на своем одиннадцатом этаже Инна Лимонова и растит там своих сыновей. И Юрий Манусов, человек с тремя высшими образованиями, дипломированный режиссер, автор сценария «По эту сторону мифа», живет в Челнах и работает на КамАЗе наладчиком, что ли. Они давно уже все понимают, как и Александр Александрович Худяков, рабочий, отказавшийся от партбилета.

В фильм не вошли другие кадры: череда рук, выкладывающих свои партийные билеты на стол парторга; длинная, как за мясом, очередь коммунистов-«отказчиков». Александр Худяков вошел (о нем второй фильм — «Непростой советский человек»). Женщины-литейщицы вошли. Вошел митинг протеста против строительства очередного завода — химического: «Ради наших детей этого не должно случиться!» — и заунывный кадр, через весь фильм: «бум-бум-бум», дизельная баба бьет и бьет в камскую землю, засаживая туда сваю за сваей, в основания новых заводов, все новых и новых мифов. Значит, понимать мало?

Митинги захлестнули страну. Райкомовские столы завалены старыми партбилетами (что с ними делают? Рвут, наверное, как паспорта умерших). В политклубах устраивают суды над Сталиным и анализируют значение политической фигуры Горбачева. Самодеятельный лектор в камазовском вагончике объясняет разомлевшим у калорифера строителям, как важна ответственность каждого за перестройку. Вместо одного бессмысленного лозунга «Экономика должна быть экономной!» раскрашены щиты под другой, столь же чеканный: «Перестройка — решающий фактор современного этапа!». И такая тяжелая, вязкая мгла наползает на душу, в особенности же от этого жуткого лозунга в чистом поле... И логическая точка: Елабуга, грязный снег, грязное небо, и в небе трафарет: «Автомобильный завод». Свежий метастаз КамАЗа. Закладка стоит три миллиарда, а ведь уйдет двадцать. Новый гигант подберет все сельское население округи, и голод вновь наложит свою жесткую лапу на этот «плацдарм будущего в настоящем». В наше время продовольственные карточки впервые были введены на КамАЗе. Все, как в песне поется, повторится сначала. И будут дети, которым на роду написано встать у конвейера, потому что у завода будет базовая школа. Новые поколения? Новая психология? Но откуда же берутся все новые и новые эшелоны «притянутых» на обещания? Неужели до бесконечности?.. Чего же стоит тогда опыт наших разочарований?

Фильм не отвечает на эти вопросы. Предложенная альтернатива — Валерий Писигин если и служит гарантом будущего, то совсем не того, ради которого ехали сюда двадцать лет назад люди странной породы, о которых писал мой товарищ. Он назвал их «элитой ударных строек». Житейской легкости этих людей, менявших стройку за стройкой, было объяснение: все они были высококлассными профессионалами. Именно потому не боялись срываться с места: везде ждал их заработок, но именно потому их так легко было и обмануть: мастер щедр, потому что предполагает мастерство в других. Он видит мир со своей колокольни, с его точки зрения в этом мире все делают свое дело. И доверяет — газетам, проектам, капиталовложениям. И потому, соответственно, так недоверчивы, подозрительны непрофессионалы. И так стремятся сделать своей профессией руководство.

«Он, конечно, прирожденный лидер. Он настолько уверен в себе, что невольно подчиняет себе людей. Вот помещение для клуба — одно, второе. Когда ездит в Москву, он ведь устанавливает знакомства с такими большими людьми—прорабами перестройки, которых другой человек просто бы не решился и не смог уговорить. Но вот это лидерство — оно иногда тяжело. С копыт прямо отбрасывает твою мысль — и все. И в такие дни иногда думаю: не буду я ходить, потому что это не клуб имени Николая Ивановича Бухарина, это клуб имени Валерия Писигина...»

Сейчас, мне кажется, мы вошли в такую историческую полосу, когда политика разбухла, как пораженный водянкой мозг, и под ее уродливым объемом съежились слабенькая шейка, плечики, хребетик и ножки труда, работы, профессии — вообще ДЕЛА, из которого политика высосала все соки. Великая стройка и грандиозный комбинат — КамАЗ — вместе со своим придатком Набережные Челны совершенно органично вросли в этот процесс.

На хроникальные кадры монтажа конструкций ложится иностранный текст; диктор переводит: «Строительство подобного предприятия не под силу в Соединенных Штатах или Западной Европе. Тут мы не можем конкурировать. План строительства такого комплекса превосходит все заводы ФРГ, вместе взятые. КамАЗ — это зеркало технического прогресса, зеркало социалистического образа жизни...». Вот что было самым главным. Вопрос о том, почему же так уж безнадежно отсталые от КамАЗа США и ФРГ обладают парком автомашин, тысячекратно превышающим советский — «отбрасывался с колес». Об этом нельзя было задумываться никому из нас, потому что следом всплывал предательский — уже не вопрос, а ответ: правомерно ли строительство КамАЗа? А размах? А энтузиазм? А дружба? А такие интересные новые технологии? А мечта? Да, все было, и было, как вспоминают все ветераны, здорово, и все это тоже было КамАЗом. Поэтому так страшно отзывается подлая безграмотная ложь пророков, с треском разрывая не только экономику, но и душу. Теперь-то я согласно киваю, когда мой почти однофамилец директор РАФа рубит пальцем по безбрежной глади своего балтийского стола: «Хватит мегаполисов! Необходимо в корне менять проекты, чтобы производство обладало гибкостью для выполнения того или иного заказа. ТОГО или ИНОГО. Это важнейшее звено перестройки. А у нас само производство построено в расчете на монополию. Почти все заводы ориентированы на жесткую продукцию, на догму. Не КамАЗ строить, а на ЗИЛе, на ГАЗе надо было модернизировать процесс! И запускать новинку за новинкой, сколько потребует спрос! Подсчитано ли, какие миллионы вылетают в трубу из-за отсутствия гибкого — конкурентоспособного — производства?!» Но в те годы, когда люди жизнь клали на возведение неповоротливых «мегаполисов», столь трезво и здраво разрушить миф казалось немыслимым. Поэтому больше нигде в мире, наверное, строительство автомобильного завода не может стать политической и идеологической акцией.

КамАЗу была уготована роль не столько поставщика техники на внешний и внутренний рынок, сколько роль решающего аргумента в споре идеологий. КамАЗ (не он один) предназначался не машинами страну обеспечить, а заявить миру о величайшей бодрости советского образа жизни, возглавить наряду с космосом так называемое триумфальное шествие социализма. Уже ученые, жители региона понимают, что дальнейшее разрастание этого индустриального чудища — это разрастание опухоли, съедающей человека и ничего не дающей взамен.

Но расплавленные в литейке иллюзии дела не меняют.

Словно не минуло двадцати лет, тем же радостным голосом другой диктор ликует по Челнинскому телевидению: «Мы сейчас думаем, а почему бы не построить в округе небольшой металлургический завод... («Ага, давайте!» — насмешливо кивает, сидя у телевизора, Инна Лимонова.) Нам надо решать вопрос производства металла. Будет развита атомная энергетика. Нижнекамская ГЭС есть. Мощность электрическая есть. Нужен электрометаллургический завод — раз; перерабатывающие заводы — два. Срочно надо придумывать сейчас трудоемкие заводы. Там, где можно занять большое количество рабочей силы. Мы радуемся, что у нас каждый год рождается более чем 10 тысяч детей!»

Съемочная группа прибыла в Набережные Челны, уже зная, конечно, о чем будет фильм: о том, что новые города вокруг промышленных гигантов — это уродливый, искусственный социум, люди для конвейера, люди для машин; это беднейший культурный слой, аварийные небоскребы (некогда, некогда!). Цех — общага, общага — цех; торопливая любовь и отупение, отупение... Дети, рожденные стать ремонтниками, если живут на территории ремонтного завода. Экологическая катастрофа. Нравственная и физическая гибель.

Съемочная группа прилетела летом, оглянулась — и ахнула. Вокруг сиял голубой город. Город будущего. Небо отражалось в его стеклах, чистый простор заливал широкие улицы, а улица внезапно впадала в зеленый луг, и по лугу бежал, позванивая, красный трамвай.

Как не помнить ошеломляющее впечатление! За десять лет, стало быть, не потускнел... воплощенный миф.

...Помню я также город Ангарск, его тесовые тротуары, самолет, неторопливо катящийся по улице вдоль забора,— байкало-амурская сказка, ледяная вода, ели над трассой, тоннель в базальтовой породе, апельсиновый сок в магазинчике ударного участка комсомольской стройки. Сколько тысяч двинулось за биографией сюда, и сколько миллиардов вылетело в трубу отсюда! А Новый Оскол, а Тольятти, а Новополоцк, а «Атоммаш», а Новомосковск, а другие Ново... Зелено... Солнечно... Города, которые рождаются для того, чтобы сразу же превратиться в глубочайшую провинцию — духовную, материальную, социальную, правовую. «Я ненавижу с тех пор резиновые сапоги. Я резиновые сапоги никогда не надену без крайней нужды. Зиму с 72-го на 73-й мы проходили все в резиновых сапогах. Наехали бульдозеры, скреперы, всю землю перерыли до такой степени, что она потом не замерзала всю зиму. Сверху лежал снег, а внизу наступишь — вода. Корежит меня, физически корежит при виде резиновых сапог...» В Набережных Челнах одна из самых высоких по стране цифра молодежной преступности. Рэкет. Свалки. Пьяные подростки. Коренастые девчонки с пластикой уездной танцплощадки, голые мускулистые плечи, счастливые глаза — автозаводский конкурс красоты. Кокетливые позитуры культуристов, блеск бицепсов. Сверкание раскаленной болванки, в три смены озаряющей жизнь литейщицы, тридцатисемилетней старухи, двадцать лет назад прискакавшей сюда по зову сердца...

Съемочная группа «По эту сторону мифа» не испытывала ностальгических комплексов и сумела снять жесткий, ясный и беспощадный фильм, связав в трех сюжетах прошлое, настоящее и будущее тоскливого и нелепого порождения любительской государственной деятельности — молодежной провинции. И назвали фильм правильно: «По эту», а не «По ТУ сторону мифа», как хотели вначале. По ту сторону остались мы, сорокалетние, а позиции тридцатилетних — позиции безусловного развенчивания всех прошлых мифов — по эту сторону. Вместе с оптимистическим аккордом камазовской истории — полит-

клубом имени... Бухарина (или все-таки Писигина?).

Лично для меня дело выглядит гораздо безнадежнее.

Почему, думаю я, в нашей стране и в «ряде других» стран так легко было обманывать народ? Потому, отвечаю себе, что идеология, гребущая под себя, подавляла дело. У власти стояли не практики-профессионалы, а теоретики-любители, которые использовали богатства недр и мастерство, выносливость, знания людей для утверждения своего владычества. Из поколения в поколение народу внушалась мысль, что жить надо трудно. Что дорога́ та победа, которая достается нечеловеческим напряжением всех сил, а желательно — смертью. Но рабский труд, на котором главным образом держалась Советская власть в течение сорока лет, нарушил экономические законы, и к Двадцатому съезду наша страна пришла не только отсталой. Сорок лет циничнейшие из пророков водили свое племя по пустыне, окруженной колючей проволокой и железным занавесом,— и так называемую оттепель страна встретила, глубоко разъеденная рабской психологией страха, покорности и любви к хозяйской руке. И то, что рука эта вожжи слегка отпустила, не могло изменить психологию, изменилось отношение лишь к данному конкретному хозяину: меньше стали бояться и, следовательно, уважать. Трепетное «Товарищ Сталин», облегченно вздохнув, заменили бойким «Никита». Однако богаче страна что-то не стала. А ведь не придумало человечество пока другого критерия национального здоровья, кроме благоденствия. Богаче страна не стала и не станет, пока идеология не займет подобающего ей места, как происходит сегодня «в ряде стран», за исключением одной, отдельно взятой. Пока идеология будет командовать профессией, делом, не очень хороший профессионал будет стремиться стать носителем идеологии.

— Я находился на такой социальной ступени, где мне не грозило ничего. Что слесарю может грозить? Дежурному слесарю химцеха, где посменная работа, где маленькая зарплата, где самая низкая квалификация? Я был плохим слесарем,— признается Валерий Писигин.

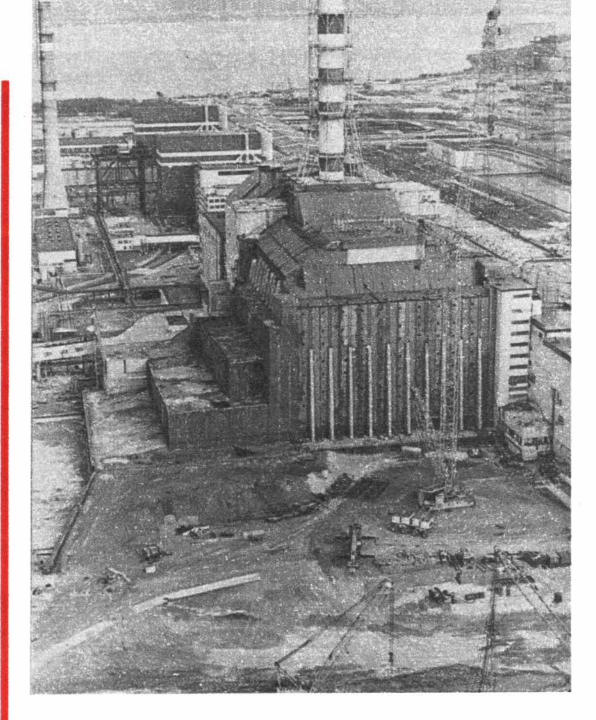
Подразумевается, что потому-то он и мог заниматься политикой. Ему повезло: он не застал поры, когда кастет идеологии настигал любого, независимо от социальной ступени: и академика Андрея Сахарова, и рабочего Анатолия Марченко. Любого, кто «лез в политику». И заметьте: когда политикой заниматься было опасно, на этот риск шли люди, украшавшие собою свое ремесло. Золотые руки Марченко. Золотая голова Сахарова. Золотое перо Солженицына. Золотой смычок Ростроповича. Можно, наверное, без преувеличения сказать, что все диссиденты были классными специалистами в своей профессии. Не было нужды в самоутверждении, была нужда в утверждении правды и справедливости.

Это я к тому, что, развенчав (правильно, убедительно) старые мифы, авторы, помимо воли, создали новый. Миф о Валерии Писигине, о панацее политической активности.

Но если ошибаются талантливые авторы, то их ошибки исправляют их же талантливые произведения. Фильм «По эту сторону мифа» сказал все, что он должен был сказать, по-своему повернув волю авторов. И не случайно именно оптимистическая концовка, а не горькие откровения первой части, не яростная, злая публицистика второй вызвала панику телевизионного начальства. Фильму эфира не дали. Заместитель председателя комитета по ТВ и радиовещанию Г. А. Шевелев прямо сказал авторам (сценарист Игорь Побережский готов подтвердить эти слова под присягой): «Ваш фильм дестабилизирует ситуацию в стране и дискредитирует руководство. Я не выпущу его никогда». Были предложения прокатать картину без третьей части, авторы отказались наотрез,— я их понимаю. Но не верю верноподданническому возмущению руководства ЦТ по поводу не слишком почтительного обсуждения М. С. Горбачева в эпизоде заседания политклуба. Господи помилуй, да кого это сегодня может напугать, когда все, что думаем, мы говорим с трибун, по тому же телевидению, кричим на площадях и печатаем в газетах и журналах. Конечно, тут другое. Кабинетные идеологи читают притчу о Валерии Писигине, как пародию. Пародию на механизм политической власти. На ее любительский уровень и любительские амбиции.

Не исключено, конечно, что я ошибаюсь, и начальники запрещают хорошую картину без всяких задних самокритичных мыслей, а просто потому, что такая их, начальников, доля: запрещать хорошие картины (книги, вакцины, проекты, артели). Просто они — начальники, и кодекс их сложился исторически: «Лучше перебдеть, чем недобдеть».

Что же главный редактор кинопрограмм Сергей Кононыхин? С ним все нормально. Ведь это когда начальники своей волей что-то разрешают,— летят головы и кресла. Своей волей можно только не пущать. «Скажут показать — покажу»,— пообещал главный редактор авторам.

Ася КОЛОДИЖНЕР

«КОГДА СТРАНА БЫТЬ ПРИКАЖЕТ ГЕРОЕМ...»

— Там опять Павленко...

Человек приходит в редакцию, как в последнюю инстанцию. Говорит, что всем нам грозит опасность, заражает нас болью. Начинаешь изучать книги и таблицы, пытаешься разобраться в радиоэкологии... Павленко ждет. Он надеется на гласность, которая позволит сказать правду о последствиях аварии. В «Огоньке» нет специалистов — атомщиков, медиков... Но и авторитеты часто не сходятся в мнениях перед чернобыльской бедой.

В каждый свой приезд в Москву Валерий Петрович появляется в редакции. И опять книги, расчеты, таблицы.

Он не жалуется.

— Мне еще повезло,— рассказывает Павленко.— Среди десятков тысяч прошедших через зону лучевые диагнозы получили единицы. Остальные гибнут как бы кто от чего. Вот и завидуют — удостоверение, подтверждающее связь заболевания с аварией на ЧАЭС, дает хоть какие-то льготы.

Когда был брошен клич спасать ЧАЭС, со всей страны, кто по приказу, кто добровольно, устремились в Припять. Сколько из них осталось в живых? Страшно умирать медленно, но не страшнее ли равнодушие людей к твоей судьбе?

Выполнивших свой долг в Чернобыле часто не принимают на работу — это Павленко испытал на себе. Отказывают в получении законных льгот. Две клиники, специализирующиеся на лучевых заболеваниях, не в состоянии не только лечить этих людей, но даже поставить им правильные диагнозы. Не потому ли в Киеве больные собрали деньги, чтобы Павленко снял копии со своих документов, размножил их как пособие для тех, кому еще предстоит доказывать, что, например, лучевая катаракта — последствие аварии...

Валерия Петровича даже пытались привлечь к уголовной ответственности за запись в больничном листе о лучевом поражении глаз, ему пришлось доказывать, что он психически здоров и что не ищет для себя выгод, а лишь требует справедливости.

Радиация, как и шальные пули, не выбирает жертв. Когда Павленко лежал в шестой больнице, насмотрелся всякого. Одного человека сюда привозили на черной «Волге». В соседних палатах лежали и дети, и ликвидаторы, и даже один офицер госбезопасности, который был в гуще событий. Он нес свою службу в тридцатикилометровой зоне. Павленко занимался непосредственно радиоактивными обломками. Наград не удостоился, по служебной лестнице никуда не взлетел: он — один из многих. Но перед радиоактивным заражением, оказывается, все равны — и академик, и генерал, и офицер спецслужб, и рабочий...

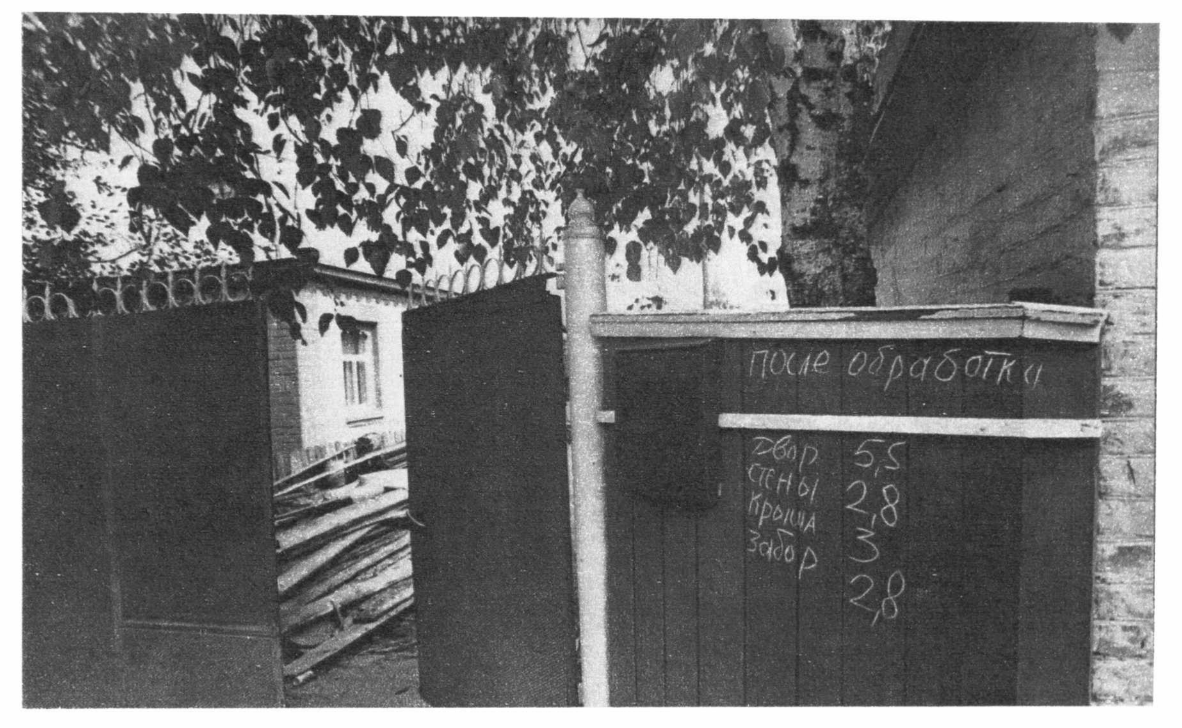
Однако Валерий Петрович из тех, кто сознательно шел на риск, зная о радиации все. Он много лет проработал в этой системе. Удостоверение ликвидатора получил через три года после аварии, испытав на себе всю муку мученическую советской судебной системы. Он победил. Пенсию ему назначили шестьдесят рублей, инвалидность второй группы. Четверо детей смотрят на него с гордостью и со страхом за завтрашний день.

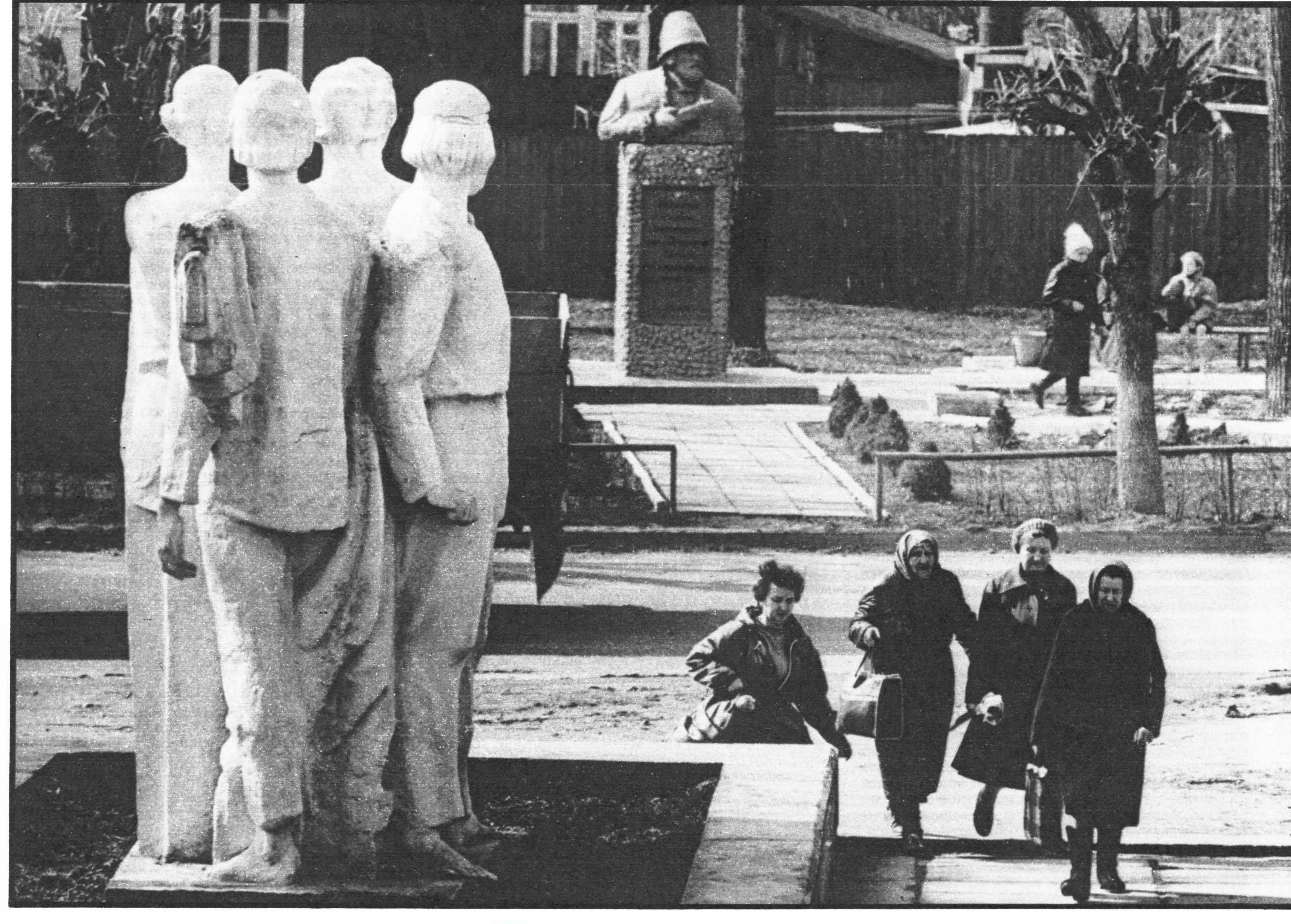
О, да! Павленко — победитель! Ему сполна воздала дорогая держава за то, что он получил свои бэры.

Несколько месяцев мы следили, как медицинские чиновники держали перед ликвидатором оборону. Теперь она прорвана. Это для Валерия Петровича...

А для других?

Другим, наверное, будет легче. Президент СССР подписал Указ о помощи детям зоны. Вышло правительственное постановление о мерах по улучшению медицинского обслуживания и социального обеспечения ликвидаторов. Немало льгот обещается «лицам, заболевшим лучевой болезнью». И только один вопрос остается без ответа: кто, кому и при каких условиях определит диагноз этой «почетной» болезни, ставшей у нас чем-то вроде туберкулеза. Легко ли, чтоб в вашей медицинской карте такой диагноз начертали, спросите у Павленко. Пока его история не исключение из правил.

Нина ЧУГУНОВА

ПОСАД

Марк ШТЕЙНБОК (фото)

Как теперь Сталинская называется? А так и называется, народ нового названия не приемлет никак. Почему ж? Верят в Сталина? Да ни во что не верят, а для удобства. Там, видишь, винный. Вот и говорят: «Командир, на Сталинской есть?» «Сиводня нет ничего». А какая в действительности эта улица — Кирова? Победы? Первого Мая? Что в действительности? Ну, по-государственному? Все улицы правильно называются. Купеческая была. Нету. Я здесь всю жизнь, вон мой домик, в глубине двора, ничего. Особняк! Вот батюшка наш прошел, я ему сына носил крестить, это я с ним раскланялся, батюшка, видали, шляпой махнул. Хороший батюшка, отец Анатолий. А улицы Победы у нас нету, есть площадь Революции, мы ее зовем площадью Восстания. Для смеха. Это вам не смешно, а народу смешно.

Мне здесь все родное. Вон дом, он сверху весь аварийный, а внизу люди живут, ничего, устроились и живут. Женщина с тремя детьми, мы почти что соседи, у нее сыну крыса ухо прокусила. А моему — десять...

В двадцать седьмом баню построили, там цифры на крыше есть, десять лет ремонтируют. Я еще в баню ходил, а сын нет, поздно родился для бани. Отремонтировать обещали в четвертом квартале. Или в третьем, разницы нет... Как же люди обходятся? Ну, как... На фабрике есть... Кто ездит в деревню по гостям мыться. В Клязьме не купаемся, давно уж не купались, лет, что ли, пять...

А раньше купались, да, раньше много чего было. Улица Купеческая, повторяю, была.

А вот мы видели дом странный, там на фасаде «1914», серый, что там было? Видно, что не для жилья. Черт знает, будто бы тюрьма. Чего не знаю, того не знаю. В пятьдесят седьмом баню иконами топили. Я маленький был, почти ничего не помню, но знаю, что было там, рубили топорами... комсомольцы или милиционеры. Наверное, по домам не позволено было разносить, но это мне самому странно, ведь народ веровал всегда.

Вот роддом, он один, тут мой сын и родился. У жены потом болезнь началась от родов, врачи хотели под нож, а я схватил — и к бабке; пошептала — и как рукой сняло. Я тогда сына и окрестил у батюшки. Свадьбу где праздновал? Ну чего мне вспоминать. В столовой. Мы все в столовой празднуем, и свадьбы и поминки. Ресторана у нас нет. Вечером? Ну, у кого видяшник... ну, винно-водочным и развлекаемся. Не всегда бывает? Так и бражку можно.

А это наш кожвендиспансер. Развалюха, страшно заходить: не заразишься, так крыша на тебя падет.

Памятник Дзержинскому открывали. Они его установили и стали ждать Дня милиции, чтоб открыть как положено. Так он! Так головой в мешке и стоял! Честное слово! Долго стоял!

Ленин у нас да, странный, руки длинные, но мы привыкли.

Он сказал, что его зовут Володя. Мы с ним пошли кладбище посмотреть. Ходили между могил, а он ждал в машине. Он таксист. Сказал, что работы хватает, несмотря на то, что «внутри почти не ездят». Допустим, говорит, человек вышел из московской электрички, какой он? Обвешанный он весь, ноги трясутся.

Перед входом на кладбище была вывеска, запрещающая устраивать свалку.

В храме отпевали двоих покойников, стариков, и рыдала немолодая, похоже, дочь. Старуха, принявшая милостыню, спросила:

— На субботу останетесь?

Володя курил в машине и нюхал прелый воздух свежевскопанной земли.

(Я хочу этот город описать в его невиданных подробностях, что с первого раза вцепятся в тебя навсегда, и после будешь от них отбиваться, нос воротить, между тем как они уж, как пронумерованные бревна перевозимого на другой хутор сруба, ловко построились внутри тебя, рассчитались на первый-второй и начали поживать. Отдирай эти вороха оттаявшей из-под снега прошлогодней газеты, она летит на тебя по склону от бывшего храма, она тебе в лицо летит как брань.

Вы наш музей еще не смотрели?

Площадь перед вокзалом: слева торгуют капустой и багровыми яблоками, у них вкус травы. Яблоки по три пятьдесят. Остановка автобуса, гаражи, бумага. Клубы пыли, прямо летней. Приступ скуки, как приступ удушья. Фальшивые цветы в руках бабули, единственной в торговом ряду. Нет подснежников, нет пирожков. Семечки!

Не могу продолжать. Это Загорск? Калуга? Тверь? Клин? Козельск? Люберцы? Станция Косино?

Или это южнее, севернее? Станция Трудовая?)

Улица называется «КРАПОТКИНА». Так написано на вывеске, вывеска на угловом доме, окна не занавешены, они залеплены глухо-наглухо ситчиком шестидесятых годов.

Почему так улица называется? Я вам точно не отвечу, но это у нас от Москвы, в Москве точно такая улица есть. Правда? Говорят. А кто он, этот человек, мы не знаем, вам лучше бы следовало обратиться в горисполком. Вот прямо идите, за Доской почета, сразу узнаете горисполком. А мы не знаем, хотя я на этой улице жизнь прожила, прямо в этом доме, там сейчас большая, хорошая комната пустует, все жильцы ее перемерли, она и пустует, таких у нас очень много найдется. Может, КРАПОТКИН был революционер? Не знаю, не знаю. А есть ваши, местные, свои, чтоб улица называлась? Конечно, свои есть. Роза Люксембург. Она наша.

Почему же те окна занавешены, на углу? А, это мои знакомые. Они стенку

купили, а поставить ее, кроме как перед окнами, негде. Вот они окна и загородили. А как свет? Там еще света достаточно, а стенку им совсем некуда поставить. Тут и без света можно.

Это что, одни люди стенку купили, а, кроме как перед дверью, негде ставить. Они поставили перед дверью, только в стенке проход умно проделали. Так через стенку в дом и ходят. Они эту стенку ждали, когда мать еще жива была. Мать умерла, а отец в очереди получил сердечный приступ, но остался жив, а то бы вообще детям досталась стенка.

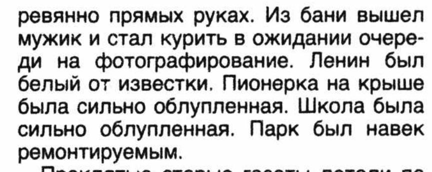
Живем мы хорошо. В прошлую зиму и картошка была в магазинах, и капуста. А лимоны? А лимоны... Лимоны для нас как мандарины. А живем мы неплохо, грех жаловаться. Москва недалеко. Сел — в Москве пробежался по продуктовым. Масла, конечно, нет. А даже и колбаса вареная появляется. Если человек не ленивый, то он проживет и детей прокормит. Можно в лес по ягоды ходить. Есть ягода еще, есть...

Она сказала, что ее зовут Верой. Она почтальон. До пенсии работала маляром. Пока говорила, сто раз поздоровалась с прохожими. Занавешенные окна перед стенкой тупо слушали нас.

Разные, разные люди здесь руководили! Один был, говорят, сумасшедший, слегка волтанутый: он любил рябину как дерево. Может, он любил рябину в песнях. Но он велел вырубить городской яблоневый сквер в самом центре. Там росли высокие старые яблони, дети баловались, были и фонтаны... Фонтаны-то кому мешают? Все вырубили на глазах людей и посадили рябины. А потом тот, кто приказал корчевать сквер, говорит Володя, объявился несостоятельным, дураком.

Дети, которым мы предложили сфотографироваться у школы, бежали прочь, пока девочка не сказала: «Дядька для газеты снимает». Тогда две девочки захотели сфотографироваться на фоне Ленина напротив ремонтируемой бани. Девочки встали, склонив головы друг к другу, держа портфельчики в де-

ревянно прямых руках. Из бани вышел мужик и стал курить в ожидании очереди на фотографирование. Ленин был белый от известки. Пионерка на крыше была сильно облупленная. Школа была сильно облупленная. Парк был навек ремонтируемым.

Проклятые старые газеты летали по всему городу.

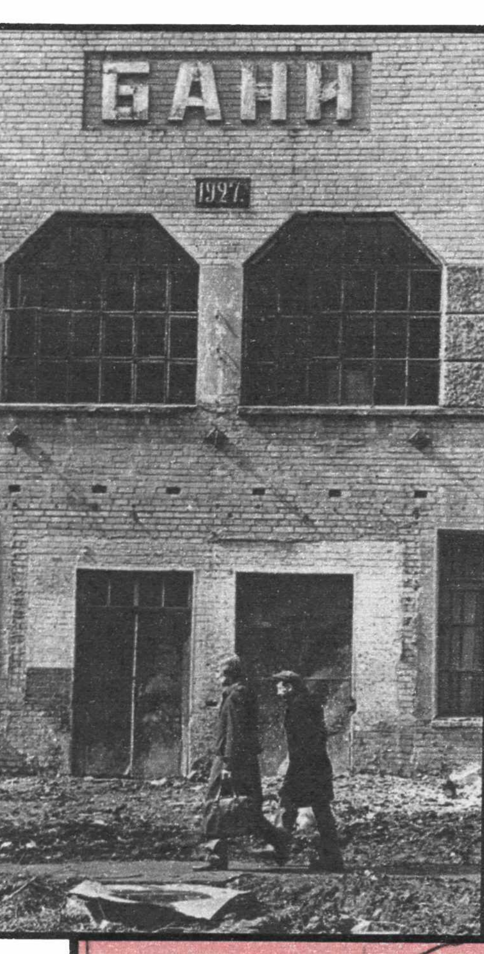
Было время, когда пропаганда стала сильно любить маленькие городки вроде вот этого. Тогда приезжали в эти городки-негородки целые бригады, поднимали историю, заглядывали в будущее. Будущее было, как у всех у нас, порой даже еще лучше, в сравнении. Жизнь, говорили нам, только внешне непритязательная, а внутри она вся крепкая, прочная, внутри она здоровьем блещет. Надо было даже любить и холить эту непритязательность, ибо в ней брали корни наша гордость, наш дух. Городок наш ничего, населенье таково — незамужние ткачихи составляют большинство. Когда в самый расцвет популярности этой и подобных добрых по духу песен я оказалась в командировке в одном текстильном городке, то, беззаботно прогуливаясь поздним вечером, увидала, как стремглав кинулся от подвыпившей компании девчат парень в ондатровой шапке. «Парнишка, стой!» — неслось ему вслед. А впрочем, о проблемах мы и тогда говорили. Проблемы всегда крепили единство настоящего и будущего. Не говорили о трагедии.

Какая может быть трагедия у маленького городка, прилепившегося к столице, как рыбка-прилипала прилипает к ведущей рыбке?

Какая-нибудь маленькая, маленькая трагедия, трудно различимая, с трудом расслышиваемая, сто раз виденная, глаза забивающая то ли пылью с привокзальной площади, то ли приступом тоски. Что за трагедия такая, если, для того чтобы понять ее, надобно на миг отвлечься от светлого будущего и от славного прошлого. И всего-то вглядеться в мгновенное и будничное выражение лица. Всего-то вглядеться!..

Скажут: почему вы с фотокорреспондентом не зашли действительно в горисполком, а обратили внимание на пустую грамматическую ошибку в написании фамилии на уличной вывеске? Кого расспрашивали? (И, между прочим, весной как раз и выползает зимний мусор.) Почему настырно взбаламутили бумажный рой? Завтра-послезавтра настанет субботник, улицы к Первомаю, как водится, станут будто краше и будто шире.

(В маленьком русском городе всегда, как едешь по тракту, первым открывался взору храм Божий; он рос постепенно, чтобы, не разрывая красотой сердца, наполнить твою смиренную душу.)

вались кооперативные товары, везде одинаковые, халаты, немного бледных, пожухших тканей.

Кафе «Русь», разместившееся в бывшей пожарной каланче, захватило нас березами пасхальной расцветки и множеством изображений замка в городе Тракай, что под Вильнюсом в стране Литве. Изображения были на кованом железе, подвешены высоко, название замка почти не читалось, а так вроде что-то русское навевало.

— А что еще у вас было?

— В смысле было, а потом не стало? Я ж говорю: сквер, фонтан, яблоньки.

— Как сквер назывался?

— Сквер и сквер. В смысле имени кого? Имени кого, не помню. Кажется, ничьего имени сквер не был. А что еще было? Так сразу вспомнить... Другие люди, конечно, жили. Они знали.

Здесь, где разломанный крепкий дом стоит, где ясли были, здесь — вспоминать мне нечего, я же местная, мне мама рассказывала! — здесь жили Новоселовы, известные люди, они были портными. Потом они потихоньку исчезли. А сейчас почту понесу, мимо дома пройду — там Волковы, старинные люди. Тоже... аннулированные.

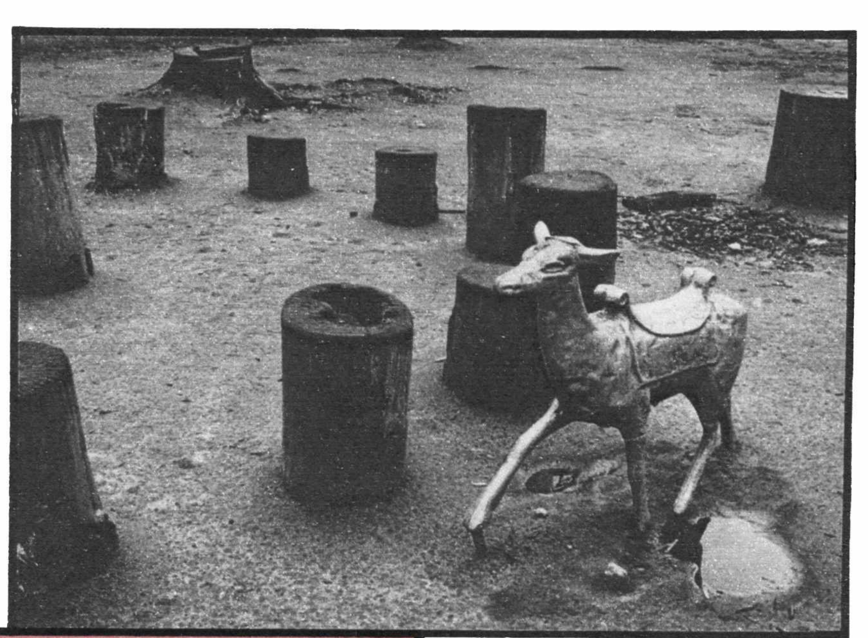
Из пыли, из чумной пыли этого нелучшего дня (петух, кукарекая, пролетел низенько, маша старыми газетами; баба шла с бельем, снятым с веревки, она была повязана, что разбойник) мы пошли в прохладу музея. Ведь все музеи прохладны, и не та пыль там в складках сжатых ртов статуй.

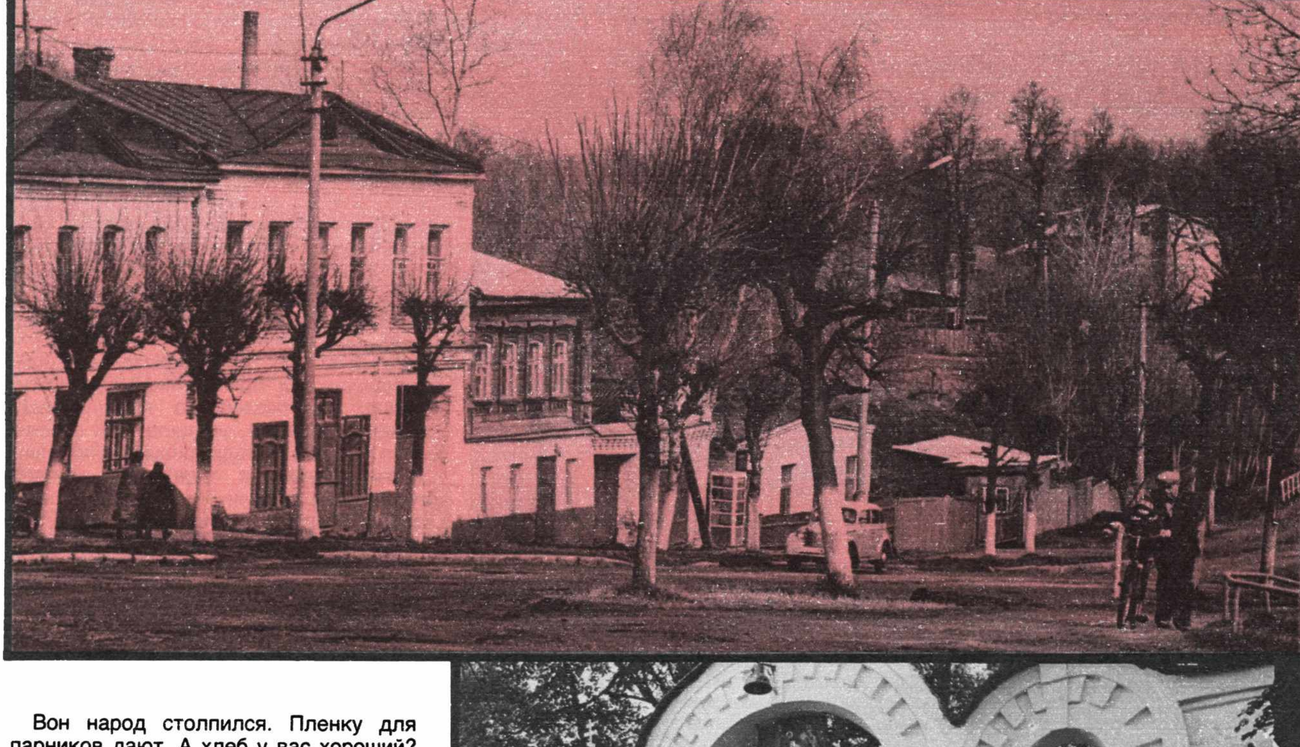
Было закрыто. Двое рабочих что-то несли в руках, как гроб.

Тонкая дивная дама вышла на свет, посмотрела на нас и сказала, что все равно мы ничего не поймем, ну да ладно, идите.

Мы подняли очи и увидели, что в бывшем храме, обозначенный как краеведческий, помещался, конечно, музей космонавтики. Точно! Вот скафандр, вот звездное небо, вот карточки под стеклом.

Космонавт был родом из этого города. Космонавт и артист. Но об артисте мы не увидели ничего, а только о космонавте. Еще отсюда родом поэт, но и о нем ничего. Еще художник «Огонька» Вадим Вантрусов. Я после спросила Вадима: ну что за город? Он поднял глаза горé.

Один зал был весь завешан платками.

...Я вот еще в нас самих замечаю, как почтальон. Что когда есть зарплата, то люди как забегают-забегают, пытаются праздник устроить. После же — тишина...

Перед залом космонавтики — в коридоре фотографии. Бывший дом фабриканта Соколикова, здание терапевтического отделения райбольницы. Контора фабрики товарищества мануфактур Лабзина и Грязнова. Панорама фабрики русско-французского анонимного общества. Воскресенское церковноприходское училище. Крестьянская изба. Улица Большая Покровская, ныне Розы Люксембург. Улица Монахова, ныне улица Ленина. Мо-на-хо-ва... Улица Царская — улица Кирова. Улица Купеческая — улица Первого мая. Торговая площадь. Вид с пожарной вышки — площадь Революции. Собор Воскресения — филиал Московского областного краеведческого музея. Покровский монастырь — ныне не существующий. Церковь на Рождественской улице, ныне улице Урицкого.

А в подобном скафандре полковник Быковский совершил свой беспримерный полет.

Образцы шелковых тканей торгового дома Е. А. Соколикова, начало XX века, последний номер образца — 149.

Кто такой был Монахов? Почему не тронули имени города, почему оставили?

Под старыми газетами нет зеленой травы. После субботника проклюнется, нет?

И я читаю на большом плакате, рядом с сообщением, что после девяносто пятого года будет построено то и это, читаю: в тридцать седьмом году на Всемирной выставке в Париже платки из Павловского Посада получили Гран-при...

(Так понимаю, что баня еще стояла.)

Оттого разучились мы любить свое жилье?

«В полночь забредший гость от меня отшатнулся назад». Так Борис Пастернак писал в «Метели» («В посаде, куда ни одна нога не ступала...» «Не тот это город, и полночь не та...»).

Вон народ столпился. Пленку для парников дают. А хлеб у вас хороший? Да не очень. А молоко? Везут из Москвы. А тут бочка приезжает. Был молокозавод свой. Потом его перенесли, отдали. Теперь молоко собираем на фермах, вечером везем в Орехово-Зуево, а утром едем за ним. Может, мы бы его и сами бы... разбавляли, но в Орехове, видишь, лучше получается. Понятно. А, скажите, люди сами строятся? Вы говорите, плохо с жильем. Строятся? А где материалы берут? Достают! Хотя свой кирпичный завод.

Не в истории, не в будущем, но в жизни таких городов всегда было свое. Либо булки пекли, либо ткали. Городки были посадские, люд в городках — посадский. Прилепившийся к столице посад не столицей кормился — ее, матушку, кормил от своих богатств, от своей щедрости. Павловский Посад прославился тканями, драгоценными платками...

Я зашла в магазин и увидела, что есть платочки по рубль семьдесят восемь. Поражающих заграницу не было. Тут мне сказали: «Не видите, стул стоит в дверях, закрыто!» Там еще прода-

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Ведет рубрику
Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

ДЕЛО ГУМИЛЕВА

Знакомство с делом Н. Гумилева представлялось нам экстраординарным, выдающимся явлением для нашей семьи. Имя Гумилева — символ дома. Это имя — мера нравственности, храбрости, стойкости, мера гордости, чести, смысла жизни. В течение двадцати двух лет, с тех пор как П. Н. Лукницкий затеял в 1968 году реабилитацию Гумилева, этой идеей дом жил.

В том, как все произошло, не оказалось ничего сверхъестественного. Из сотен тысяч, быть может, и больше,— обычная, как и все другие, папка. Стандартность ситуации в том, что когда мы пришли читать дело, то его долго-долго искали, и здесь не было «злых сил», препятствовавших нашим намерениям. Совсем нет. Просто «дело Гумилева» — именно одно из многих-многих дел с длинным архивным номером.

Работа с «делом» как бы спрессовалась во времени. Желание скопировать документы все в точности, с подлинников — безмерно. Документов много, а перед нашим столом — пожилой человек, ни разу не присев, терпеливо, стоя, ждет, когда мы закончим и вернем «дело» из наших рук в его руки. А нам кажется, что мы только что начали, и он, этот терпеливый, приветливый прокурор, пытается, нагнувшись над нами, даже помогать нам расшифровывать очередную бумажку.

И все же время бежит, обгоняет нас, уже объявлено партсобрание, и мы знаем, что остались мгновения этого последнего, «третьего», нашего свидания с «делом». А дальше оно уйдет, может быть, Бог даст, не навсегда, может быть, теперь недолго ждать его рассмотрения...

В процессе работы с «делом» возникали проблемы, которые мы по мере сил пытались преодолеть.

Листы часто повторяются — к «делу» Гумилева возвращались не раз. Повторяются (перепечатаны) потому, что желтеет бумага, выцветают чернила, блекнут карандашные записи.

Какую-то часть листов прочесть невозможно. Время стерло текст. А может быть,— перманентная эвакуация архивов НКВД? Как бы то ни было, незначительные документы, типа квитанций или машинописных копий, могли выпасть из поля зрения.

Председатель правления Советского фонда культуры академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, активно способствующий раскрытию «дела» Гумилева, порекомендовал опубликовать его в популярном издании.

Вера ЛУКНИЦКАЯ, Сергей ЛУКНИЦКИЙ

ШАГРЕНЕВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ

Олег ХЛЕБНИКОВ

Мои мечты... они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?!
О пожелтевшие листы,
Шагреневые переплеты!

Не подозревал, что знаю наизусть эти стихи Николая Гумилева. Но они мгновенно всплыли откуда-то из глубин памяти, едва у меня в руках оказалась копия «Дела № 214224 «ПБО (Петроградская боевая организация) — Соучастники» — того самого «дела» по обвинению Николая Степановича Гумилева в участии в контрреволюционном заговоре под предводительством профессора В. Таганцева (годы рождения и смерти те же, что и у Гумилева: 1886—1921), на основании которого был расстрелян один из замечательных поэтов «серебряного века» России.

Оказаться на месте Веры и Сергея Лукницких или на моем, а теперь уже и на вашем, желали сотни людей, (большинства из них сегодня уже нет в живых): близкие и друзья поэта, его многочисленные ученики и почитатели, наконец, те, кто в 60-е — 70-е годы мечтал увидеть стихи Гумилева напечатанными на родине. Как дорого бы дали все они за то, чтобы взглянуть на «пожелтевшие листы» в «шагреневом переплете» — те, которые поэт сам себе напророчил. Но государство неохотно расстается со своими тайнами...

Представляю себе улыбки на губах тех, кто раньше по долгу службы был знаком с этим «делом», когда они читали в разных журналах и газетах многочисленные версии обстоятельств расстрела Гумилева, предположения о степени его виновности. Они-то знали всю правду и могли рассеять сомнения, прекратить споры! Они-то могли исходить не из гипотез... Впрочем, не могли. Работа есть работа. Долг службы. Еще одно подтверждение марксистского понимания государства как аппарата насилия, делающего человека «частичным», требующего от каждого только исполнения функций, отчуждающего человеческое. Но всегда интересно знать, в какой мере государству удается это проделать с каждым конкретным человеком. Если сотрудник органов действительно не мог поспособствовать истории литературы, любопытно знать: а хотел ли вообще? Рассказывал ли хоть кому-то из самых близких и доверенных правду об опальном русском поэте? А ну как у нас в очередной раз сумели бы законопатить «окно в Европу» на десяток-другой лет — что, так и остались бы желтеть и стираться драгоценные для потомков листы? А если пожар? Или в такой организации пожаров быть не может? Не какая-нибудь библиотека Академии наук в Ленинграде...

Но не будем отвлекаться на посторонние чувства. Преисполнимся радости: впервые в истории — не прошло и семидесяти лет — перед нами «Дело Гумилева».

Странное и страшное впечатление производят эти 107 листов. Боюсь, тот, кто ждет от них увлекательного чтения, детективной истории провала террористической организации, сильно разочаруется. Судите сами (синтаксис и орфографию оставляем без изменений):

Лист № 1 отсутствует.

Лист № 2.

Справка: В этом томе первый лист — фотокарточка, которая из дела изъята и находится в альбоме 25.II.1935 г.

Лист № 3 — анкета, заполненная рукой Гумилева.

Лист № 4.

Засада (*рукой, чернилами.*— Ред.).

Гумилев Николай Степанович, ПРОЖИВАЮЩ. по Преображенской ул. д. 5/7, кв. 2 ПО ДЕЛУ № 2534[1] 3 авг. 1921

Лист № 5.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

СЕКРЕТНО-ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ

ТАЛОН ОРДЕРА 1071

(Незаполненный бланк с подписью и печатью! — Ред.)

Лист № 6 — Протокол обыска и ареста Гумилева за подписью сотрудника для поручений Мотавилова (? — **Ред.**) и председателя домового комитета И. Гусева. Другие необходимые подписи отсутствуют. Протокол удостоверяет задержание «Гражданина Гумилева Николая Сергеевича» (! — **Ред.**), изъятие переписки — «другого ничего не обнаружено», и «оставление засады до выяснения».

Лист № 7.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

СЕКРЕТНО-ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ

ТАЛОН ОРДЕРА 1096

(Незаполненный бланк с подписью и печатью! — Ред.)

Лист № 8.

ОРДЕР НА ОБЫСК ОТ 5.8.21

(чистый бланк.— Ред.).

[1] Вероятно, под этим номером было возбуждено дело Петрогуб. Ч. К.

Листы №№ 9 и 10 — справки адресного стола. Листы №№ 11, 12 — ордера на обыск «у гр. Гумилева Н. С.».

Лист № 13.

6413 ТАЛОН КВИТАНЦИИ К ДЕЛУ

Денег советских 16.000 р.

старинных монет, гривенник (*одно слово прошито, неразборч.* — Ред.) 1 зол. 48 у. (или д.)[2].

Далее следуют квитанции, записки управдомов или подобные «доклады»:

Лист № 20.

Доклад

В Петроградскую Губернскую Ч. К.

Ввиду того, что д. № 11 по Пантелеймоновской ул. содержит 142 квартиры, из коих несколько не занятых и домовые книги ведутся крайне безпорядочно, точно установки в такой краткий срок, сделать нет ни какой физической возможности, тем более, что заведывающий дом. и домовой книгой за свое кратковременное пребывание в этой должности еще не успел ориентироваться.

2.8.21

Коркий или Корский (*неразборчиво.*— Ред.)

Начиная с листа № 31 — подшитые к делу записки различных литераторов Гумилеву с просьбой о встрече, клочки бумаги, на которых поэт что-то помечал для памяти.

Оказалась в деле и трогательная записка жены на смятой папиросной бумаге:

Лист № 48.

Дорогой Котик конфет ветчины не купила, ешь колбасу не сердись. Кушай больше, в кухне хлеб, каша, пей все молоко, ешь булки. Ты не ешь и все приходится бросать, это ужасно.

Целую Твоя Аня

Следующие страницы: список названий стихотворений из вышедшего сборника Н. Гумилева, сделанный рукой поэта, расписки — среди них такая:

Лист № 61.

Расписка. Мною взято у Н. С. Гумилева пятьдесят тысяч рублей. Мариэтта Шагинян. 23.VII. 21.

Чего только нет в «деле» Гумилева! И приглашение участвовать в поэтическом вечере к нему подшито, и членский билет Дома искусства на 1920 г., и интимные записки со стершимся карандашным текстом — словом, все те немногочисленные следы, которые, помимо стихов, оставляет жизнь поэта на бумаге.

[2] Изъято у Н. Гумилева во время обыска. *(Ред.)*

Такие листы составляют более двух третей всего «дела». Но, пожалуй, и их бы хватило, чтобы вынести Гумилеву беспощадный приговор, потому что достаточно уже того, что они удостоверяют с полной определенностью: подследственный Н. С. Гумилев — поэт, то есть субъект, по самой своей природе антагонистичный любому тоталитарному режиму, даже такому, который только начинает складываться, и уже поэтому виновен.

Только на 68—69-м листах (напоминаю, из 107) обнаруживается то, что имеет отношение к обстоятельствам действительной виновности или невиновности Гумилева: протокол показания главы «заговора» профессора В. Таганцева.

Листы № 68, 69.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЯ ГР. ТАГАНЦЕВА. «Поэт Гумилев после рассказа Германа обращался к нему в конце ноября 1920 г. Гумилев утверждает, что с ним связана группа интеллигентов, которой он сможет распоряжаться и в случае выступления согласна выйти на улицу, но желал бы иметь в распоряжении для технических надобностей некоторую свободную наличность. Таковой у нас тогда не было. Мы решили тогда предварительно проверить надежность Гумилева, командировав к нему Шведова для установления связей.

В течение трех месяцев, однако, это не было сделано. Только во время Кронштадта Шведов выполнил поручение: разыскал на Преображенской ул. поэта Гумилева, адрес я узнал для него во «Всемирной литературе», где служит Гумилев. Шведов предложил ему помочь нам, если представится надобность в составлении прокламаций. Гумилев согласился, сказав, что оставляет за собой право отказываться от тем, не отвечающих его далеко не правым взглядам. Гумилев был близок к Совет. ориентации. Шведов мог успокоить, что мы не монархисты, а держимся за власть Сов. Не знаю, насколько мог поверить этому утверждению. На расходы Гумилеву было выделено 200 000 советских рублей и лента для пишущей машинки. Про группу свою Гумилев дал уклончивый ответ, сказав, что для организации ему потребно время. Через несколько дней пал Кронштадт. Стороной я услыхал, что Гумилев весьма отходит далеко от контрреволюционных взглядов. Я к нему больше не обращался, как и Шведов и Герман, и поэтических прокламаций нам не пришлось ожидать».

В. Таганцев

6.VIII.1921

Собственно, это и есть главный документ «дела». Что из него следует, если считать показания Таганцева абсолютно достоверными? Гумилев утверждает, что с ним связана группа интеллигентов, которой в случае необходимости «он сможет распоряжаться». Что ж, это действительно так. Гумилев был признанным вождем акмеизма, возглавлял знаменитый «Цех поэтов» и имел огромное влияние на его участников. Пожалуй, ни у одного русского поэта в то время не было столько учеников и подражателей. Наверно, Гумилеву (кстати, по нашим меркам «молодому поэту» — тридцатипятилетнему) было приятно ощущать себя властителем дум петроградской литературной молодежи. Но вот заявление, если оно имело место, что эта «группа интеллигентов» «в случае выступления согласна выйти на улицу», выглядит несколько самонадеянным. Этой самонадеянности, зная Гумилева по стихам и по воспоминаниям его современников, удивляться не приходится: некоторая юношеская бравада, очевидно, была присуща ему и как нельзя более соответствовала образу лирического героя гумилевских стихов. Достаточно вспомнить одно из наиболее известных — «Капитаны»:

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,—
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат...

Каждый поэт в своем творчестве, так же, как и каждый человек в своем развитии, проходит те же этапы, что и человечество в целом. Классицизм детства с его единством времени и места происходящего сменяется жестоким сентиментализмом юности, затем — романтизмом предельных оценок и суждений ранней молодости. Можно сказать, что Гумилев только начал выходить из своего романтического периода (порукой тому его «Заблудившийся трамвай», написанный в роковом для поэта 1921 году). Экзотические страны, ситуации и поступки еще достаточно сильно увлекали его, становились реалиями стихов. Был у Гумилева и традиционный для русских поэтов-романтиков «байронический комплекс». Вообще русские поэты начала века зачастую ставили знак равенства между собой и лирическим героем — «жизнь как художественное произведение». Вспомним Северянина, Волошина, Бальмонта, Маяковского, Есенина, даже Блока.

Но вернемся к «делу».

Что касается показаний Таганцева, то главной «уликой» против Гумилева, содержащейся в них, оказываются 200 000 рублей и лента для пишущей машинки, переданные неким Шведовым. Что такое были тогда эти 200 000 рублей, мы покажем ниже, ну а лента для пишущей машинки — действительно опасное оружие в руках поэта!

Все остальное в показаниях Таганцева оправдывает Гумилева: и его близость к «совет. ориентации», и отказ от «тем, не отвечающих его далеко не правым взглядам» (то есть скорее — левым, революционным) при составлении возможных прокламаций, и то, что ни одной прокламации он так и не составил, и, наконец, «уклончивый ответ» про «свою» группу.

Кстати, уж не эту ли группу, «готовую выйти на улицу», имел в виду Гумилев (и, вполне возможно, подозревали чекисты!), когда составлял для себя какой-то список, ставший впоследствии листом № 73 (правда, не все из этого списка к тому времени были живы — быть может, поэтому остальные не привлекались по «Делу ПБО»?).

Лист № 73.
(Рука Гумилева.— Ред.)
Городецкий, Потемкин, Пяст, Анненский, Сологуб, Сергей Соловьев, Бруни, Верховский, Блок, Клюев, Бальмонт, Вячеслав Иванов, Северянин, Хлебников, Лифшиц, Цветаева, Нарбут, Балтрушайтис, Адамович *(неразборчиво.— Ред.)*.

Я бы, во всяком случае, не удивился, если б оказалось, что примерно этот круг людей имел в виду Гумилев под «своей группой». Все перечисленные здесь поэты, прозаики, критики, историки — родные братья Гумилева по русской культуре.

Но как же с главным свидетельством против поэта — «200 000 советских рублей и лента для пишущей машинки»? Это были два примерно одинаковых по весомости «вещественных доказательства», потому что тогдашние 200 000 несравнимы с нынешними, даже несмотря на инфляцию. По словам одного из наших старейших поэтов, С. И. Липкина, 40 000 рублей стоил в 1921 году каравай хлеба, то есть на 200 000 рублей можно было купить пять караваев. Покупательную способность этих денег наглядно демонстрирует и лист № 77 — очевидно, записка жене, предписывающая, как именно ей следует распорядиться суммой, которую в июле должно было заплатить Гумилеву издательство Petropolis:

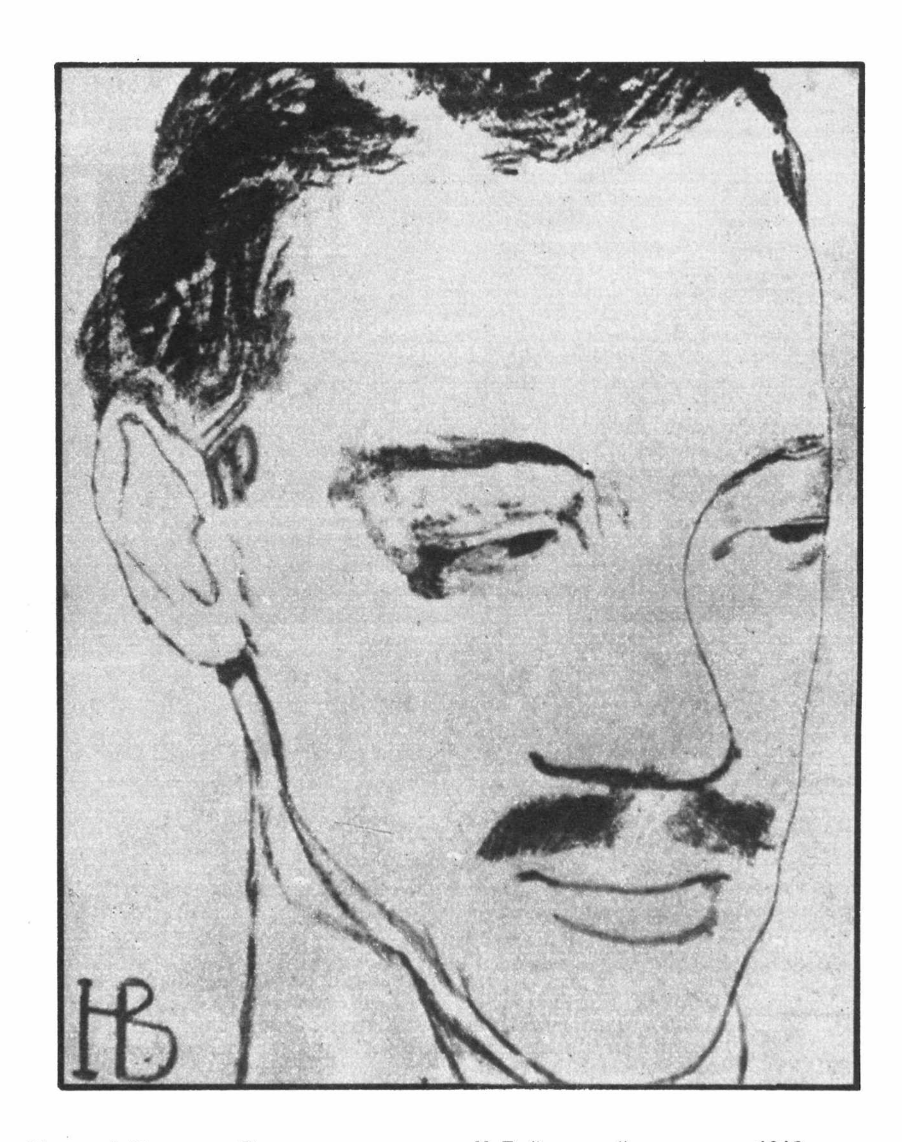
Лист № 77.
(Рука Гумилева.— Ред.)
Petropolis
мне должен 285 000
к 5 июню 85 000
к 20 июню 200 000
возьми к 10 июлю 100 000
Пошли маме 5 июня 45 000
10—30 000
20—75 00
Тебе остается 5 июля 40 000
10—70 000
20—25 00

Известны свидетельства одного из последних оставшихся в живых участников тех давних событий — поэтессы и мемуаристки Ирины Одоевцевой, покинувшей родину именно тогда — в двадцать первом — и три года назад вернувшейся. В ее воспоминаниях о Гумилеве есть противоречия. Но ведь это литературные произведения, а не свидетельские показания. Между тем в одном из недавних своих интервью, которое она дала автору этих строк (см. «Огонек» № 11 за 1989 г.), она утверждает следующее: «Когда говорят, что он **(Гумилев.— *Ред.*)** отказался от участия в заговоре, никаких денег не брал, я ничего не могу возразить. Но и сейчас повторяю... деньги у него были, лежали в шкафу... Вот никакого револьвера я не видела, это точно, а деньги...— тогда они были обесценены, и это было много пачек — видела у Гумилева своими глазами».

Подобные высказывания Одоевцевой служили в глазах многих косвенным доказательством виновности поэта, за что она не раз подвергалась нападкам со стороны горячих поклонников Гумилева, желавших его безоговорочной реабилитации. Но, как мы видим сейчас, нападки эти вряд ли были заслуженными. Для того чтобы истина в конце концов восторжествовала, ей не надо никаких подачек в виде пресловутой лжи во спасение, следует только неукоснительно этой истины держаться, какой бы ни была политическая ситуация, что бы ни казалось на чей-то взгляд сиюминутно выгодным.

Кстати, преувеличивая контрреволюционные «заслуги» Гумилева в своих книжках, издававшихся на Западе, Одоевцева, возможно, преследовала вполне благородную цель: привлечь к его имени интерес западной публики и издателей. Не такая, какой от нее ждали любители литературы в СССР, но тоже «ложь во спасение»!

Ну а, по сути, правда и то, что свидетельствует Одоевцева, и то, что утверждают почитатели Гумилева: да, деньги — много ничего не стоивших пачек — у него были, и — да, необходима полная реабилитация Гумилева, так как состав преступления в его действиях отсутствует. Но об этом несколько позднее.

Николай Гумилев. Рисунок художницы Н. Войтинской, сделан в 1910 г. для журнала «Аполлон».

Перед нами показания самого поэта:

Листы №№ 83, 84.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА, ПРОИЗВЕДЕННОГО В ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ, САБОТАЖЕМ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ ПО ДЕЛУ ЗА № 2534 ОТ 9.08.1921 г.
Я, НИЖЕПОДПИСАВШИЙСЯ, ДОПРОШЕННЫЙ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО, ПОКАЗЫВАЮ:
1. ФАМИЛИЯ Гумилев
2. ИМЯ ОТЧЕСТВО Николай Степанович
3. ВОЗРАСТ 35
4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ из дворян
5. МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВО Петроград, угол Невского и Мойки, в Доме искусств
6. РОД ЗАНЯТИЙ писатель
7. СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ женат
8. ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ никакого
9. ПАРТИЙНОСТЬ беспартийный
10. ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ аполитичен
11. ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЕ СПЕЦИАЛЬНОЕ высшее, профессор, филолог
12. ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ, ГДЕ СЛУЖИЛ
а) ДО ВОЙНЫ 1914 ГОДА литературой, здесь и за границей
б) ДО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА тоже
в) ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА на военной службе в качестве вольноопределяющегося, а потом — прапорщик
г) С ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО АРЕСТА в 18 году приехал из Лондона в Петроград и до ареста находился членом коллегии экспертов издательства «Всемирная литература»
13. СВЕДЕНИЯ О ПРЕЖНЕЙ СУДИМОСТИ никаких

Лист № 85.
ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА: Месяца три тому назад ко мне утром пришел молодой человек высокого роста и бритый, сообщавший, что привез мне поклон из Москвы. Я пригласил его войти, и мы беседовали минут двадцать на городские темы. В конце беседы он обещал мне показать имеющиеся в распоряжении русские заграничные издания. Через несколько дней он действительно принес мне несколько номеров каких-то газет. И оставил у меня, несмотря на заявление, что я в них не нуждаюсь. Прочтя эти номера и не найдя в них ничего для меня интересного, я их сжег. Приблизительно через неделю он пришел опять и стал спрашивать меня, не знаю ли я кого-нибудь, желающего работать для контрреволюции. Я объяснил, что никого такого не знаю, тогда он указал на незначительность работы: добывание разных сведений и настроений, раздачу листовок и сообщал, что эта работа может оплачиваться. Тогда я отказался продолжать разговор с ним на эту тему, и он ушел. Фамилию свою он назвал мне, представляясь. Я ее забыл, но она была не Герман и не Шведов.
Н. Гумилев

Лист № 86.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
гр. Гумилева Николая Степановича.
Допрошенный следователем Якобсоном, я показываю следующее: летом прошлого года я был знаком с поэтом Борисом Вериным и беседовал с ним на политические темы, горько сетуя на подавление частной инициативы в Советской России. Осенью он уехал в Финляндию, через месяц я получил в мое отсутствие от него записку, сообщавшую, что он доехал благополучно и хорошо устроился. Затем, зимой, перед Рождеством ко мне пришла немолодая дама, которая мне передала неподписанную записку, содержащую ряд вопросов, связанных, очевидно, с заграничным шпионажем, например, сведения о готовящемся походе на Индию. Я ответил ей, что никаких таких сведений я давать не хочу, и она ушла.
Затем, в начале Кронштадтского восстания ко мне пришел Вячеславский с предложением доставлять для него сведения и принять участие в восстании, буде оно

переносится в Петроград. От дачи сведений я отказался, а на выступление согласился, причем указал, что мне по всей вероятности удастся в момент выступления собрать и повести за собой кучку прохожих, пользуясь общим оппозиционным настроением. Я выразил также согласие на попытку написания контрреволюционных стихов. Дней через пять он пришел ко мне опять, вел те же разговоры и предложил гектографировальную ленту и деньги на расходы, связанные с выступлением. Я не взял ни того, ни другого, указав, что не знаю, удастся ли мне использовать ленту. Через несколько дней он зашел опять, и я определенно ответил, что ленту я не беру, не будучи в состоянии использовать, а деньги 200 000 взял на всякий случай и держал их в столе, ожидая или событий, то есть восстания в городе, или прихода Вячеславского, чтобы вернуть их, потому что после падения Кронштадта я резко изменил мое отношение к Советской власти. С тех пор ни Вячеславский, никто другой с подобными разговорами ко мне не приходили и я предал все дело забвению.

В добавление сообщаю, что я действительно сказал Вячеславскому, что могу собрать активную группу из моих товарищей, бывших офицеров, что являлось легкомыслием с моей стороны, потому что я с ними встречался лишь случайно и исполнить мое обещание мне было бы крайне затруднительно.

Гумилев

Допросил Якобсон 18.8.1921 г.
Лист № 87
(машинопись.— Ред.)

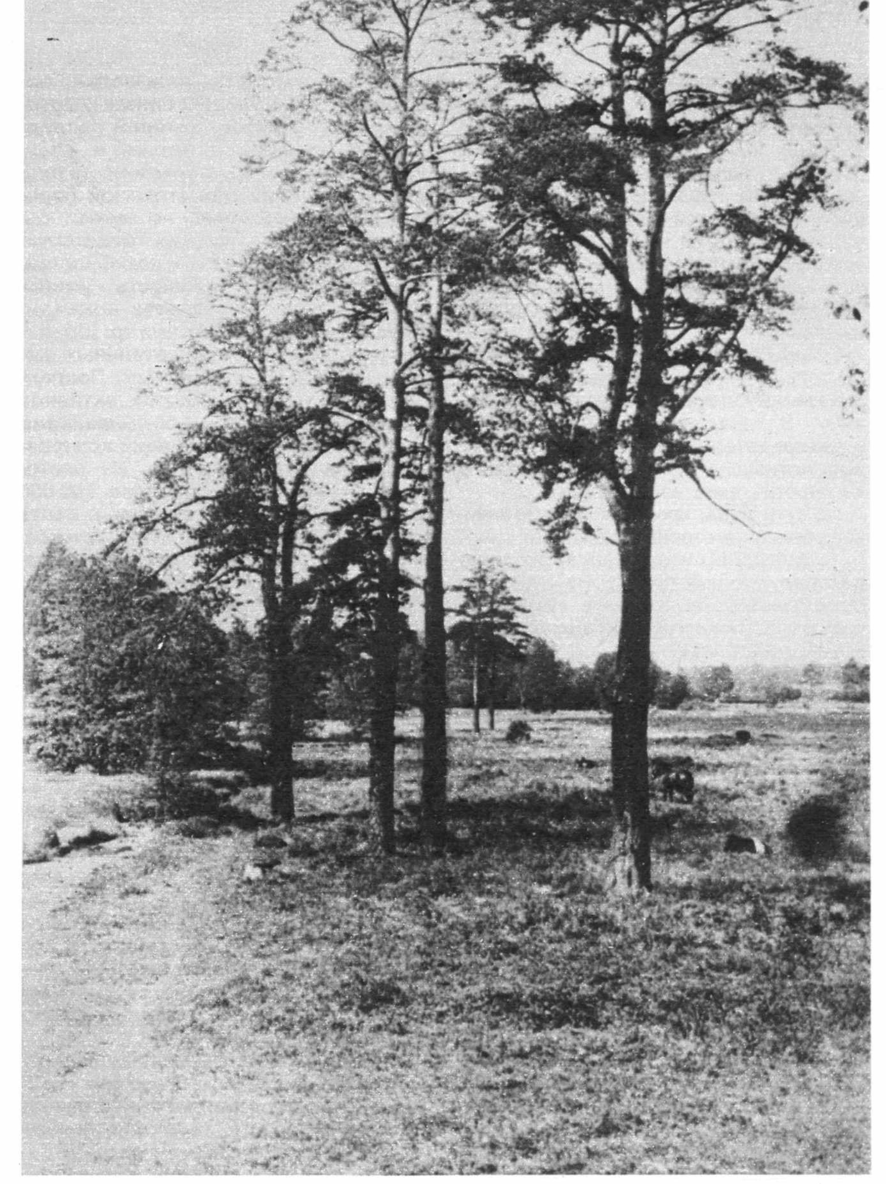
Продолжительное *(? — Ред.)* показание гр. Гумилева Николая Степановича 20.08.1921 г.

Допрошенный следователем Якобсоном, я показываю: сим подтверждаю, что Вячеславский был у меня один, и я, говоря с ним о группе лиц, могущих принять участие в восстании, имел в виду не когонибудь определенного, а просто человек десять встречных знакомых, из числа бывших офицеров, способных, в свою очередь, сорганизовать и повести за собой добровольцев, которые, по моему мнению, не замедлили бы примкнуть к уже составившейся кучке. Я, может быть, не вполне ясно выразился относительно такового характера этой группы, но сделал это сознательно, не желая быть простым исполнителем директив неизвестных мне людей, и сохранить мою независимость. Однако я указывал Вячеславскому, что, по моему мнению, это единственный путь, по какому действительно совершается переворот, и что я против подготовительной работы, считая ее бесполезной и опасной. Фамилии лиц я назвать не могу, потому что не имел в виду никого в отдельности, а просто думал встретить в нужный момент подходящих по убеждению мужественных и решительных людей. Относительно предложения Вячеславского я ни с кем не советовался, но возможно, что говорил о нем в туманной форме.

Н. Гумилев

Выделим несколько моментов из этого документа. Начнем с последнего: «возможно, что говорил» о предложении участвовать в контрреволюционной организации «в туманной форме». Вот это не полная правда! Какое уж тут «возможно», если и той же И. Одоевцевой, одной из многочисленных своих учениц, и поэтам М. Кузмину, Г. Иванову, и многим другим знакомым литераторам Гумилев «таинственно» намекал на свою причастность к «организации». Вот что вспоминает Одоевцева: «Гумилев был страшно легкомысленным... Как-то, когда мы возвращались с поэтического вечера, Гумилев сказал, что достал револьвер — «пять дней охотился». Об этом я рассказывала, но то, что «Гумилев всем показывал револьвер», не говорила и не писала никогда — мне напрасно приписывают эти слова. Я думала, что с револьвером — это игра Гумилева в солдатики. Может быть, все было игрой... Кузмин однажды сказал: «Доиграетесь, Коленька, до беды!» Гумилев уверял: «Это совсем неопасно — они не посмеют меня тронуть»...» Отметим это ощущение от поведения Гумилева, как от игры, а также его олимпийскую уверенность в своей неприкосновенности.

Что же касается злосчастных денег, представляется любопытным, что взял он их не сразу и «на всякий случай».

Предполагаемое место расстрела Н. Гумилева.

При многочисленных — как у Пушкина перед роковой дуэлью — листочках с денежными расчетами, которые впоследствии стали листами «дела», возникает мысль: уж не для покрытия ли финансовой бреши Гумилев согласился, наконец, их взять? Тем более изъято у него при обыске было только 16 000 рублей. Поскольку от ленты Гумилев отказался, никаких прокламаций, так же как и контрреволюционных стихов, никогда не писал (соответственно в «деле» они отсутствуют) — то есть трат на «организацию» не производил, более того, считал всякую «подготовительную работу «бесполезной и опасной», остается предположить, что деньги у него ушли на то, чтобы поддержать в голодный год свою семью и друзей. Более близких поэту, чем Мариэтта Шагинян, с которой он взял расписку. Кстати, удивительно, что писательница, будущий автор Ленинианы, не привлекалась по делу Гумилева — а ну как она использовала занятые деньги на то, чтобы съесть каравай хлеба и укрепить таким образом свои силы для борьбы с молодой Советской республикой?

Теперь о тех, кого Гумилев собирался «привлечь к контрреволюции»: сначала это «кучка прохожих», которая «при общем оппозиционном настроении» пошла бы за ним (известным поэтом), затем — группа из «товарищей, бывших офицеров, что являлось легкомыслием» и, наконец,— «не имел в виду никого в отдельности».

Думаю, все это соответствует истине (с той оговоркой, что ни одного конкретного человека Гумилев не хотел подвергать опасности) — точнее, истине момента, той мгновенной фантастической и романтической картине, которая возникла в воображении поэта, когда он представил себя чуть ли не одним из вождей восстания (помните: «сохранить мою независимость»?), свергающего жестокую власть — власть, подавляющую «частную инициативу в Советской России», попирающую представления поэта о свободе и демократии.

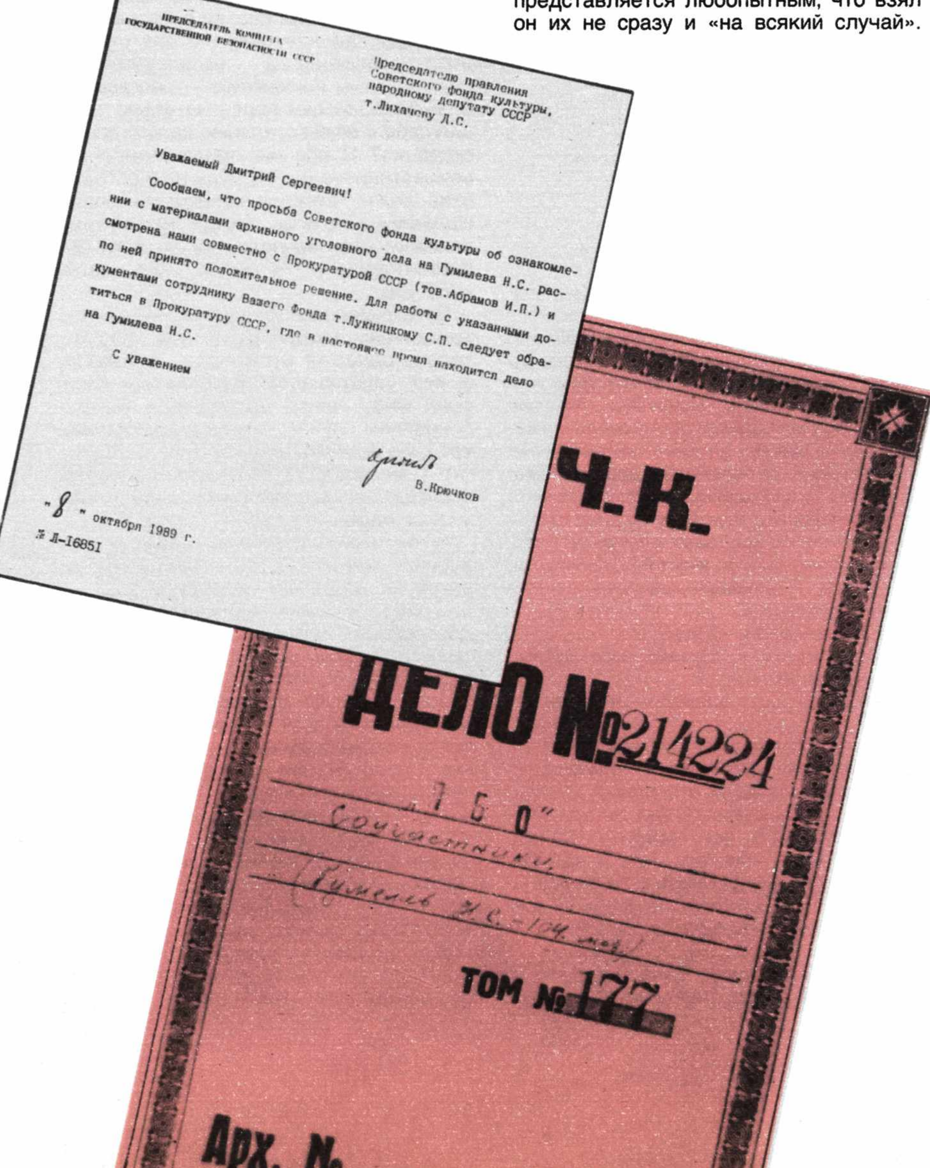
Впрочем, поэт всегда в оппозиции...

Потом, после подавления кронштадтского мятежа, фантастическая картина, которая рисовалась Гумилеву, поблекла. Очевидно, он смирился с незыблемостью «существующей в России власти»:

Лист № 88.
(машинопись.— Ред.)
23.8.1921 г.

Допрошенный следователем Якобсоном, я показываю следующее: никаких фамилий, могущих принести какую-нибудь пользу организации Таганцева путем установления между ними связей, я не знаю и потому назвать не могу. Чувствую себя виновным по отношению к существующей в России власти в том, что в дни Кронштадтского восстания был готов принять участие в восстании, если бы оно перекинулось в Петроград, и вел по этому поводу разговоры с Вячеславским.

От листа к листу «дела» у всех, кто получил возможность с ним ознакомиться, усугублялось одно и то же ощущение — нарастающее давление следователя Якобсона на своего подследственного. Вот что пишет Сергей Лукницкий в «Московских новостях» (№ 48, 1989 г.): «Вызывает недоумение и то, что с каждой страницей обвинение становится все более расплывчатым, а Гумилев дает все более самообличительные показания, отвечает на незаданные вопросы. Вспомнил каких-то лиц, якобы приходивших к нему с поручением... Подтвердили ли эти визиты и таинственный Верин, и бритоголовый москвич, или, может быть, пожилая дама, интересовавшаяся Индией, после успешных поисков была обнаружена следствием, допрошена и дала показания против Гумилева? Никто не найден, и никто не допрошен. Тогда, может быть, Герман и Шведов (Вячеславский)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Председателю правления Советского фонда культуры, народному депутату СССР т.Лихачеву Д.С.

Уважаемый Дмитрий Сергеевич!

Сообщаем, что просьба Советского фонда культуры об ознакомлении с материалами архивного уголовного дела на Гумилева Н.С. рассмотрена нами совместно с Прокуратурой СССР (тов.Абрамов И.П.) и по ней принято положительное решение. Для работы с указанными документами сотруднику Вашего Фонда т.Лукницкому С.П. следует обратиться в Прокуратуру СССР, где в настоящее время находится дело на Гумилева Н.С.

С уважением

В.Крючков

"8" октября 1989 г.
№ Д-16851

подтвердили показания против Гумилева? В деле показаний Германа и Шведова нет и не может быть. КГБ СССР выяснил: Ю. П. Герман, морской офицер, убит погранохраной 30.5.21 года при попытке перехода финской границы, а В. Г. Шведов, подполковник, был смертельно ранен чекистами во время ареста в Петрограде 3.8.21 года. То есть обоих не было на свете еще до начала производства по делу Гумилева...»

Таким образом, обвинению послужили только никем не проверенные и не доказанные показания одного человека — В. Таганцева (а ведь бывают и лжесвидетельства, например, по личным мотивам,— но следователя такие «тонкости» явно не заботили).

По сути дела, кроме этих показаний, все обвинение строится на словах самого Гумилева. Но что же он, неужели не понимал, что ему грозит? Не лучше ли было до конца все отрицать, «уйти в несознанку», пользуясь современным уголовным жаргоном?

Возможно, и не понимал — вспомните: «Они не посмеют меня тронуть». Во всяком случае, Гумилев наверняка считал, что только за взгляды (а действий-то не было никаких!), к тому же «пересмотренные», его не может ждать жестокая кара. И еще одно — не соответствовала его представлению о профессиональной этике поэта ложь — пусть даже во спасение себя, но ведь ложь, могущая представить клеветником другого человека (в данном случае профессора В. Таганцева).

К тому же перед глазами наверняка был пример Пушкина, который, как известно, сам «донес на себя» (язык XX века) Николаю, утвердительно ответив на его вопрос, был ли бы он на Сенатской площади 14 декабря, окажись в это время в Петербурге. Кстати, так же, по-пушкински, поступили позднее О. Мандельштам, сделавший своей рукой список стихотворения-улики про кремлевского горца (см. «Огонек» № 47, 1988 г.), и Н. Клюев, подтвердивший на Лубянке авторство всех своих самых «крамольных» стихов (см. «Огонек» № 43, 1989 г.).

Да, на этапе «соцреализма» в духовном развитии нашего общества мы бесконечно многое потеряли в сравнении с пушкинским и гумилевским романтизмом. И уж наверняка нет у нас никаких оснований смотреть со взрослой снисходительностью знающих истину потомков на поступки этих двух поэтов. Зато есть все основания посмотреть на себя и ужаснуться тому, что́ уже стало для нас нормой...

Ну, а дальше в «деле» после машинописной копии предыдущих листов, заявления от зав. литературным отделом Дома искусств с просьбой взять из квартиры Гумилева необходимые их «учебному заведению» книги и документов, свидетельствующих о найме Гумилевым квартиры, следует

Лист № 102

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 2534 Гумилева Николая Станиславовича (зачеркнуто, написано сверху чернилами «Степановича».— *Ред.*), обвиняемого в причастности к контрреволюционной организации Таганцева (Петроградской боевой организации) и связанных с ней организаций и групп.

Следствием установлено, что дело гр. Гумилева Николая Станиславовича (зачеркнуто, написано сверху чернилами «Степановича».— *Ред.*), 35 лет, происходит из дворян, проживает в г. Петрограде, угол Невского и Мойки, в Доме искусств, поэт, женат, беспартийный, окончил высшее учебное заведение, филолог, член коллегии издательства Всемирной литературы, возникло на основании показаний Таганцева — руководителя указанной организации (см. протокол допроса Таганцева от 6.8.1921 г.), в котором он показывает следующее: «Гражданин Гумилев утверждал курьеру финской контрразведки Герману, что он, Гумилев, связан с группой интеллигентов, которой последний может распоряжаться и которая в случае выступления готова выйти на улицу для активной борьбы с большевиками, но желал бы иметь в распоряжении некоторую сумму для технических надобностей. Чтоб проверить надежность Гумилева, организация Таганцева командировала члена организации гр. Шведова для ведения окончательных переговоров с гр. Гумилевым. Последний взял на себя оказать активное содействие в борьбе с большевиками и составлении прокламаций контрреволюционного характера. На расходы Гумилеву было выдано 200 000 рублей советскими деньгами и лента для пишущей машины *(увы, гражданин следователь, с лентой-то подтасовка получается!* — Ред.).

В своих показаниях гр. Гумилев подтверждает вышеуказанные против него обвинения и виновность в желании оказать содействие контрреволюционной организации Таганцева, выразив. в подготовке кадра интеллигентов для борьбы с большевиками и в сочинении прокламаций контрреволюционного характера *(где же они, эти прокламации, гражданин следователь?* — Ред.).

Признает своим показанием: гр. Гумилев подтверждает получку денег от организации в сумме 200 000 рублей для технических надобностей.

В своем первом показании гр. Гумилев совершенно отрицал его причастность к контрреволюционной организации и на все заданные вопросы отвечал отрицательно.

Виновность в контрреволюционной организации гр. Гумилева Н. Ст. на основании протокола Таганцева и его подтверждения вполне доказана *(интересно, по каким законам?* — Ред.).

На основании вышеизложенного считаю необходимым применить по отношению к гр. Гумилеву Николаю Станиславовичу [3] как явному врагу народа и рабоче-крестьянской революции высшую меру наказания — расстрел.

Следователь (Якобсон).
(Подпись синим карандашом.— Ред.)

Оперуполномоченный ВЧК
(Подпись отсутствует.— Ред.)».

Как видите, даже не печально известная нам по сталинским временам тройка приговорила к смерти поэта. Хватило и одной подписи одного чекиста, а по сути дела — чиновника с чрезвычайными полномочиями. Как осязаемо и конкретно подтвердились слова Блока, ушедшего из жизни незадолго до Гумилева и, что называется, все понявшего: «Чиновник — враг поэта»! (Потом они подтвердятся еще много раз в сталинскую эпоху и после нее — на собрании СП по исключению Пастернака, на московских похоронах Ахматовой, когда писательские чиновники отказались предоставить ЦДЛ для гражданской панихиды, на судилище над Бродским — список далеко не полный и не закрытый.)

Но в деле Гумилева даже свои чрезвычайные полномочия чиновники «с холодной головой и чистыми (как перед вивисекцией) руками» сильно превысили. Не имели они права, по принятому в январе 1920 года постановлению, брать на себя функцию суда! И все же взяли. И никто им не помешал. А пытались ли?

Существует трогательная легенда о том, как Горький приходил к Ленину просить за Гумилева, а тот будто бы сказал: «Пусть лучше будет больше одним контрреволюционером, чем меньше одним поэтом!» — и послал срочную телеграмму с просьбой о помиловании, да вот новый стиот Петрограда Зиновьев не послушался самого человечного человека... К сожалению (для Горького и Ленина), это не более чем сказка, к тому же очень полезная и поучительная,— про хорошего царя и плохих бояр — не зря она активно распространялась в период борьбы Сталина с зиновьевско-каменевской оппозицией. Кстати, дорогой читатель, не слышится ли вам во фразе, приписываемой Ленину, кавказский акцент, для Ильича, как известно, не характерный? Не просвечивает ли в ней сталинская любовь к примитивной афористичности?

Все, что в «деле» Гумилева подтверждает достоверность попыток спасти поэта,— одна машинописная копия прошения о помиловании:

Лист № 103
В Президиум Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии

Председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, член редакционной коллегии государственного издательства «Всемирная литература», член Высшего совета Дома искусств, член Комитета Дома литераторов, преподаватель пролеткульта, профессор Российского института истории искусств Николай Степанович Гумилев арестован по ордеру Губ. Ч. К. в начале текущего месяца.

Ввиду деятельного участия Н. С. Гумилева во всех указанных учреждениях и высокого его значения для русской литературы нижепоименованные учреждения ходатайствуют об освобождении Н. С. Гумилева под их поручительство.
(*чернила.*— Ред.).

Председатель Петроградского отдела Всероссийского Союза писателей
А. Л. Волынский
Товарищ председателя Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов
М. Лозинский
Председатель коллегии по управлению Домом литераторов Б. Харитон
Председатель ПРОЛЕТКУЛЬТ А. Маширов
Председатель Высшего совета Дома искусств *(машинопись.*— Ред.) М. Горький
Член издательской коллегии «Всемирной литературы» *(машинопись.— Ред.)* Ив. М. *(неразборчиво.— Ред.)*

Увы, это прошение осталось неудовлетворенным. Большевистская власть с самого своего рождения умела себя защищать от «опасных элементов». На ее стражей в лице Петроградского Губ. Ч. К. авторитет Горького и других писателей не подействовал:

Лист № 104
Выписка из протокола заседания Президиума Петрогуб. Ч. К. от 24.8.21 года:
«Гумилев Николай Степанович, 35 лет, б. дворянин, филолог, член коллегии издательства «Всемирная литература», женат, беспартийный, б. офицер, участник Петроградской боевой контрреволюционной организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, кадровых офицеров, которые активно примут участие в восстании, получил от организации деньги на технические надобности».
(*Справа приписка.— Ред.*)
«Приговорить к высшей мере наказания — расстрелу».

Приговор был приведен в исполнение.

А. А. Ахматова и П. Н. Лукницкий впоследствии установили место расстрела и составили его план.

Чья пуля его убила? Так ли это важно? В сущности, того самого рабочего, только не германского, как предполагал Гумилев, когда писал свои знаменитые стихи времен первой мировой войны, а своего, российского:

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит,
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

. . . .

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

...Ну, а заканчивается «дело» очень спокойными и будничными листами переписки с домоуправлением по поводу квартиры, мебели, вещей, оставшихся в Доме искусств. И такой вот справкой:

Лист № 107
Удостоверяю, что квартира № 2 по Преображенской улице, 5—7 в марте 19 года взята во временное пользование со всей обстановкой и инвентарем моим покойным мужем Н. С. Гумилевым у С. В. Штюрмера, а поэтому вся в ней обстановка принадлежит Штюрмеру, кроме 1303 экз. книг, принадлежат моему мужу Н. С. Гумилеву.
Анна Гумилева
22 сентября 1921 г.
ДКТ заверяет правильность подписи.
Председатель ДКТ Прокофьев
(две печати и штамп домоуправления.— Ред.).

В этом последнем листе «дела» все правильно: ничего, кроме книг, после смерти поэта не остается. Только книг после смерти Гумилева осталось меньше, чем должно было,— налицо еще одно — помимо убийства — уголовное преступление: обворовали его современников, обворовали нас с вами.

Мы так никогда и не узнаем, какой высоты мог достичь Гумилев,— он менялся, был молод и возрастом, и духом. Он бы столько всего еще мог написать! Бесспорно знаем мы только одно: Гумилев был Поэтом — и в жизни, и по тому пророческому дару, который сопутствует большим поэтам в России. Не напрасно так навязчива в его стихах тема собственной насильственной смерти, даже конкретнее — расстрела. Возможно, он сам подсознательно толкал себя к осуществлению своего предсказания? И все же предсказание не осуществилось бы, не будь наш российский бунт «бессмысленным и беспощадным», окажись вожди нашей революции если не гуманнее, то хотя бы гуманитарнее — ближе к русской культуре.

Суть гумилевского «дела» не в «пожелтевших листах» — из них следует только одно: не виновен,— а именно в его «шагреневом переплете». Еще один миф. Ничто выросшее в Нечто. В крайнем случае — игра в солдатики, которую засекретили до такой степени, что (как пелось в популярной песенке образца семидесятых) «город подумал: ученья идут».

И не стоит, по-моему, даже рассуждать о том — как это делает Г. А. Терехов, прокурор по надзору за КГБ,— что вина Гумилева заключалась в «недонесении» («Новый мир» № 12, 1987 г.). Если на этом основании мы не реабилитируем Гумилева, мы таким образом морально и юридически узаконим действия всех — виновных в смертях и исковерканных судьбах — доносчиков сталинского и других недавних периодов нашей истории, многие из которых поныне спокойно живут и здравствуют. В конце концов — да простится мне юридическая наивность — закон должен конкретизировать нравственность, а не канонизировать преступление, подлость и малодушие. Поэт, дворянин, русский офицер Н. С. Гумилев погиб, потому что был, как его великий предшественник, невольником чести.

---

[3] Исправления отчества красными и черными чернилами, очевидно, сделаны в разное время, гораздо позднее, и, судя по тому, что исправлено не во всех случаях,— не самим следователем Якобсоном. Обвинение, вообще говоря, вынесено другому человеку. *(Ред.)*

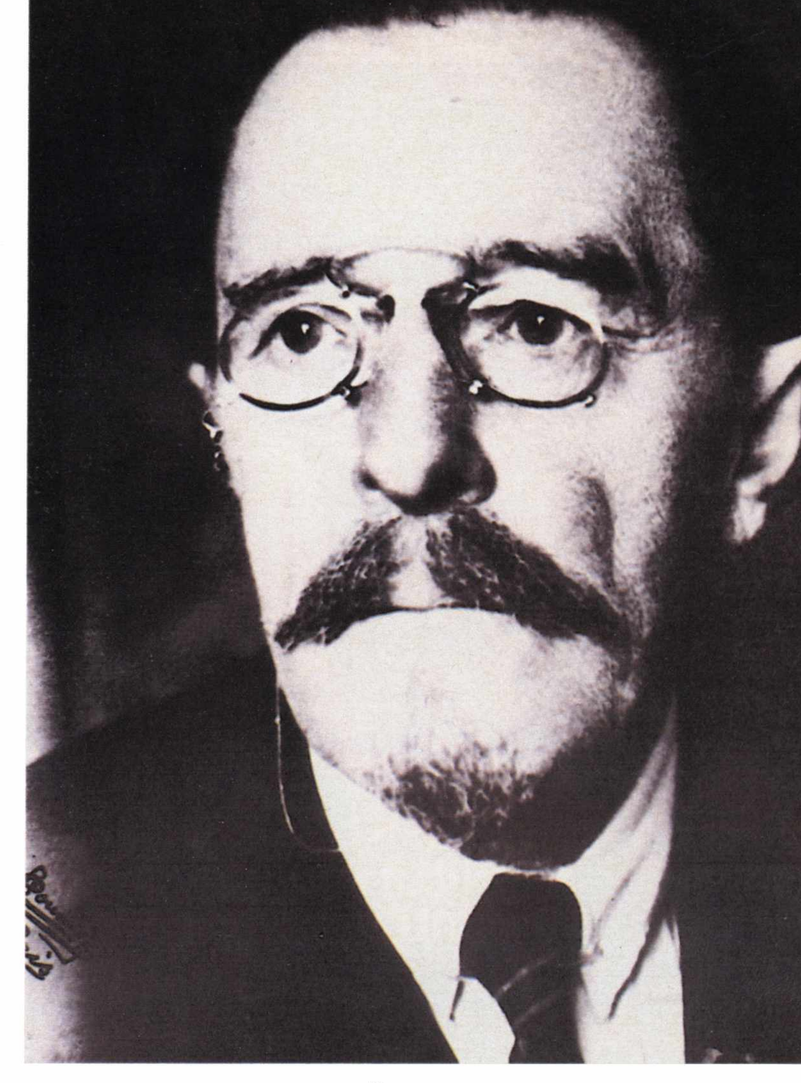
ЦВЕТНАЯ РОССИЯ

Россия начала века. Смуглые бородатые морские офицеры в строгих черных мундирах с золотыми пуговицами. Серьезные широколицые крестьянские девушки в праздничных сарафанах с тарелками ягод. Скуластая баба с журавлем у колодца. Знакомые русские типы. Привычные мизансцены старых снимков... И вдруг вся эта черно-белая российская жизнь оказалась цветной. Да какой красочной, яркой!

Мы видим, что глава крестьянской семьи, усевшейся в ряд у порога дома, носил полосатую зеленую рубаху; его дочери, принарядившиеся к приезду фотографа, надели розовые с кружевами платья, а одна из женщин повязала под горло белый с синими горохами платок. И солнце в тот день было таким ослепительным, что заставило сощуриться всю семью, внимательно смотрящую в объектив фотографа. Мы даже можем почувствовать аромат той русской домашней жизни. Жизни, которой мы лишены.

...Люди, запечатленные фотографом, ничем не примечательны. Но почему же нас так волнует этот снимок? Может, причиной тому цвет?.. Да, цвет совершил с фотографией невероятную вещь: давно исчезнувший мир наполнился красками сегодняшнего дня. Впрочем, дело не в самом цвете, а в нашей привычке видеть ту, дореволюционную жизнь в удручающе-унылых тонах. Что же до красок — они признак современности. Особенно красная.

История несправедлива к фотографам. Их имена забываются потомками быстро. Не помнятся даже современни-

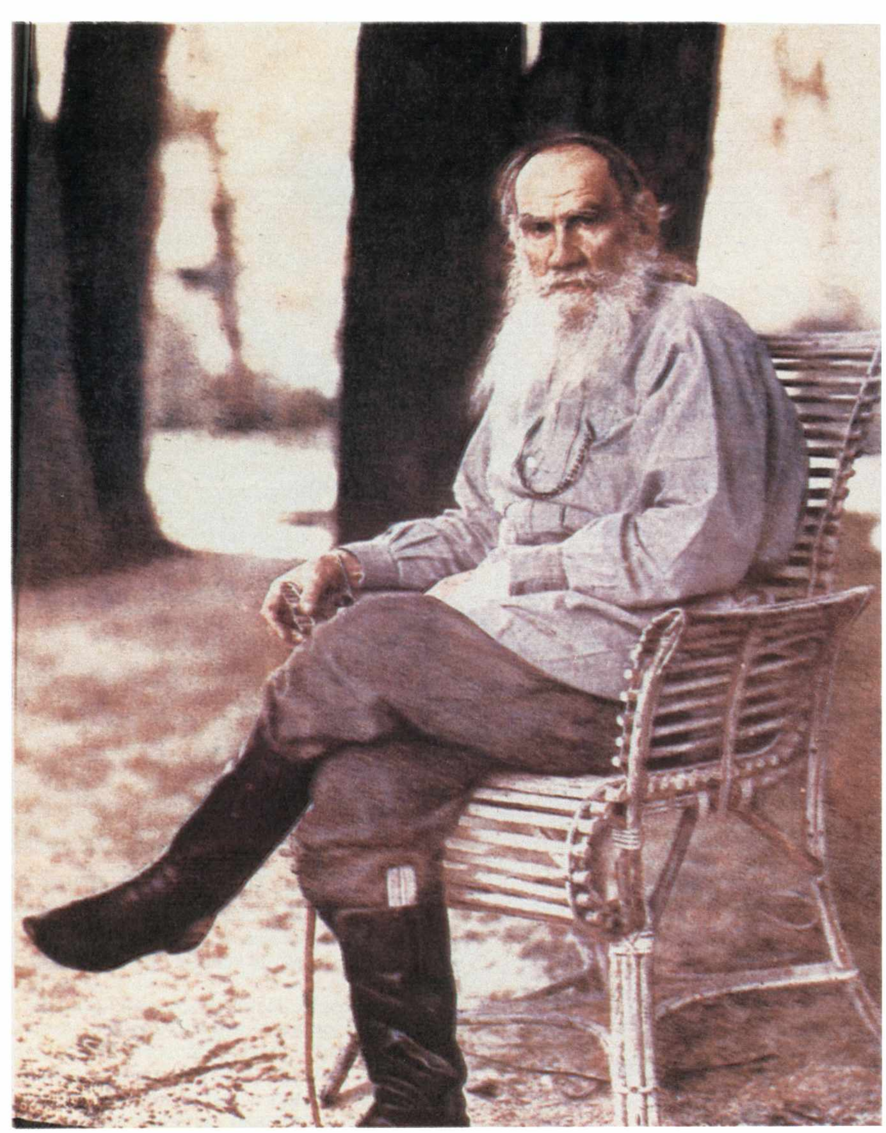
С. М. ПРОКУДИН-ГОРСКИЙ.

Крестьянская семья.

Спасо-Бородинский монастырь.

Портрет женщины.

Лев Толстой.

Украинская крестьянка.

ками. Это имя — исключение. В начале века его знали отлично — почтовые открытки с надписью шрифтом-модерн «С натуры. С. М. Прокудин-Горский, Спб» продавались в любой лавке.

Снимки, которые мы здесь воспроизвели, взяты из альбома, изданного в США (издательство «Диал пресс», 1980). Называется книга «Фотографии для царя».

— Название неточно,— говорит исследовательница творчества Прокудина-Горского С. П. Гаранина.— Сергей Михайлович специально для царя не работал. За исключением разве что одного случая, когда фотографировал маленького царевича Алексея...

Сегодня, когда возможности фотографии практически неограниченны, когда мы перестали удивляться диковинным видам поверхности Луны или электронным снимкам из жизни инфузории-туфельки, техническое совершенство работ Прокудина-Горского поражает. До сих пор ученые целой лаборатории одного НИИ (конечно же, не нашего, а швейцарского!) пытаются разгадать секреты химического состава фотоматериалов Прокудина-Горского, уже много десятилетий сохраняющих естественные цвета.

В начале века светочувствительность материалов была настолько низка, что о моментальной съемке не могло идти и речи. А Прокудин-Горский, к изумлению и зависти своих коллег, сумел уже в 1908 году сделать портрет Льва Николаевича Толстого всего за две секунды. По тем временам невероятно!

«Десять лет, помимо чистой научной области по фотохимии, я трудился над постановкой цветного дела в России,—

Крестьяне слушают игру на балалайке.

Бухарский министр внутренних дел.

Узбек — торговец коврами.

Еврейские дети с раввином.

Женщина в парандже.

Мастерская в Златоусте.

писал Прокудин-Горский Толстому.— До сих пор все делалось исключительно за границей, а теперь и мы пошли вперед. Было трудно особенно потому, что я единственный русский, работающий в этой области, и все меры принимались, чтобы задушить меня, но не вышло...»

Видимо, помимо талантов художника, химика, исследователя, помимо колоссальной работоспособности, Прокудин-Горский обладал еще одним качеством — деловитостью и предприимчивостью. Его нелегко оказалось «задушить». А может, это властно заявило о себе новое время, требовавшее людей дягилевского типа?..

И все-таки не своими успехами в области цветной фотографии прославился Прокудин-Горский на весь мир.

— Однажды, это было в 1908 году,— рассказывает С. П. Гаранина,— Сергей Михайлович выступал с докладом на Съезде фотографических обществ России и демонстрировал на экране свои цветные снимки Туркестанских храмов и зданий, разрушенных землетрясением вскоре после съемки. Наверное, тогда-то и посетила его дерзкая, грандиозная мысль — «запечатлеть все достопримечательности нашего обширного Отечества России при помощи фотографических снимков в натуральных цветах».

С этого времени его обуяла страсть коллекционера. Начало века — время одержимостей. Время собирания коллекций. Имя Прокудина-Горского можно поставить в один ряд со знаменитыми галерейщиками — И. Цветаевым, Третьяковыми... Только свою коллекцию он составлял из «живых» картин — достопримечательностей России, которые он выискивал, путешествуя по «обширному Отечеству».

Сначала он проехал по Мариинскому водному пути, снимал пейзажи и архитектурные памятники Волги от истоков до Нижнего Новгорода. Поздней осенью производил съемки в Средней Азии. Ранней весной, пока не вскрылись реки,— в Крыму и на Кавказе. В его объектив попали и малороссийская девушка, и бухарский министр иностранных дел, и узбек — продавец ковров, и еврейские дети с раввином. Ни при каких обстоятельствах туркестанский погонщик верблюдов и девушка из деревушки Западной Украины не могли оказаться рядом — их объединила уникальная «энциклопедия русской жизни» в «натуральных цветах».

Заключенные.

Греческие женщины на чайной плантации.

Работу свою Прокудин-Горский со свойственной ему основательностью планировал на десять лет, но уже через год стало очевидно — средств не хватает. Николай II «соизволил на предоставление ему для работы с помощниками пользоваться бесплатно пароходами Министерства путей сообщения и вагоном, специально приспособленным для работы», однако денег из государственной казны не отпустил. Выход был один — продать коллекцию. Отказываясь от выгодных предложений частных фирм и настаивая на приобретении ее государством, Прокудин-Горский обеспокоенно писал: «Коллекция... не должна оставаться частною собственностью, которой всегда грозит опасность со сменою поколений: или быть растерянной, или даже попасть в такие руки, которые могут унести ее за границу и сделать достоянием иностранцев». Разве он мог в тот момент предполагать, что вскоре сделает это сам?..

Попытки купить коллекцию у правительства были. Деятельное участие в этом принял П. А. Столыпин. Специальная комиссия по закупке в своем решении уже тайно ликовала: «Когда картинам С. М. Прокудина-Горского будет устроен широкий доступ в наши учебные заведения, то у нас окажется образцовое, истинное **родиноведение**, и в этом важном и необходимом деле Россия займет завидное передовое положение между культурными странами...» Смерть Столыпина помешала задуманному, решения остались на бумаге.

А вскоре первая мировая война и революция прервали работу по созданию коллекции. Новое советское правительство пыталось привлечь «буржуазного специалиста» Прокудина-Горского к сотрудничеству. И он поначалу вроде бы откликнулся на предложения большевиков. В 1918 году выступал в Зимнем дворце на вечерах «Чудеса фотографии» перед рабочими, матросами и красноармейцами. В июне даже стал членом Ученого совета нового Высшего института фотографии и фототехники. А потом вдруг неожиданно не явился на одно из заседаний совета и из города исчез. Только спустя годы стало известно, что побудило его совершить отчаянный для него шаг — эмигрировать. Известие о казни царской семьи, с которой он был лично знаком. На его глазах уже совершалось страшное разрушение всего, что ему было дорого,— культуры, истории, традиций. Но бессмысленная и жестокая расправа над царской семьей оказалась последней каплей, переполнившей душу.

Он умер во Франции в 1943 году. О его фотографиях вспомнила русская княгиня Мария Путятина, когда готовила к печати в США «Историю русского искусства» И. Грабаря. По ее инициативе Американский Совет Научных Обществ приобрел значительную часть коллекции у сыновей Сергея Михайловича. В фондах Библиотеки Конгресса, где она сейчас на хранении, около 2000 экспонатов. Но известно, что еще в 1915 году коллекция Прокудина-Горского насчитывала уже более 4500 негативов и позитивов. Значит, больше половины материала находится где-то. Но где?..

В одной из записных книжек, опубликованных за рубежом, у Сергея Михайловича есть признание, что ему удалось кое-что хорошо спрятать в России. Значит, у нас хранится этот бесценный клад? Может быть, в тех краях, где он снимал,— к примеру, на Урале? Или в доме под Лугой, который приобрел незадолго до отъезда? Или в мастерской на Большой Подьяческой, 22? А может быть, в имении Владимирской губернии ждут исследователя ящики с трехслойными стеклянными пластинами, где запечатлена цветная история России? Наша с вами история.

Наталья ПАВЛОВА

Кремль XVIII века

ГЕРАЛЬДИКА ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Одной из наиболее ярких черт нашего времени является обращение к истории Государства Российского. В этом — и чувство вины перед нашим прошлым, ее святынями, и желание избавиться от стереотипов и мифов, так долго насаждавшихся в наше сознание. Но на этом благородном пути искателя истины ожидает множество не только препятствий, но и искусов. И один из наиболее сильных — создание новых мифов.

Сколь необычным было появление пару лет назад разноцветных полотнищ флагов на митингах не только в столицах республик, но и в Москве и Ленинграде. Со временем национальные флаги республик легализировались, а то и получили официальный статус. Вероятно, такова будет и судьба русских национальных символов. Однако смущает то обстоятельство, что уже сейчас в связи с ними складывается мифологический ряд, основанный и на традиционных легендах, и на современных геральдических байках. Попробуем внести ясность в этот запутанный вопрос.

История русского флага начинается в XVII веке. Сразу оговоримся, что в России флаг официально назывался не государственным, а национальным. В 1667 году впервые появляется флаг с сочетанием бело-сине-красных цветов. В 1690-х годах — полосатый бело-сине-красный флаг, который в 1705 году назван «...торговых коммерческих

Герб Российской империи

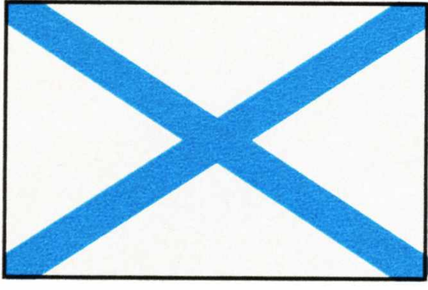
Герб Москвы

Герб Дома Романовых

Дворцовый штандарт императора

Андреевский флаг

Национальный коммерческий флаг

Гербовый народный, национальный флаг

и промышленных российских судов флагом». В таком качестве он существовал до 1917 года. Символом Военно-морского флота с конца XVII века становится флаг с синим Андреевским крестом. Он просуществовал до конца империи, а в годы гражданской войны поднимался на военных кораблях белых. Заметим, что по международной традиции военно-морские корабли имели особый флаг, в то время как торговый флаг одновременно являлся национальным или государственным.

В 1858 году был введен черно-желто-белый флаг под названием Гербового народного флага. В 1873 году он переименован в национальный. За бело-сине-красным сохранено значение коммерческого, а с 1883 по 1917 год именно он взамен черно-желто-белого считался национальным.

В 1914 году для употребления в частном быту был учрежден флаг, который должен был явиться символом единения царя с народом. Этот флаг представляет собой бело-сине-красное полотнище, на котором в верхнем углу у древка помещен желтый квадрат с черным двуглавым орлом. Таким образом, этот флаг представляет собой соединение царского штандарта, учрежденного Петром Великим в 1700 году, с национальным флагом.

В записи заседания Юридического совещания при Временном правительстве 25 апреля 1917 года сказано, что, не усмотрев в бело-сине-красном флаге никаких династических признаков или монархических эмблем, предлагается сохранить его и почитать национальным.

Г. ВИЛИНБАХОВ,
старший научный сотрудник Эрмитажа

...Началом российского государственного герба принято считать 1497 год, когда на печати, прикрепленной к Меновой грамоте Ивана III Васильевича с его племянниками, князьями Полоцкими, появилось изображение двуглавого орла. Тогда же, в ознаменование свержения монголо-татарского ига, на шпице Спасских ворот Московского Кремля появилось и его монументальное изображение. Позже герб был установлен и на Никольской, Троицкой, Боровицкой башнях.

Интересна история герба. Пришел он в Россию на правах престолонаследия через освященный Римской католической церковью брак Ивана III Васильевича с наследницей византийского престола царевной Софьей Фоминичной Палеолог, племянницей последнего императора Византии Константина XI.

Обретя вторую родину, герб здесь сразу полюбился. Его изображали на предметах, обложках и титулах книг, славили аллегориями:

Тремя венцами орел восточный
сияет,
Веру, надежду, любовь к Богу
являет.
Криле простер, объемлет всего
мира конца,
Север, юг, от востока аж до
запада солнца
Простертыми крылами добре
покрывает.

Насколько важен и престижен был этот символ для государства, можно судить по письму Ивана IV шведскому королю. На его упреки Грозный, в частности, отвечает: «А что писал еси о Римском царства печати и у нас своя от прародителей наших; а Римская печать нам не диво. Мы от Августа Кесаря родством ведемся».

Как замечает А. Лакиер («Русская геральдика», С.-Пб., 1855), любовь к гербу была так велика, что для него ничего не жалели и к усовершенствованию герба привлекались лучшие силы. Например, царем Алексеем Михайловичем был приглашен из Австрии Лаврентий-Курелич, именовавшийся «Священного Римского государства герольд».

Своей неповторимой образностью, необыкновенной выразительностью и высокой художественностью символ этот покоряет. Что касается наслоений в виде гербов царств, ханств, городов...— ответствен не художник, а политика. Кстати, наслоения были сняты Февральской революцией, что, разумеется, не означало ликвидации самого государственного символа. Гербы эти содержали региональное значение, каждый посвоему славен, например, герб Княжества Московского. Под этим героическим символом до передачи «эстафеты» орлу шло формирование государства. Но приходится предъявить «иск» и к Февральской революции. Логически реформа герба вроде бы оправдана, понятно, почему сняты «венцы» (короны). Но... гений художника при всем при этом, как видно, не присутствовал. Могучего, величественного орла превратили в какого-то бройлера.

Вопрос и к Великой Октябрьской социалистической революции. Разумно ли было лишать отечество столь славной исторической реликвии — двуглавого орла?

Выясняется и недоразумение. Укоренилось обывательское представление, будто двуглавый орел являлся гербом династии Романовых. В действительности владели Романовы гербом дворянским. На нем изображен геральдический грифон. Утверждался этот герб по прапору (знамени) предка Романовых воеводы боярина Никиты Ивановича Романова, участника походов Ивана Грозного. Никита Иванович сражался на Ливонской войне, в 1575 году лично участвовал во взятии г. Пернова...

А. СУХАНОВ,
художник.

* * *

Редакция приносит извинения за допущенную по техническим причинам неточность в № 6 за 1990 г. В иллюстрациях к материалу «Сокровища державы» переставлены подписи под фотографиями ордена Св. Андрея Первозванного и Знаком ордена Св. Александра Невского.

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

Джон Ле КАРРЕ

РОМАН

МИРАЖ

Формальности в гаагском аэропорту не вызвали никаких затруднений. Кивер заметно успокоился. Он оживился, стал снова разговорчивым по дороге от самолета к таможне. Молодой голландский офицер, едва взглянув на их багаж и паспорта, бросил по-английски: «Надеюсь, пребывание в Нидерландах доставит вам удовольствие».

— Благодарю вас,— живо откликнулся Кивер.— Большое спасибо.

Они пошли по длинному коридору в зал регистрации на другом конце здания. Кивер маневрировал к главному выходу между небольшими группами пассажиров, глазеющих на витрины киосков с парфюмерией, фотоаппаратами, фруктами. Когда они прошли через вращающуюся стеклянную дверь, Лимас оглянулся. У газетного киоска, углубившись в чтение, стоял маленький человек в очках. По виду чиновник или что-то в этом роде.

Их ждал «фольксваген» с голландским номером. За рулем сидела женщина, которая не обращала на них внимания. Она вела машину медленно, каждый раз заблаговременно останавливаясь под желтым светом, и Лимас понял, что ей было дано такое указание, и что за ними следует другая машина. Он посмотрел в боковое зеркальце, пытаясь понять, какая именно машина увязалась за ними, но так и не понял. Вон та черная, «пежо»? Нет, когда они свернули за угол, кроме грузовика с мебелью, сзади никто не ехал. Он хорошо знал Гаагу еще с войны и старался засечь направление. Ага, северо-западное, к Шевенингену. Вскоре они взяли влево, оставили позади пригород и подъехали к виллам, выстроившимся у дюн, вдоль морского побережья.

Там они остановились. Оставив их в машине, женщина-шофер вышла и позвонила в маленький кремовый домик, почти последний в ряду вилл. На воротах висела голубая табличка с готической надписью «Мираж», а на окне — объявление о том, что все комнаты сданы.

На нем был плащ с кожаными пуговицами. Ростом с Лимаса, но постарше. Лимас дал бы ему лет пятьдесят пять. Тяжелое лицо землистого цвета в глубоких морщинах. Видимо, в прошлом солдат.

Он протянул Лимасу руку. Тонкие пальцы. Гладкая кожа.

— Питерс,— представился он.— Как добрались?

— Прекрасно,— поспешил ответить Кивер,— без всяких происшествий.

— Нам с мистером Лимасом нужно многое обсудить. Думаю, нет смысла вас задерживать, Сэм. Можете вернуться в город на «фольксвагене».

Кивер улыбнулся, и Лимас заметил в его улыбке облегчение.

— До свидания, Лимас,— сказал Кивер чуть насмешливо.— Счастливо, старина!

Лимас кивнул, но не пожал протянутой ему руки.

— До свидания,— повторил Кивер и быстро направился к двери.

Лимас проследовал за Питерсом в заднюю комнату. На окнах занавеси плотного кружева с тяжелыми складками. На подоконниках кактусы, табак и какое-то странное растение с широкими листьями. Мебель массивная, под старину. Посреди комнаты стол и два резных стула. Стол покрыт скатертью, похожей на коврик деревенской расцветки. Перед каждым стулом стопка бумаги и карандаш. Сбоку виски и содовая. Питерс подошел и налил им обоим.

— Ну,— сказал вдруг Лимас,— теперь можно не ломать комедию. Вы меня понимаете? Оба мы знаем, о чем идет речь, оба мы профессионалы. Вы купили перебежчика — вам повезло. Только, ради бога, не прикидывайтесь, что умираете от любви ко мне,— он говорил неуверенно, нащупывая почву.

Питерс кивнул.

— Кивер мне сказал, что вы человек гордый,— заметил он равнодушно и без улыбки добавил:— Ну, ясно, другой не стал бы бить лавочника за оскорбление.

Лимас подумал, что он русский, хотя не был в этом уверен. Английским он владел почти в совершенстве, держался свободно, как человек, привыкший к комфорту.

Они сели за стол.

— Кивер вам сказал, сколько я буду платить? — спросил Питерс.

— Да. Пятнадцать тысяч фунтов через швейцарский банк.

— Правильно.

— Он сказал, что вы можете задавать мне дополнительные вопросы в течение следующего года,— продолжал Лимас,— с соответствующей надбавкой в пять тысяч, если я окажусь полезным.

Питерс кивнул.

— Мне эти условия не подходят,— сказал Лимас.— Вы знаете не хуже меня, что так дело не пойдет. Я хочу получить пятнадцать тысяч,— и дело с концом. Ваши люди не церемонятся с агентами, перешедшими на чужую сторону, и наши от них не отстают. Я не собираюсь просиживать задницу на улице Морица, пока вы будете проваливать каждую цепочку, которую я вам выдам. Они не дураки и знают, откуда ветер дует. Мы же с вами понимаем, что они, возможно, уже и сейчас напали на наш след.

Питерс кивнул.

— Конечно, вы могли бы отправиться куда-нибудь подальше, в ... более надежное место, не так ли? — спросил он.

— За железный занавес?

— Да.

Лимас только мотнул головой и продолжал:

— Вам, я считаю, нужно дня три на то, чтобы предварительно проверить меня. Затем вы захотите получить подробные указания.

— В этом нет никакой необходимости,— возразил Питерс.

Лимас посмотрел на него с интересом.

— Ого! Я вижу, они послали важную шишку! Или тут дело обходится без Москвы?

Питерс молчал и только смотрел на него, что-то соображая про себя. Наконец, он взял лежавший перед ним карандаш и сказал:

— Начнем с вашей военной службы?

Лимас пожал плечами.

— Вам решать.

— Значит, начнем с военной службы. Ну, рассказывайте.

— В 1939 году я был зачислен в инженерные войска. Прошел военную подготовку. Как раз к этому времени потребовались люди, знающие иностранные языки, для особой службы за границей. Я владел голландским, немецким, прилично знал французский, военная служба мне приедалась, и я подал заявление. Голландию я знаю хорошо. У моего отца в Лейдене было агентство по продаже станков. Я там прожил девять лет. Со мной провели обычную беседу и направили в школу под Оксфордом, где я обучился обычным приемам этого Богом проклятого занятия.

— Кто руководил обучением?

— Тогда я еще не знал. Только позднее я познакомился со Стид-Эспри и с деканом из Оксфорда по фамилии Филдинг. Они и руководили обучением. В сорок первом меня забросили в Голландию, где я и пробыл около двух лет. В те дни мы теряли агентов быстрее, чем удавалось найти новых. Паршивое было время. Голландия — противная страна. Хотя справедливости ради нужно сказать, что любая страна покажется противной, если у тебя в доме штаб-квартира шпионов и подпольная радиосеть. Вечно меняешь место, вечно на колесах. Действительно, гнусное занятие. В сорок третьем я оттуда выбрался, передохнул пару месяцев в Англии, и меня направили в Норвегию. По сравнению с Голландией просто рай! В сорок пятом я ушел со службы и отправился снова в Голландию, на сей раз чтобы войти в бизнес к отцу. Дело не клеилось, и я вступил в долю со старым приятелем, который держал туристское агентство в Бристоле. Через полтора года мы обанкротились. Я был совсем убит. Вот тут-то и пришло письмо из отдела: не хочу ли я вернуться? Но я решил, что с меня достаточно, и ответил, что еще должен подумать, а сам снял коттедж на одном из островов у побережья Голландии и поселился в нем. После того как я прожил там год, созерцая свой пуп, и мне приелось это занятие, я им написал и в конце сорок девятого вернулся к ним. Перерыв в службе — маленькая пенсия. Одним словом, обычная участь неудачника. Я не очень быстро рассказываю?

— Пока нет,— ответил Питерс, подливая Лимасу виски,— мы, конечно, еще вернемся к этому периоду, уточним даты, имена...

В дверь постучали, и женщина внесла ленч — огромные порции холодного мяса, хлеб, суп. Питерс отодвинул свои записи, и они молча поели. Когда убрали со стола, разговор продолжился.

— Итак, вы вернулись на Кембриджскую площадь,— сказал Питерс.

— Да. Временно меня посадили на канцелярскую работу. Составление отчетов, оценка военного потенциала в странах за железным занавесом, слежка за боевыми частями и тому подобное.

— Какой отдел?

— Четвертый отдел спутников. С февраля пятидесятого по май пятьдесят первого.

— Кто работал вместе с вами?

— Питер Гийом, Бриан де Грей и Джордж Смили. В начале пятьдесят первого Смили перешел от нас в контрразведку, а в мае того же года меня направили в Берлин как представителя администрации контролируемой территории. Иными словами — вся оперативная работа.

— Кто находился у вас в подчинении?

Питерс быстро писал, и Лимас понял, что он пользуется каким-то доморощенным методом стенографии.

— Хеккет, Сорроу и де Йонг. Де Йонг погиб в уличной катастрофе в пятьдесят девятом. Мы думали, его убили, но проверить так и не смогли. Каждый имел свою цепочку, а я возглавлял всю сеть. Хотите подробности? — спросил Лимас сухо.

— Разумеется, но позднее. Продолжайте.

— В конце пятьдесят четвертого у нас был первый крупный улов в Берлине: Фриц Фегер, вторая величина в ГДР, министерство обороны. До этого дело шло туго, но вот, в ноябре пятьдесят четвертого, нам, значит, удалось заполучить Фрица. Он продержался ровно два года, и больше мы его не видели. Я слышал, он умер в тюрьме. Прошло еще три года, пока мы нашли ему замену. Затем в пятьдесят девятом подвернулся Карл Римек. Карл был в президиуме восточногерманской коммунистической партии. Лучший агент, какого я когда-либо знал.

— Его уже нет в живых,— заметил Питерс.

Лицо Лимаса на мгновение омрачилось.

— Его убили у меня на глазах,— сказал он.— С ним была его любовница. Она перешла в Западный сектор как раз перед его кончиной. Он ей все разболтал — она знала всю его злосчастную цепочку. Стоит ли после этого удивляться тому, что он провалился!

— Мы еще вернемся к Берлину. А сейчас скажите мне вот что: Карл, значит, умер, и вы прилетели

Продолжение. См. «Огонек» №№ 15—17.

в Лондон. Ну, а дальше, вы все время оставались на службе?

— Да, если это называется службой.

— Чем вы занимались?

— Сидел в отделе банковских операций. Жалованья агентам, оплата подпольных организаций за границей — одним словом, работа для ребенка. Получали ордера и подписывали чеки. Иногда случались осложнения со службой безопасности.

— Встречались ли вы с агентами лично?

— Ну что вы, где это слыхано! Резидент из какой-либо страны делает заявку, начальство ставит галочку и передает нам к оплате. В большинстве случаев мы пересылаем деньги в соответствующий иностранный банк, резидент их получает и отдает агенту.

— Как агенты значатся? Под кличками?

— Под номерами. На Кембриджской площади такое обозначение называется «сочетанием». За каждой цепочкой закрепляется цифра, а агент из цепочки обозначается сочетанием из этой цифры плюс дополнительный номер. У Карла было сочетание из восьми плюс один.

Лимас вспотел. Питерс холодно смотрел на него,— так игрок оценивает профессионального партнера, сидящего напротив. Чего стоит этот Лимас? Что его может сломить, что привлечь или отпугнуть? Что он ненавидит? А главное, что он знает? Не приберегает ли он свои козыри под конец, чтобы продать подороже? Нет, Питерс так не думал: Лимас слишком выбит из равновесия. Он всю жизнь шел одним путем и верил в свое дело. Все это он предал, выбросил сам себя за борт. Питерсу в жизни встречались подобные случаи. Он видел, как человек, в котором происходит идеологическая ломка, можно сказать, поворот на сто восемьдесят градусов, оставшись в ночные часы наедине с самим собой, всеми силами души ищет новую веру, призывая на помощь свои убеждения, и предает свое призвание, семью, страну. Даже такие люди, исполненные новым рвением и новой надеждой, должны бороться с мыслью о позорном клейме предателя, даже они должны преодолевать почти физическую муку, признаваясь себе в том, что им уже никогда не вернуться к делу, которому они служили раньше. Как вероотступники боятся сжечь распятие, так они мечутся между инстинктом, толкающим их на новый путь, и соблазном остаться на старом. Питерсу хорошо была знакома эта раздвоенность. Еще как! А теперь он должен облегчить этот мучительный процесс предательства. Только потому, что он оказался на противоположной стороне стола. И оба они понимали, что происходит. Вот почему Лимас так яростно старается удержаться в рамках чисто деловых отношений. Из гордости. Питерс знал, что по этим же причинам Лимас может и лгать. Не прямо, всего лишь опуская факты, но все же лгать. Нужно учесть еще и браваду, неизбежную при такой извращенной профессии. И ему, Питерсу, предстоит выуживать эту ложь. Уже одно то, что Лимас профессионал, работало против Питерса, он это знал. Лимас будет опускать именно те факты, которые больше всего интересовали Питерса. Будет сообщать ровно столько, сколько Питерс спросит, и, таким образом, могут не всплыть самые ценные факты. И вдобавок ко всему Лимас — опустившийся пьяница. Тут уж бахвальство неизбежно.

— Я думаю,— сказал Питерс,— пора нам приступить к подробностям вашей работы в Берлине с мая пятьдесят первого по март шестьдесят первого. Выпейте еще.

А Лимас смотрел, как он достает из папиросницы сигарету и закуривает. Он отметил две вещи: Питерс левша и закуривает сигарету с того конца, где написана марка, чтобы она сразу обгорела и Лимас не смог бы ее прочесть. Лимасу это понравилось: значит, Питерс, как и он сам,— стреляная птица. У Питерса было странно-застывшее лицо. Серо-землистым оно, видимо, стало давно, возможно, в тюрьме в первые дни революции, а теперь его черты законсервировались и такими останутся уже до могилы. Только седеющие волосы могут совсем побелеть, но лицо не изменится. Лимасу было интересно, как Питерса зовут на самом деле, женат ли он. В Питерсе чувствовалась какая-то ортодоксальность, сила, убежденность, что нравилось Лимасу. Если Питерс лжет, значит, есть тому причина. Его ложь — ложь по необходимости и ничего общего не имеет с гадким враньем Эйша.

Эйш, Кивер, Питерс — нарастающая прогрессия личных качеств и занимаемого положения. Для Лимаса это аксиома в иерархической лестнице разведчиков. Но он также подозревал и нарастающую прогрессию в идеологии. Эйш — лавочник, Кивер — оптовый торговец, и теперь Питерс, для которого цели и средства слились воедино.

Лимас начал рассказывать про Берлин. Питерс редко перебивал его вопросами или замечаниями, но уж когда перебивал, то интересовался техническими деталями, как настоящий эксперт, и Лимасу это нравилось. Его, казалось, подкупал бесстрастный профессионализм противника, который ставил их на одну доску.

На создание надежного канала между Западным и Восточным секторами ушла масса времени, объяснял Лимас. В первые дни город был наводнен доморощенными агентами: шпионаж стал частью повседневной жизни берлинцев. Можно было завербовать человека днем, дать ему задание вечером, а наутро он уже проваливался. Для профессионала наступило не время, а кошмарный сон. Десятки агентств, половина из которых забита людьми, работающими на обе стороны, тысячи потерянных концов, руководителей — хоть отбавляй, средств — с гулькин нос, как и оперативного пространства. В 1954 году Фергесон — большое везение, но уже в 1956 году, когда отделы начали вопить о качестве работы, Фергесон поблек. Он сообщал сведения чуть ли не накануне перед тем, как они становились всеобщим достоянием. Начальство требовало чего-то реального, но пришлось ждать еще три года, пока подвернулась настоящая удача.

Однажды де Йонг выехал на прогулку в лес на самой границе с Восточным Берлином. На его машине был британский военный номер. Он запер машину, оставив ее на дороге у канала. После прогулки дети схватили опустевшую провизионную корзинку и побежали вперед к машине. Добежав до нее, они остановились, бросили корзинку и помчались обратно. Кто-то взломал машину — ручка вырвана, дверца болтается. Де Йонг выругался, вспомнив, что оставил в машине фотоаппарат. Он осмотрел машину — ручка, видимо, выломана куском стальной трубки, который легко спрятать в рукав. Нет, аппарат на месте. Его пальто и свертки жены — тоже. А на переднем сиденье — жестяная коробочка из-под табака, и в ней — маленькая никелированная кассета. Де Йонг точно знал, что находится в кассете: пленка, заснятая на микроаппарате. Возможно, на «Миноксе».

Де Йонг приехал домой и проявил пленку. На ней были засняты протоколы последнего заседания президиума восточногерманской компартии. По странному совпадению кто-то уже раньше заснял эти протоколы, так что можно было сверить: снимки были подлинными.

Лимас взял это дело в свои руки. Ему позарез нужно было добиться успеха. С момента прибытия в Берлин он практически еще ничего не сделал, а его возраст оставлял ему не так много времени для оперативной работы. Ровно через неделю он взял машину де Йонга, поставил на то же место и пошел погулять.

Де Йонг, скажем прямо, выбрал для прогулки мрачное место: длинная кишка канала с двумя огневыми точками, выжженные поля и на восточной стороне в двухстах ярдах от дороги, параллельной каналу,— чахлый сосновый лесок. Но зато пустынно. Что да то да. Такого пустынного места в Берлине не сыскать. Уж тут можно не опасаться людских глаз. Лимас бродил по лесу, даже не пытаясь следить за машиной, все равно неизвестно, с какой стороны ждать. А если заметят, что он следит, то могут побояться выйти на связь.

Вернувшись, Лимас застал машину точно в том виде, в каком оставил ее, и поехал обратно в Западный Берлин, ругая себя последними словами: президиум-то будет заседать еще только через неделю! Через три недели он снова взял машину де Йонга, положил тысячу долларов двадцатками в провизионную корзинку, оставил машину незапертой на два часа и, когда вернулся, нашел коробочку из-под табака. Корзинка исчезла.

Пленка содержала документы первостатейной важности. За следующие шесть недель он проделал свой трюк дважды, и оба раза так же удачно.

Лимас знал, что напал на золотую жилу. Он зашифровал операцию кодом «Мейфер» и направил в Лондон весьма пессимистическое письмо; он знал, что, если хоть наполовину раскроет перед Лондоном успех операции, начальство установит над ней непосредственный контроль, чего Лимас категорически не хотел. Такая операция была, возможно, его единственным шансом не выйти на пенсию, и именно в силу масштабности этой операции Лондон будет зариться на нее. Но даже если и нет, то все равно Кембриджская площадь начнет разводить теории, давать советы, требовать осторожности и торопить события. В надежде выследить получателя они захотят, чтобы Лимас расплачивался только новенькими купюрами, потребуют выслать пленки в Лондон на экспертизу, составят громоздкий план завершения операции и сообщат о ней в отделы. Большинство выскажется за то, чтобы отделы были поставлены в известность, а это, считал Лимас, все испортит. Три недели он работал как одержимый. Завел досье на каждого члена президиума. Составил список всех, кто мог вести протоколы заседаний. По регистрационному листу участников заседаний установил, что тридцать один человек, включая функционеров и секретарей, мог располагать передаваемыми ему документами.

Поняв, что установить, кто из тридцати одного человека это делает,— задача непосильная, Лимас вернулся к пленкам, что, кстати, ему следовало сделать раньше.

При повторном исследовании он был озадачен тем, что ни на одной из пленок протоколы не были занумерованы, на них не стояла печать секретного отдела, а на второй и четвертой пленках некоторые слова на протоколах были вычеркнуты ручкой или карандашом. В конечном итоге он пришел к важнейшему выводу: фотокопии сделаны не с самих протоколов, а с их черновиков, подготовленных перед заседаниями. О, это меняет дело! Значит, сведения исходят из секретариата, а в секретариате людей не так уж много. Черновики были основательно и умело сфотографированы, что, в свою очередь, значило, что человек, делавший их, располагал временем и помещением.

Лимас вернулся к составу секретариата. В него входил некий Карл Римек, бывший ефрейтор медицинской службы, который во время войны три года пробыл в плену у англичан. Когда русские захватили Померанию, там жила его сестра, но с тех пор он о ней ничего не слышал. Он был женат, и у него была дочь по имени Карла.

Лимас решил попытать счастья. Он запросил из Лондона досье на бывшего военнопленного Римека. Номер военнопленного Римека — 29012, дата освобождения — 10 декабря 1945 года. Лимас купил детский приключенческий роман, изданный в ГДР, на титульном листе написал детским почерком: «Эта книга принадлежит Карле Римек, родившейся 10 декабря 1945 г. в Бидефорде, Северный Девон». Подпись: «Женщина-космонавт 29012». И примечание: «Желающие совершить космические полеты должны лично обратиться к К. Римек для получения инструкций. Прилагаемая форма заявления: «Да здравствует Народная Демократическая Республика Космического Пространства!».

Он взял листок бумаги, начертил графы для фамилии, имени, адреса, возраста, под графами приписал: «С каждым кандидатом проводится личная беседа. Напишите, по какому адресу можно узнать время и место, удобные вам для встречи. Заявления будут рассмотрены в течение недели. К. Р.»,— и вложил листок в книгу.

Лимас поехал на обычное место в машине де Йонга, оставил книгу на переднем сиденье вместе с пятью тысячами стодолларовых купюр, бывшими в употреблении. Когда он вернулся, книги не было. Вместо нее лежала коробочка из-под табака и в ней три пленки. Лимас проявил их тем же вечером: протокол последнего заседания президиума, проект изменения политики Восточной Германии по отношению к СЭВу и полная картина организации восточногерманской разведывательной службы с указанием назначений отделов и сведений о сотрудниках.

— Минуточку,— прервал Питерс,— вы, следовательно, хотите сказать, что все сведения о разведке поступали от Римека?

— А что в этом удивительного? Вы же знаете, что он имел очень широкий доступ к ним.

— Маловероятно,— заметил Питерс почти про себя,— у него должен был быть помощник.

— Впоследствии он у него и был. Я еще дойду до этого.

— Я знаю, что вы мне о нем еще скажете. Но не складывалось ли у вас впечатление, что у Римека, кроме обычного помощника из числа завербованных агентов, был еще кто-то среди высокопоставленных лиц?

— Нет, мне и в голову такое не приходило.

— А сейчас, оглядываясь назад, вы все равно так не думаете?

— Нет, не думаю.

— Вы отсылали весь материал на Кембриджскую площадь, и вас ни разу не наводили на мысль о том, что даже для человека с его положением Римек поразительно много знал о разведывательной службе?

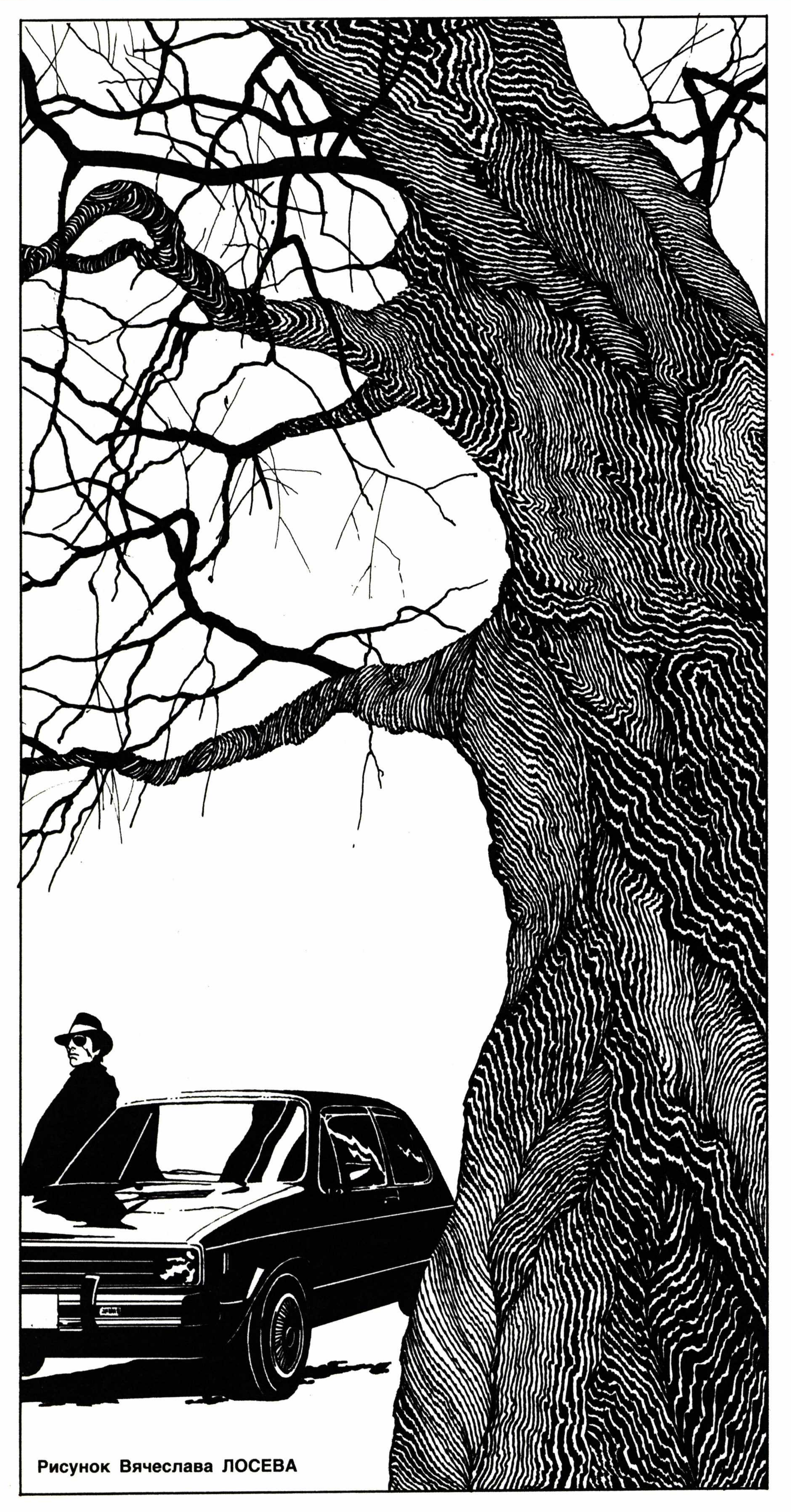
— Нет.

— Вас когда-нибудь спрашивали, где Римек взял свой аппарат и кто его научил делать документальные фотоснимки?

Лимас помедлил.

— Нет... не спрашивали.

— Странно,— заметил Питерс сухо.— Простите, я не хотел отвлекать вас. Продолжайте.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

Ровно через неделю, продолжал Лимас, он поехал к каналу, на сей раз испытывая какую-то нервозность. Свернув на дорогу, идущую вдоль канала, он увидел, что на траве лежат три мотоцикла, а ярдах в двухстах пониже трое человек удят рыбу. Он вышел из машины и, как всегда, направился к деревьям по другую сторону поля. Пройдя ярдов двадцать, он услышал оклик, обернулся и увидел, что один из троих рыболовов машет ему рукой. Двое других тоже обернулись и смотрели на него. Лимас был в старом макинтоше и держал руки в карманах, вынимать их было поздно. Он знал, что двое других страхуют того, который его окликал, и, если Лимас вынет руки из карманов, они могут стрелять в него, полагая, что в кармане у него пистолет. Лимас остановился ярдах в десяти от человека, подозвавшего его.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Вы Лимас? — Небольшого роста, плотный и очень уверенный человек говорил по-английски.

— Да.

— Номер вашего британского паспорта?

— ПРТ, дробь Л58003, дробь один.

— Где вы находились в день победы над Японией?

— В Лейдене. Сидел в магазине отца еще с несколькими голландскими друзьями.

— Пройдемтесь, мистер Лимас. Макинтош вам ни к чему, оставьте его на траве. Бросайте, бросайте, прямо там, где стоите. Мои друзья за ним присмотрят.

Лимас пожал плечами, но макинтош отбросил. Вдвоем они быстро прошли в лес.

— Вы знаете не хуже меня, кто это был,— устало сказал Лимас.— Третья величина в министерстве внутренних дел, секретарь президиума Объединенной Социалистической Партии Германии, глава координационного комитета по борьбе с врагами народа. Благодаря своему высокому положению он смог узнать о де Йонге и обо мне: просмотрел наши досье в отделе контрразведки. У него были три возможности ознакомиться с ними: через президиум, во время передачи документов из отдела в отдел и через саму восточногерманскую разведку.

— Последняя возможность крайне ограниченная. Разведка никогда не выдает досье на руки,— настаивал Питерс.

Лимас пожал плечами.

— Выдает,— отрезал он.

— Что он делал с вашими долларами?

— С того дня я ему больше ничего не давал. Кембриджская площадь сама расплачивалась с ним через западногерманский банк. Он даже вернул мне те доллары, которые взял раньше. Лондон положил их в банк на его имя.

— Насколько подробно вы вводили Лондон в курс дела?

— С того времени я сообщал все. У меня не было другого выхода. Кембриджская площадь поставила в известность отделы. Ну, а после того, как знали отделы,— добавил Лимас ядовито,— вопрос провала стал лишь вопросом времени. Жали на нас, чтобы мы больше платили Римеку и он давал бы больше сведений, нам пришлось посоветовать ему завербовать других агентов и организовать цепочку, давить на него, это ставило его под угрозу, подрывало доверие к нам — совершеннейший идиотизм, одним словом, начало конца.

— Как много вам еще удалось от Карла получить?

Лимас задумался.

— Как много? Черт его знает. Это длилось неправдоподобно долго. Я думаю, он провалился задолго до того, как его убили. В последние месяцы качество его сведений резко упало. Видимо, его заподозрили и не допускали к важным материалам.

— В общем и целом, как много он вам сообщил? — не унимался Питерс.

Мало-помалу Лимас восстановил весь объем работы Карла. Питерс определенно заметил, что для человека, который так много пьет, память у Лимаса удивительно хорошо сохранилась. Он называл точные даты, не путал имена, помнил каждую реакцию Лондона, всякие пути подтверждения сведений, запрашиваемые суммы, выдаваемые суммы, даты встреч других агентов и массу всяких подробностей.

— Простите,— сказал Питерс наконец,— но я не могу поверить, чтобы один человек, какое бы высокое положение он ни занимал, как бы осторожно и усердно ни работал, мог собрать столько подробнейших сведений. Но даже если у него и была такая возможность, то уж заснять их на пленку он, во всяком случае, один не мог.

— Он был способный агент,— вдруг разозлился Лимас.— Просто он очень здорово это делал, и больше тут ничего нет.

— И Кембриджская площадь никогда не давала

вам распоряжения узнать у него точно, как и когда он получает материалы?

— Нет! — выпалил Лимас.— Римек был особенно чувствителен к этому вопросу, и Лондон не настаивал.

— Ну ладно,— задумчиво сказал Питерс и, помолчав, добавил: — Вы, кстати, слышали об этой женщине?

— О какой еще женщине? — спросил Лимас резко.

— О любовнице Карла Римека, о той, что перешла в западный сектор в ночь, когда Римека убили.

— Ну, так что с ней?

— Неделю тому назад ее нашли мертвой. Точнее, убитой. В нее выстрелили из машины, когда она выходила из своей квартиры.

— Когда-то это была моя квартира,— машинально заметил Лимас.

— Может быть,— высказал предположение Питерс,— она знала о цепочке Римека больше вас?

— Что вы, черт возьми, хотите этим сказать? — спросил Лимас.

— Все это очень странно,— пожав плечами, произнес Питерс.— Хотел бы я знать, кто ее убил.

Когда они исчерпали вопрос о Карле Римеке, Лимас рассказал о менее важных агентах, затем о методах его берлинского агентства, о путях связей, о штатах, об организации секретной сети — квартиры, транспорт, магнитофоны, фотоаппараты и т. д. Они долго говорили, почти всю ночь и весь следующий день, и, когда на следующую ночь Лимас в изнеможении повалился наконец на постель, он подвел итог: за два дня сообщены все сведения и выпиты две бутылки виски.

Оставалась только одна загадка: почему Питерс так настаивал на том, что у Карла Римека должен был быть помощник, вернее, высокопоставленный сообщник? Тот же вопрос задавал ему и Контролл, вспоминал теперь Лимас. Контролл тоже спрашивал, каким образом Римек имел доступ к материалам. Почему оба они, и Питерс и Контролл, так уверены, что Карл не мог работать один? Конечно, у Карла были помощники, например, те, что пришли с ним тогда к каналу. Но это были мелкие сошки,— Карл ему о них говорил. Но Питерс, хотя он, как никто другой, знал, какие материалы Карл мог добывать, Питерс тоже отказывался верить в то, что Карл действовал один. В этом пункте он явно сходился с Контроллом.

Возможно, так оно и было. Возможно, с Карлом работал кто-то еще, и у Контролла был особый интерес защитить этого неизвестного сообщника от Мундта. Но тогда это значит, что и Лимас, и Римек получали сведения от кого-то третьего. Возможно, именно о нем и говорили Контролл с Карлом наедине в тот вечер на квартире у Лимаса в Берлине?

Как бы то ни было, завтрашний день покажет. Завтра ход с его руки.

И еще Лимас не мог понять, кто убил Эльвиру. А главное — почему. Тут-то, видимо, и крылась разгадка. Эльвира знала, кто этот высокопоставленный помощник, и могла пасть жертвой его опасений и заботы о сохранении тайны. Нет, слишком притянуто за уши. Зачем тогда ей дали перейти в Западный сектор? С ней можно было покончить и в Восточном... И как понимать тот факт, что Контролл не рассказал ему о ее убийстве? Хотел, чтобы у Лимаса была более естественная реакция, когда он услышит об этом от Питерса? Бесполезные размышления. Значит, у Контролла были на то свои соображения, а его соображения всегда так запутаны, что сам черт не разберется.

Уже засыпая, Лимас пробормотал: «Ну и дурак же этот Карл! Эта баба его продала — даю голову на отсечение — это ее работа». Но теперь Эльвира была мертва, и уже только смерть была ей судьей. Он вспомнил Лизу.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

На следующий день Питерс пришел в восемь утра, уселся за стол и с ходу приступил к делу.

— Итак, вы вернулись в Лондон. Чем вы там занимались?

— Меня выперли. Я понял, что со мной покончено, еще когда этот осел из кадров встретил меня в аэропорту и сказал, что мне нужно срочно доложить Контроллу о Карле. Карла убили, что уж тут докладывать!

— Ну, и как же они с вами поступили?

— Сначала сказали, что я могу околачиваться в Лондоне, пока не доработаю до приличной пенсии. Изображали такое великодушие, что я вышел из себя. Я им выложил прямо: если вы, мол, так рветесь потратить на меня деньги, почему бы вам не сделать самое простое — засчитать мне все время службы, а не нудить о перерыве в стаже? Тут они совсем озверели и заткнули меня в отдел банковских операций, где одни бабы сидят. Этот период я плохо помню: начал выпивать. Ну и времечко было,— тошно подумать!

Он закурил сигарету. Питерс кивнул.

— Собственно, за то они меня и турнули — не нравилось им, что я пью.

— Скажите, что же вы все-таки помните об отделе банковских операций? — спросил Питерс.

— Состояние у меня было хуже некуда. Я себя хорошо знаю — не гожусь я на канцелярскую работу. Потому я и цеплялся за Берлин. Минуты не сомневался, что как только меня отзовут оттуда — конец. Но что поделать, если в Берлине так получилось!

— Что за работа?

— Просиживал задницу в одной комнате еще с двумя бабами,— пожал плечами Лимас,— Чит Вэрги и Ларит. Я их называл Четверг и Пятница.

Лимас придурковато ухмыльнулся, но Питерс все равно не понял игры слов.

— Перекладывали бумажки с места на место. Приходит письмо из финансового отдела: «Оплатить семьсот долларов такому-то и такому-то по распоряжению такого-то и такого-то. Выдайте, пожалуйста, согласно этому письму»,— и вся работа. Четверг хлопала на него печать, Пятница подшивала в папку, а я отправлялся в банк переводить означенную сумму.

— В какой банк?

— «Блатт и Родни». Солидный частный банк на Сити. У Кембриджской площади своя теория: на выпускников Итонского колледжа можно положиться.

— Значит, вам известны имена агентов во всем мире?

— Вовсе нет.— Тут-то и зарыта собака. Я подписываю чек или банковский ордер, но место, где должна значиться фамилия получателя, остается пустым. Платежное письмо или, скажем, подписанный ордер направлялся в отдел особого контроля.

— Кто в нем работает?

— Люди, которые знают всех агентов. Они и проставляют фамилии, а затем отсылают ордер по почте. Здорово заверчено, ничего не скажешь!

Питерс казался разочарованным.

— Вы хотите сказать, что не знали фамилии получателей?

— Как правило, нет.

— А в виде исключения?

— Иногда кое-что удавалось пронюхать. Но вся эта система передачи из отдела банковских операций в отдел особого контроля сильно сбивала с толку. Слишком запутанно. Крайне редко удавалось что-нибудь узнать.

Лимас встал.

— Я подготовил вам список получателей,— сказал он,— которых помню.— Он у меня в комнате. Сейчас принесу.

Он вышел расслабленной походкой, какую изображал с момента прибытия в Голландию. Вскоре он вернулся с двумя листками, вырванными из дешевого блокнота.

— Вчера вечером написал,— сказал он,— решил сэкономить время.

Питерс медленно и внимательно прочел записи. Они, видимо, произвели на него впечатление.

— Хорошо,— сказал он,— очень хорошо.

— Больше всего мне запомнилась операция «Снежный ком», связанная с такой системой выплаты. Я дважды проводил ее за границей. Один раз в Копенгагене и второй — в Хельсинки. Специально мотался туда класть деньги в банк.

— Какую сумму?

— Десять тысяч долларов в Копенгагене и сорок тысяч немецких марок в Хельсинки.

Питерс опустил карандаш.

— На чье имя вы их клали?

— Ну, как это можно узнать! Счета выписывались на предъявителя. Начальство выдало мне поддельный английский паспорт, я пришел в скандинавский королевский банк в Копенгагене и соответственно в финский национальный в Хельсинки, внес деньги и открыл счет на два лица. Я сам был под вымышленной фамилией и мой совладелец-агент, полагаю, тоже. В банке я просто оставил образец его подписи, который мне дали в главном управлении. Потом агент по поддельному паспорту получал деньги. Кроме его вымышленной фамилии, я о нем ничего не знал.

Он слушал себя и понимал, насколько неправдоподобно звучит его рассказ.

— И часто проделывались такие трюки?

— Нет, только в случае особых платежей. По подписанному листу.

— Что это значит?

— По кодовому названию, известному лишь очень ограниченному числу людей.

— Какой код?

— Я уже сказал: «Снежный ком». Оплата по этому коду в размере десяти тысяч долларов в различной валюте нерегулярно в разных столицах.

— Всегда в столицах?

— Насколько мне известно, да. Помню, я читал в какой-то папке, что до моего прихода в отдел был еще какой-то код, но в тех случаях деньги получал местный резидент.

— А где проводились операции по тому коду?

— Одна — в Осло, а где вторая — не помню.

— Кличка агента оставалась одной и той же?

— Нет. Предпринимались особые меры предосторожности. Впоследствии я слышал, что этот метод заимствован у русских. Самая разработанная система выплаты, какую я когда-либо встречал. В каждую поездку я отправлялся под другой фамилией и с другим паспортом.

Питерс, поди, доволен: в таком варианте история ему кажется вполне правдоподобной. Очень хорошо.

— Значит, эти паспорта выдавались агенту, чтобы он мог получить деньги? Известно ли вам, где такие паспорта делались и как передавались? Вообще, что вы о них знаете?

— Ничего. Ну, кроме того, что в них должны были быть визы в ту страну, где находились деньги, и штамп о въезде.

— Штамп о въезде?

— Да. Эти паспорта ведь никогда не предъявлялись на границе, только в банке. Агент ездил по своему законному паспорту, совершенно легально попадал в страну, где помещался нужный ему банк, а уже в банке предъявлял поддельный паспорт. Так я считаю.

— Не знаете ли, почему раньше такие оплаты производили через местного резидента, а потом стали направлять кого-нибудь из Лондона?

— Знаю. Я спрашивал у Четверга и у Пятницы из отдела банковских операций. Контролл беспокоился, что...

— Контролл? Вы хотите сказать, что Контролл сам руководил этими операциями?

— Да. Он боялся, что резидента могут опознать в банке, и поэтому посылал курьера. Меня.

— Когда вы ездили по этим делам?

— В Копенгаген — пятнадцатого июня и тем же вечером вылетел обратно. В Хельсинки — в конце сентября. Там я пробыл дня два. Числа двадцать восьмого вылетел обратно. Немного поразвлекся,— ухмыльнулся он, но Питерс не записал последней реплики.

— А выплаты, которые имели место до вас, когда производились?

— К сожалению, не помню.

— Но одна определенно была в Осло?

— Совершенно определенно.

— Сколько времени прошло между теми выплатами, которые производились резидентами, и теми двумя, которыми занимались вы?

— Не знаю, думаю, немного. Возможно, месяц, возможно, побольше.

— Как по-вашему, какой срок должен был агент работать до первой выплаты? Где-нибудь это отмечено?

— Понятия не имею. В папке указана только дата платежа. Первая выплата была в начале пятьдесят девятого. Других дат нет. На том и построена система подписанного листа, что на каждую выплату заводится отдельная папка. Только тот, кто имеет доступ ко всем папкам, может составить себе полную картину.

Теперь Питерс писал все время. Лимас полагал, что где-то в комнате есть магнитофон, но, видимо, потом переписывать с него занимает много времени. То, что Питерс сейчас строчит, наверное, ляжет в основу телеграммы, которую он вечером направит в Москву, и в советском посольстве в Гааге секретарши просидят ночь, чтобы стенограмму передать вовремя.

— Скажите мне вот что,— начал Питерс.— Крупные суммы, дорогой и сложный метод выплаты... У вас у самого какие соображения на этот счет?

— А какие у меня могут быть соображения? — пожал плечами Лимас.— Думаю, что у Контролла был хороший источник информации, который стоил того. Но я эти материалы не видел и поэтому ничего не знаю. Мне лично такой метод не нравится: слишком сложно и хлопотно. Почему бы просто не встретиться с агентом и не заплатить ему наличными? Для чего агенту пересекать границу под своим паспортом, в кармане иметь другой, нужна ли вся эта волокита? Не уверен.

Пора запутывать следы, пусть повертится голубчик.

— Что вы имеете в виду?

— Что деньги, насколько мне известно, так никогда и не вынимались из банка. Допустим, платили

высокопоставленному агенту за железным занавесом — деньги должны были его ждать, пока у него появится возможность добраться до них. Так по крайней мере мне кажется. Я, правда, никогда и не задумывался — мне-то все равно. Наша работа какая? Знай себе свой участок — и дело с концом. А если вы интересуетесь всей картиной — бог вам в помощь.

— Но если, как вы считаете, деньги не вынимались из банка, к чему столько хлопот с паспортами?

— В мою бытность в Берлине у нас была договоренность для Карла Римека на тот случай, если ему придется бежать и он не успеет связаться с нами. Для него был готов западногерманский паспорт, в котором значилось, что он живет в Дюссельдорфе, и который он мог получить в любую минуту заранее условленным путем. Паспорт оставался все время действительным,— его продлевало вместе с визой особое туристское агентство. Возможно, Контролл сделал то же самое и для того человека, которому переводились деньги. Не знаю, это всего лишь предположение.

— Откуда вам точно известно, что была надобность в паспортах?

— Из протоколов в папке по переписке между отделом банковских операций и этим особым туристским агентством. Агентство снабжало поддельными документами, включая визы.

— Понятно.— Питерс немного подумал, а затем спросил: — Под какими фамилиями вы ездили в Копенгаген и в Хельсинки?

— Роберт Ланг, инженер-электрик из Дерби,— для Копенгагена и...

— Когда точно вы там были? — перебил Питерс.

— Я же вам сказал: 15 июня. Примерно в половине двенадцатого утра я прибыл в Копенгаген.

— В какой банк вы обратились?

— О, господи, Питерс! — разозлился вдруг Лимас.— В Скандинавский королевский банк. Вы же это уже записали!

— Я просто хотел лишний раз удостовериться,— парировал Питерс, продолжая писать.— А в Хельсинки?

— Стефан Беннет, инженер-судостроитель из Плимута. Там я был в конце сентября,— добавил он язвительно.

— В банк пошли в первый же день по приезде?

— Да. Не то двадцать четвертого, не то двадцать пятого. Я уже говорил, что точно не помню.

— Деньги из Англии везли при себе?

— Нет, конечно. В обоих случаях их переводили на счет резидента. Он встречал меня в аэропорту с чемоданчиком, и я их относил в банк.

— Кто был резидентом в Копенгагене?

— Питер Дженсен, продавец из университетского книжного магазина.

— А какими фамилиями пользовался агент?

— В Копенгагене — Хорст Карлсдорф. Кажется, так. Да, да, я точно помню, потому что меня так и подмывало сказать Карлхорст.

— Приметы?

— Менеджер из Клагенфурта в Австрии.

— А во втором случае? В Хельсинки?

— Фехтман, Адольф Фехтман из Сен-Галена, Швейцария. Погодите, у него было ведь звание... да, точно — доктор Фехтман, архивариус.

— Понятно. Оба, значит, с немецким языком.

— Да, я и об этом вам написал. Но не из Германии.

— Почему вы так думаете?

— Я возглавлял берлинскую сеть, я бы знал. Высокопоставленный агент из Восточной Германии не мог не находиться в ведении Берлина. Я бы знал.

Лимас поднялся и, не обращая внимания на Питерса, налил себе виски.

— Вы сами сказали, что предпринимались особые меры предосторожности в этом случае. Возможно, они не хотели, чтобы вы знали.

— Не порите чушь,— огрызнулся Лимас.— Как это я мог не знать!

Тут он ни за что не должен уступать. Они должны чувствовать, что понимают лучше него, тогда у них будет больше доверия к остальным сведениям. «Пусть сами делают выводы. Вопреки вашей трактовке,— сказал ему Контролл.— Нужно дать им материал и скептически относиться к их выводам, играя на их сообразительности, тщеславии и недоверии друг к другу — вот наша тактика».

Питерс кивнул, словно подтверждая печальную истину.

— Вы очень гордый человек, Лимас,— снова высказал он свое мнение.

Вскоре Питерс ушел. Он пожелал Лимасу приятно провести день и направился к морю. Приближалось время ленча.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

СТАНСЫ

Памяти матери

I

Говори. Что ты хочешь сказать? Не о том ли, как шла
Городскою рекою баржа по закатному следу,
Как две трети июня, до двадцать второго числа,
Встав на цыпочки, лето старательно тянется к свету,
Как дыхание липы сквозит в духоте площадей,
Как со всех четырех сторон света гремело в июле?
А что речи нужна позарез подоплека идей
И нешуточный повод — так это тебя обманули.

II

Слышишь: гнилью арбузной пахну́л овощной магазин,
За углом в подворотне грохочет порожняя тара,
Ветерок из предместья донес перекличку дрезин,
И архивной листвою покрылся асфальт тротуара.
Урони кубик Рубика наземь, не стоит труда,
Все расчеты насмарку, поешь на дожде винограда,
Сидя в тихом дворе, и воочью увидишь тогда,
Что приходит на память в горах и расщелинах ада.

III

И иди, куда шел. Но как в бытность твою по ночам,
И особенно в дождь, будет голою веткой упрямо,
Осязая оконные стекла, программный анчар
Трогать раму, что мыла в согласии с азбукой мама.
И хоть уровень школьных познаний моих невысок,
Вижу как наяву: сверху вниз сквозь отверстие в колбе
С приснопамятным шелестом сыпался мелкий песок.
Немудрящий прибор, но какое раздолье для скорби!

IV

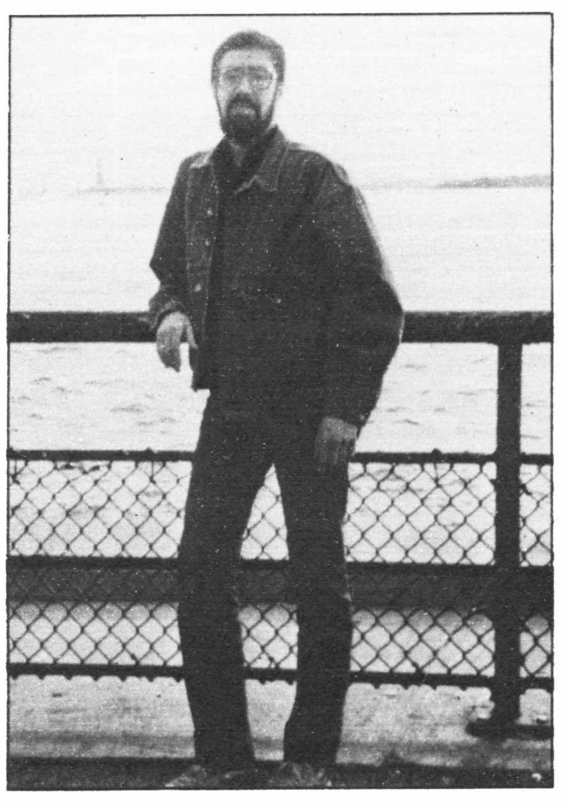
Об пол злостью, как тростью, ударь, шельмовства не тая,
Испитой шарлатан с неизменною шаткой треногой,
Чтоб прозрачная-призрачная распустилась струя,
И озоном запахло под жэковской кровлей убогой.
Локтевым электричеством мебель ужалит — и вновь
Говори, как под пыткой, вне школы и без манифеста,
Раз тебе, недобитку, внушают такую любовь
Это гиблое время и Богом забытое место.

V

В это время вдовец Айзенштадт, сорока семи лет,
Колобродит по кухне, и негде достать пипольфена.
Есть ли смысл веселиться, приятель, я думаю, нет,
Даже если он в траурных черных трусах до колена.
В этом месте, веселье которого есть питие,
За порожнею тарой видавшие виды ребята
За Серегу Есенина или Андрюху Шенье
По традиции пропили очередную зарплату.

VI

После смерти я выйду за город, который люблю,
И, подняв к небу морду, рога запрокинув на плечи,
Одержимый печалью, в осенний простор протрублю
То, на что не хватило мне слов человеческой речи.
Как баржа уплывала за поздним закатным лучом,

Как скворчало железное время на левом запястье,
Как заветную дверь отпирали английским ключом...
Говори. Ничего не поделаешь с этой напастью.

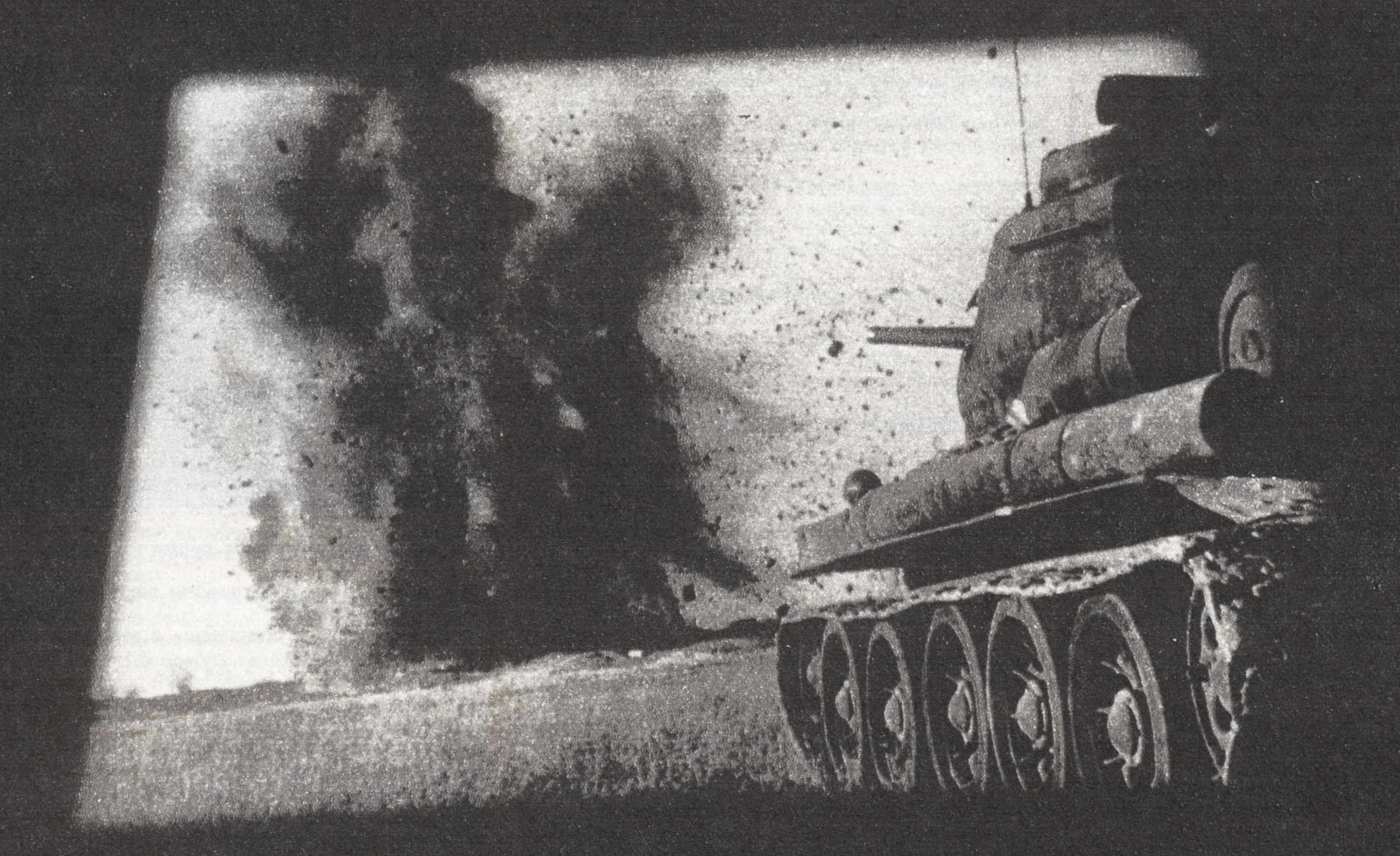
* * *

Вот наша улица, допустим,
Орджоникидзержинского.
Родня советским захолустьям,
Но это все-таки Москва.
Вдали топорщатся массивы
Промышленности некрасивой —
Каркасы, трубы, корпуса
Настырно лезут в небеса.
Как видишь, нет примет особых:
Аптека, очередь, фонарь
Под глазом бабы. Всюду гарь.
Рабочие в пунцовых робах
Дорогу много лет подряд
Мостят, ломают, матерят.
Вот автор данного шедевра,
Вдыхая липы и бензин,
Четырнадцать порожних евра-
бутылок тащит в магазин.

Вот женщина немолодая,
Хорошая, почти святая,
Из детской лейки на цветы
Побрызгала и с высоты
Балкона смотрит на дорогу.
На кухне булькает обед,
В квартирах вспыхивает свет.
Ее обманывали много
Родня, любовники, мужья —
Сегодня очередь моя.
Мы здесь росли и превратились
В угрюмых дядь и глупых теть.
Скучали, малость развратились —
Вот наша улица, Господь.
Здесь с окуджавовской пластинкой,
Староарбатскою грустинкой
Годами прячут шиш в карман,
Испепеляют, как древлян,
Свои дурацкие надежды.
С детьми играют в города —
Чита, Сучан, Караганда.
Ветшают лица и одежды.
Бездельничают рыбаки
У мертвой Яузы-реки.

Такая вот Йокнапатофа
Доигрывает в спортлото
Последний тур (а до потопа
Рукой подать), гадает, кто
Всему виною — Пушкин, что ли?
Мы сдали на пять в этой школе
Науку страха и стыда.
Жизнь кончится — и навсегда
Умолкнут брань и пересуды
Под небом старого двора.
Но знала чертова дыра
Родство сиротства — мы отсюда.
Так по родимому пятну
Детей искали в старину.

К 45-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ЧУЖОГО ГОРЯ НЕТ

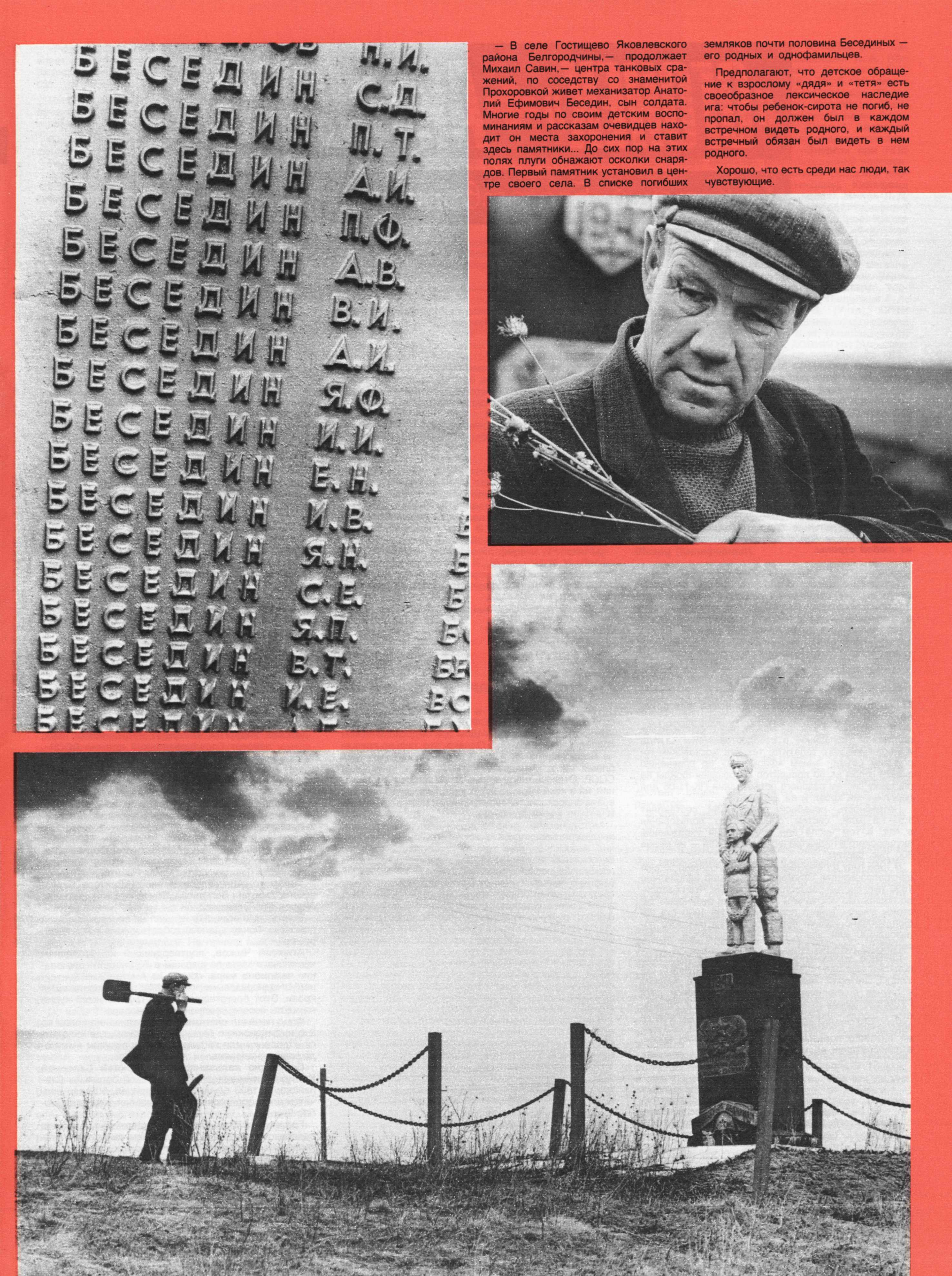

Военный фотокорреспондент Михаил САВИН снимал бои на Курской дуге из танка. Он очень много работал для фронтовой газеты. А получилось — для вечности. Снимки того времени не всегда нуждались в подробной подписи: кто снят, где снят... Военная хроникальная фотография сохранила для вечности лица, не сохранив имена!

— Прошло с тех пор почти сорок семь лет. Зеленеет когда-то опаленная порохом земля. Народ не забыл своих героев,— комментирует съемку весны девяностого года фронтовик Михаил Савин, фотокорреспондент «Огонька».— Но не всех мы знаем, кто сложил свои головы на этой земле, не всем поставлен памятник, не все обозначены могилы.

Наша память долго держалась из последних сил, не имея от нас поддержки. Бывало, что о самой памяти мы вспоминали во дни торжеств, и тогда звонко летели над нашей страной пионерские «речевки», славящие Неизвестного солдата, словно бы разом всех и этого, стоящего у свежей фронтовой могилы, у него шрамы на стриженой голове.

Физически тяжело помнить. А кроме того, требуется простая человеческая работа, сильно отличающаяся от титанического труда по воздвижению общего величественного монумента, например. Ну, к примеру, подновить ограду у могилы на окраине нашего села.

— В селе Гостищево Яковлевского района Белгородчины,— продолжает Михаил Савин,— центра танковых сражений, по соседству со знаменитой Прохоровкой живет механизатор Анатолий Ефимович Беседин, сын солдата. Многие годы по своим детским воспоминаниям и рассказам очевидцев находит он места захоронения и ставит здесь памятники... До сих пор на этих полях плуги обнажают осколки снарядов. Первый памятник установил в центре своего села. В списке погибших земляков почти половина Бесединых — его родных и однофамильцев.

Предполагают, что детское обращение к взрослому «дядя» и «тетя» есть своеобразное лексическое наследие ига: чтобы ребенок-сирота не погиб, не пропал, он должен был в каждом встречном видеть родного, и каждый встречный обязан был видеть в нем родного.

Хорошо, что есть среди нас люди, так чувствующие.

Советский благотворительный фонд

**Благотворительный валютный счет «АНТИСПИД» при журнале «Огонек» — № 70000015 во Внешэкономбанке СССР.
Рублевый счет «АНТИСПИД» — № 700645 в Операционном управлении Жилсоцбанка СССР.**

Мы обращаемся ко всем развитым странам мира: спасите наших детей! Ведь наши дети могут быть заражены СПИДом от простого укола, от использованной не один раз системы для переливания крови... Массовые заражения в больницах уже начались.

Просим в благотворительных грузах присылать, кроме одноразовых шприцев, также и одноразовые системы для переливания крови, одноразовые внутривенные катетеры, в том числе подключичные (детские).

Спасите наших врачей. Наши медики, которые работают с инфицированными людьми, подвергают себя смертельному риску — ведь у них нет специальных защитных костюмов и специальных масок, наши хирурги делают операции в обычных перчатках, которые легко протыкаются скальпелем, иглой,— кольчужных перчаток в СССР нет. Советские акушеры-гинекологи работают в коротких перчатках — перчаток до локтя в СССР нет.

Просим присылать: одноразовые защитные костюмы для хирургов, кольчужные перчатки, длинные акушерские перчатки до локтя.

Благотворительные грузы в адрес нашего Фонда таможня пропускает беспошлинно, а Аэрофлот осуществляет бесплатные перевозки этих грузов из любой страны.

Звезды не только блистают. Звезды освещают окружающий мир, и в их свете виднее становятся опасные участки вселенной и пути их объезда. Звезды искусства и спорта не исключение. Во всем мире они, объединившись в созвездия, входят в состав ассоциаций или фондов борьбы со СПИДом, аналогичные огоньковскому. МЫ ОБЪЯВЛЯЕМ О СОЗДАНИИ АССОЦИАЦИИ «ИСКУССТВО, ЦЕРКОВЬ И СПОРТ — ПРОТИВ СПИДа» при СОВЕТСКОМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМ ФОНДЕ «ОГОНЕК» — АНТИСПИД». Популярность и авторитет писателя, музыканта, священнослужителя, спортсмена — мы надеемся — вовлекут в наше общее дело многих и многих. Программа-максимум: сделать так, чтобы деятельность Ассоциации послужила примером для правительства, верховной и местной власти в принятии конкретных и срочных мер. ПЕРВЫМИ ЧЛЕНАМИ АССОЦИАЦИИ УЖЕ СТАЛИ: ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ, АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ, АЛЕКСЕЙ РЫБНИКОВ, ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ, ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ и ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВА, СЕРГЕЙ СТАДЛЕР, ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ, СТАС НАМИН, ВАЛЕРИЙ ЛОБАНОВСКИЙ, РИНАТ ДАСАЕВ, ВАЛЕРИЙ БОРЗОВ, ЛЮДМИЛА ТУРИЩЕВА, ОЛЕГ БЛОХИН, ИРИНА ДЕРЮГИНА, НАТАЛЬЯ ДУБОВА.

В ближайших планах Ассоциации — благотворительные концерты, выставки, матчи и турниры.

Мы призываем деятелей церкви, искусства и спорта: вступайте в Ассоциацию!

Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» намерен создавать совместные предприятия по производству одноразовых медицинских изделий. Для успеха этой работы мы создаем БАНК ДАННЫХ о зарубежных фирмах, желающих стать партнерами в этих СП, и о советских предприятиях, желающих освоить данное производство и располагающих необходимыми производственными площадями. С заявками обращаться по адресу: Москва, 101456, ГСП, Бумажный проезд, 14, тел. 250-51-45, 251-21-47, телефаксу (095) 943-00-70.

ПОЧТА ФОНДА

Главное управление здравоохранения Мосгорисполкома:

«В 1990 году в Москве может резко осложниться положение, связанное с распространением СПИДа и эпидемического гепатита, так как московским городским объединением «Фармация» по сравнению с 1989 годом на 60 процентов сокращены фонды на поставку систем разового пользования ПК-11-05 для переливания крови и ее дериватов.

Потребность лечебной сети ГУЗМ составляет 1,5—1,8 млн. систем одноразового пользования в год, в том числе для обеспечения учреждений акушерского и педиатрического профиля — не менее 800 тыс. систем.

В 1989 году в лечебные учреждения главка только централизованной Службой крови было направлено 1630 тыс. систем разового пользования, что позволило полностью исключить из практики резиновые системы многократного пользования. На 1990 год зафондировано только 600 тыс. систем разового пользования, или всего лишь 40 процентов от заявленного количества.

Главное управление здравоохранения Мосгорисполкома еще раз подчеркивает всю серьезность ситуации, которая неизбежно возникнет в Москве в случае ограниченного снабжения лечебной сети ГУЗМ системами для переливания крови, и обращается к фонду «АНТИСПИД» за помощью в улучшении обеспечения московского здравоохранения системами разового пользования для переливания крови, в приобретении их за рубежом.

**Начальник
Главного управления
здравоохранения Мосгорисполкома,
заместитель министра здравоохранения СССР
А. М. Москвичев».**

НЕ ТЕРПИТ ПРОМЕДЛЕНИЯ

«В октябре 1989 года я отправила письмо министру здравоохранения РСФСР А. И. Потапову о возможности заражения СПИДом при эндоскопическом обследовании больных. Однако это письмо-призыв не нашло внимания и достаточного понимания проблемы ни в Минздраве РСФСР, ни в Минздраве СССР. Отписки, полученные мною из этих учреждений, ни в коей мере не могут удовлетворить меня как врача-эндоскописта, серьезно изучающего проблему. И вот по каким причинам.

Методические рекомендации по дезинфекции, предстерилизационной очистке и стерилизации гибких эндоскопов еще только готовятся к изданию Всесоюзным научно-исследовательским институтом профилактической токсикологии и дезинфекции (сколько времени они будут готовиться?). По ним предполагается стерилизация эндоскопов раствором глутарового альдегида. Однако клинического испытания этот раствор не прошел и неизвестно его воздействие на фиброволокно и смолы эндоскопа. Но, даже если учитывать возможность применения глутарового альдегида, процесс обработки и предстерилизационной очистки аппарата достаточно трудоемкий (до 20 минут при выполнении всех условий), а сам процесс стерилизации занимает 12 часов. Как можно выполнить 7—10 исследований в день (по существующим нормам) при наличии 1—2 эндоскопов?

В настоящее время считаю необходимым информировать общественность о неготовности эндоскопической службы страны к работе в обстановке эпидемиологической опасности заражения СПИДом.

Создавшееся положение можно исправить, если:

1) приостановить работу эндоскопических кабинетов и отделений, не оснащенных моечными машинами и дезинфицирующими растворами;

2) пересмотреть комплектацию эндоскопических кабинетов аппаратурой, увеличив количество аппаратов на кабинет до 4—5;

3) организовать дополнительную закупку эндоскопических приборов, необходимых моечных машин и дезрастворов за рубежом;

4) ускорить проверку и внедрение отечественного глутаральдегида в широкую практику;

5) начать разработку отечественных моечных машин.

**О. Сурикова,
старший научный сотрудник НИИ педиатрии и детской хирургии, кандидат медицинских наук, лауреат Государственной премии СССР».**

ХРОНИКА ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Благодарим всех, кто принял участие в благотворительном литературном вечере журнала «Огонек» и Ассоциации писателей в поддержку перестройки «Апрель», который прошел 10 апреля 1990 года в Концертном зале имени Чайковского: Людмилу Петрушевскую, Викторию Токареву, Анатолия Приставкина, Юрия Левитанского, Сергея Никитина, Михаила Жванецкого, Александра Иванова, Виктора Берковского, Дмитрия Богданова, Вячеслава Кондратьева, Андрея Вознесенского.

Благодарим всех, кто пришел на вечер — с вашей помощью Фонду удалось собрать около пяти тысяч рублей.

Алексей Чижов, подтвердивший на последнем чемпионате мира по шашкам в Голландии свое звание **чемпиона мира,** привез из Амстердама контейнер с одноразовыми системами для переливания крови. Этот благотворительный груз Алексей купил на часть своего чемпионского гонорара.

Фонд передал системы для переливания крови во 2-ю инфекционную больницу г. Москвы, где находится отделение для инфицированных вирусом иммунодефицита человека.

Верующие кальвинистских церквей Северной Калифорнии передали для детской больницы Степанакерта 1600 одноразовых шприцев, 500 пар перчаток для медперсонала. Организовал этот груз Сергей Лезов.

Граждане г. Вены передали в дар Фонду 4 тысячи одноразовых шприцев. Эти шприцы вместе с благотворительным грузом (6 тысяч шприцев) от редакции журнала «Страна и мир» (ФРГ) переданы в Дом ребенка г. Сочи.

ВВ/О «Совфрахт» направил 50 тысяч одноразовых шприцев в детскую больницу г. Измаила.

«Ротари-клуб» города Вайнхайма (ФРГ) направляет в дар Фонду 20 тысяч одноразовых шприцев. Шприцы будут переданы в детскую больницу в Вологде.

Мы благодарим **Министерство социального обеспечения РСФСР** за оказание оперативной помощи в решении организационных вопросов.

Ольга Лепешинская — тысяча долларов в дар Фонду.

Родион Щедрин — тысяча долларов.

Эдуард Успенский — 1270 инвалютных рублей.

В/О «Совэкспортфильм» — 5 тысяч инвалютных рублей.

«Просим принять от **съемочной группы ЦСДФ фильма «Декабрист Раевский»** тридцать одноразовых шприцев с иглами.

Мы понимаем, что это капелька в безбрежном море дефицита, но если это поможет хотя бы одному человеку избежать опасности инфицирования, мы будем счастливы. Всего несколько дней находилась наша маленькая съемочная группа в Республике Польша, но мы все равно решили часть своих личных средств превратить в столь необходимые нашим соотечественникам шприцы».

«Примите, пожалуйста, от нас, редакции литературного альманаха «Сталкер» (Лос-Анджелес), скромную помощь в размере 100 долларов для фонда «АНТИСПИД». Огромное вам спасибо за прекрасный журнал и мужество, с которым вы служите нашему многострадальному Отечеству».

Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» благодарит банк **Ост-Вест-Хандельс А. Г. (Франкфурт-на-Майне)** за дар на общую сумму 14 000 марок ФРГ в виде одноразовых шприцев и аппаратуры, переданных в детскую городскую больницу № 20 им. Тимирязева и клинику неотложной хирургии НИИ педиатрии АМН СССР.

Советские школьники, обучающиеся в Венгрии в школе № 70 города Секешфехервар, заработали деньги и купили две инвалидные коляски для воинов-«афганцев» и тысячу одноразовых шприцев. Ребята всем классом в течение года работали дворниками и собирали макулатуру. Шприцы передаем в детскую городскую клиническую больницу № 2 им. Русакова (г. Москва).

Александр Бобылев (фирма «Интерлок Консалтантс», США):

«Нам удалось найти фирму, которая выпускает кольчужные перчатки. Эти перчатки надеваются под или сверху обычных хирургических перчаток (по желанию хирурга). Они довольно дорогие (30—40 долларов каждая пара), но ими можно пользоваться 10—15 раз. Фирма сейчас собирается послать нам несколько пар этих кольчужных перчаток, а также несколько пар длинных хирургических перчаток до локтей. Фирма пошлет все это безвозмездно, и ее интересует возможность продажи таких перчаток в больших количествах в СССР.

Одновременно мы обсуждаем с некоторыми фирмами, производящими защитные костюмы для хирургов, возможность дара нескольких таких костюмов».

Министерство гражданской авиации СССР:

«На ваше письмо об оперативной доставке благотворительных грузов фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» сообщаю.

Главное управление авиационных работ, перевозок и услуг обратилось в производственные объединения и управления гражданской авиации с просьбой об обеспечении бесплатной и срочной перевозки благотворительных грузов.

Советы трудовых коллективов авиапредприятий и руководители производств в лице первых заместителей начальников производственных объединений и управлений гражданской авиации выразили готовность участвовать в благотворительных перевозках грузов в объемах имеющихся провозных возможностей авиалиний.

Начальник Главного управления авиационных работ, перевозок и услуг Л. В. Ильчук».

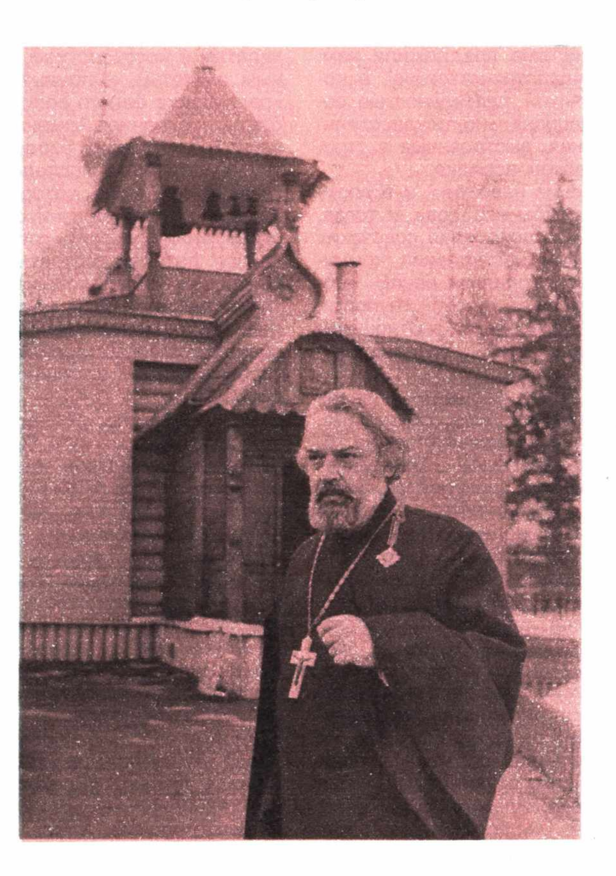
Мы благодарим всех, кто перечислил деньги на благотворительные счета Фонда:

Ксендзовская Л. С. (Волгоград), Государственный симфонический оркестр Министерства культуры СССР под управлением Геннадия Рождественского, Скрипченко В. И. (Москва), Федоров А. С. (Ленинград, Балтийское морское пароходство), советские сотрудники фирмы «Руссхельц» (Кёльн), Амельянович К. К., Молоцкий М. И., Васьков С. Т. (Москва), Управление капитального строительства и загранучреждений МВЭС СССР, Левинштейн М. Е. (Ленинград), Арнольд В. И., Бискэ Н. С. (Петрозаводск), Каминский А. А. (Сумы-7), Андреев Б. В. (Москва), Гелимсон Л. Г. (Сумы-24), Каринцев И. Б. (Сумы-24), Е. Кругляков (посольство СССР в Китае), «Скальдия Волга С. А.» (Брюссель), «Посейдон Контейнер Транспорт ГМБХ» (Гамбург), «Галифакс Билдинг Сочети» (Англия), Гладилин А. Т. (Париж), Андреева И. А. (Ярославль), ГСУ «Промсвязьэнергоналадка» (Горький), филиал № 1 «Энерго» при НПК «Экстремал» (Москва), потребительский кооператив смешанного типа «Садовники» (Москва), кооператив «Стимул» (Ростов-на-Дону), Кинофонд СССР, Пасурсина И. Н. (Свердловск), Милль Л. Д. (Москва), кооператив по бытовому обслуживанию населения «Коляры» (Воронеж), кооператив «Энергия» (Новоалтайск), кооператив «Фортуна» (Москва), институт «Роспроект» (Москва), Никонова Е. П. (Москва), кооператив «Киевкоопроект» (Киев), Минмонтажспецстрой СССР, магазин «Спартак» ВС ВДФСО профсоюзов, Ленхимфарминститут, кооператив «Энергия» (Салехард), торгово-бытовое предприятие № 147, Пищулина Г. А. (Медвежьегорск), Насонов Б. В. (Ухта), СПТУ № 183 (Москва), Институт усовершенствования учителей (Рязань), Баранов В. М. (Хмельницкий), Шутов М. Н. (Симферополь), АОВНИГНИ (Апрелевка), Любавина А. Л. (Великие Луки), Яковлев В. А. (Актюбинск), Анасова Е. Г. (Обнинск), профком «Трансэлектромонтаж» (Москва), институт «Псковагропромпроект» (Псков), УНИХИМ (Свердловск), Лихачев А. Б. (Северодвинск), В/О «Сантехмонтаж» (Москва), клуб интернациональной дружбы СШ № 25 (Винница), В/О «Судоимпорт», «Новоэкспорт», «Машиноимпорт», «Техноимпорт», УПК Смольненского района г. Ленинграда, НПО «Промвентиляция» (Москва), издательство «Книга» (Москва), Центральная санэпидстанция МПС, общество «Мемориал» (Москва), строительный кооператив «Подкумок» (Ставропольский край), сельский Совет пос. Ягодный Тюменской области, «Куб-банк» (Свердловск), сотрудники УралВНИИхимпроекта (Пермь), И. Н. Отина (Австралия), Фролов Е. А. (Москва), Екатерина и Рассел Шварц (Калифорния).

**Координатор фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД»
А. АЛОВА**

ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ, ОТ КОГО ЭТО ЗАВИСИТ

Протоиерей Александр МЕНЬ (Загорск)

Со всех концов земли несутся сигналы тревоги. Крики о помощи. Угроза смертельной болезни нависла над миром. Над нашей страной. Над нашими детьми. Над всем нашим будущим.

Если сейчас не перейти от слов к делу, то в ближайшее время шанс будет упущен. «Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам» (Евангелие от Матфея 24,7).

Уже не в первый раз исполняются грозные библейские пророчества. Человеку был дан выбор между двумя путями. «Вот, я сегодня,— говорит пророк,— предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Второзаконие 30, 15). И, увы, слишком многие предпочли путь смерти и зла.

Сейчас, на закате XX столетия, мы можем, словно в Библии, прочесть вещие слова, записанные в книге истории. Она снова и снова учит нас, что зло несет в самом себе расплату.

Насилие над людьми, над их волей и совестью порождало предателей, доносчиков, рабов. Войны, террор, беззакония губили целые народы, разрушали их дух, их культуру, их нравственные устои.

Мы были предупреждены.

Слово Божие уже давно предсказало, куда ведут тирания и шовинизм, бездуховность и бесчеловечность, неверие и сатанинская гордыня.

Однако мы не одумались. Не поняли необходимости покаяния.

А теперь еще один враг подстерегает нас. Враг внутренний.

Имя его — БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ И РАВНОДУШИЕ.

По воле Творца наша жизнь устроена так, что мы связаны друг с другом тысячами уз. Человек дает человеку и знания, и традиции, и плоды труда, и веру, и любовь, и саму жизнь. Но в силу этого же закона люди могут стать и носителями инфекции зла.

Значит, все мы в ответе друг за друга. Значит, равнодушие преступно и греховно.

Безответственность, нежелание думать о ближнем есть грех против заповеди Христовой, которая учит побеждать мертвящий эгоизм. Евангелие предостерегает нас: если мы не покаемся, если не принесем «плодов покаяния», не сойдем с пути себялюбия, мы в конце концов станем жертвами слепых разрушительных сил (Евангелие от Луки 13, 4—5).

Разве не равнодушие и безответственность привели к попранию всех норм, божеских и человеческих? Разве не здесь коренится причина апокалипсических ужасов в Семипалатинске, Чернобыле и других местах?..

Сегодня я обращаюсь с мольбой и призывом к тем, кто посвятил себя лечению людей.

Служители и подвижники благородной науки исцеления, работающие под христианским знаком, знаком креста!

Вы лучше других сознаете размеры трагедии, лучше других понимаете, как близки мы к краю пропасти. Зловещая эпидемия набирает скорость. Еще немного — и последствия ее станут необратимыми.

Вы также хорошо знаете, что из-за кризиса всего нашего хозяйства стране катастрофически недостает столь необходимых одноразовых инструментов.

И вот, к счастью, находятся люди и организации, у нас и за рубежом, которые делают все, что могут, чтобы остановить надвигающуюся гибель.

Наша надежда — на помощь Божию, осуществляемую милосердными душами и милосердными руками.

Наш ответ на эту помощь должен заключаться не только в благодарности, но и в полном осознании своего долга, той ответственности, которая легла на нас.

Среди тружеников медицины есть немало верующих людей. Я обращаюсь к ним: заклинаю вас во имя Господня не нарушать тех правил, которые требуются при использовании одноразовых инструментов. Вторичное их применение ставит под угрозу жизнь людей, детей. И вам это известно.

Когда у вас возникнет искушение переступить закон, пусть громко зазвучит в вашем сердце голос совести, вложенной в нас Богом. Вспомните в тот момент, что вам доверены орудия жизни и смерти.

Обращаюсь и к тем, кто не исповедует никакой религии. Ведь и вы созданы по образу Творца, и вам даровал он дух и совесть. Все мы дадим ответ за своих братьев и сестер. За детей.

Мы слишком долго топтали правду, веру, милосердие.

Мы пожали страшный урожай преступлений, наркотиков, безумия и ненависти. Урожай нужды и болезней.

Обо всем этом, повторяю, мы были предупреждены словом Божиим.

Больше судьбу уже нельзя искушать.

Это час последнего испытания.

Борис ТУМАНОВ

НЕ БУДЕМ СЖИГАТЬ МОСТЫ

Осмысление реальных проблем межнациональных отношений свелось к какому-то архаичному сведению счетов между населяющими страну народами. Некоторые склонны объяснять накал нынешних страстей тем, что, дескать, прорвалась ненависть друг к другу, копившаяся все семьдесят два года Советской власти. Другие же считают, напротив, что семидесятилетняя идиллия любви и братства между народами пала жертвой происков внешних и внутренних врагов. Истина же, извините за банальность, лежит где-то посредине, и я попытаюсь по собственному разумению до нее докопаться.

Сначала, если позволите, два слова о себе.

Я никогда не стал бы занимать внимание читателей собственным (кратким, не беспокойтесь!) жизнеописанием, если бы не одно обстоятельство, которое, я думаю, вам многое объяснит. Дело в том, что под моими весьма русскими именем и фамилией скрывается чистокровный армянин, чей дед, бежавший от абдул-гамидовской резни в конце прошлого века из Тазакента в Новочеркасск, был записан тамошними властями как Туманов, а не Туманян. Мне представляется очень и очень актуальным добавить к этому, что, по семейному преданию, семья деда была спасена от мучительной гибели турецким мальчишкой, которого дед когда-то приютил у себя.

Родился я в Днепропетровске от новочеркасского армянина, забывшего свой детский армянский язык и говорившего на русском с характерным «гаканьем», и батумской армянки, свободно говорившей на литературном русском и армянском языках и изъяснявшейся на турецком и греческом. В младенческом возрасте я был перевезен в Москву, к новому месту службы отца-железнодорожника, оттуда во время войны вслед за отцом мы эвакуировались в Тбилиси. Лет пять спустя после войны мы переехали в Ереван, а потом я поехал учиться в Москву.

Ходил я в русскую школу. По-русски говорил с изрядным сначала грузинским, а затем армянским акцентом. В Москве от акцента избавился полностью, и меня стали часто принимать за еврея. (Эта деталь приведена не ради красного словца, она призвана иллюстрировать многое из того, что я скажу ниже.) Армянский язык я в течение шести лет учил в ереванской школе, и хотя я до сих пор читаю, пишу и объясняюсь на нем, он остался для меня чуточку как бы иностранным.

Так кто же я? Может ли здесь существовать однозначный ответ, если в розовом, пыльном, знойном, пропахшем острыми домашними соленьями Ереване, бывшем тогда центром моего мироздания, Россия вошла в меня Чеховым, Буниным, Куприным, Тургеневым, Брюсовым? Если острое желание ощутить под пальцами грубое первобытное тепло армянских камней стало приходить ко мне именно в Москве? Если стремительная эпоха Петра, воинская доблесть россиян, набережная Невы и церквушка в Замоскворечье вызывают во мне тот же неподвластный уму душевный восторг, что и благородная стойкость армянского народа, его печальная мудрость, одинокий камень хачкар в небесной пустоте? Вдвойне ли я нищ или вдвойне богат? Должен ли я бесповоротно выбирать, произнося «мой народ»? Кто же я все-таки — «перекати-поле», безродный апатрид? Образец советского человека, продукт «слияния наций»? Или же производное от того уникального конгломерата языков и культур, который мы являли собой на протяжении по меньшей мере двух веков и который — что бы ни говорили о сомнительности его изначального происхождения — все-таки имеет право на существование?

Вопрос вопросов — в каком виде?

Я думаю, а точнее, я убежден в том, что межнациональные отношения на человеческом уровне, существовавшие в царской России, практически не претерпели никаких изменений в условиях Советского государства в том смысле, что официальные установки, регулировавшие эти отношения в государственно-административном плане, никак не влияли на человеческие качества.

Нарезанная на губернии царская Россия не учитывала — за исключением, пожалуй, Финляндии и Польши — национальный аспект в административном делении. Это касается и Средней Азии, где, по сути, принимались во внимание не национальные ареалы, а сложившаяся там система местной власти. Сталинская система предложила нам, напротив, государство-матрешку, в котором с нарочитой тщательностью создавались национально-государственные образования, выстроенные в строгом иерархическом порядке.

Но и в «тюрьме народов», и в эпоху торжества «дружбы народов», и тогда, когда «нынешнее поколение советских людей» ожидало наступления коммунизма, и в эпоху «слияния наций» всегда были примеры и злобной глупости, и душевного благородства в отношениях между людьми разных национальностей.

Не надо, однако, забывать, что мы жили в условиях системы, само существование которой основывалось на тотальной регламентации. Межнациональные отношения, разумеется, тоже подверглись упорядочению. Бытовые проявления национальной неприязни, анекдоты на национальную тему были отнесены к «пережиткам дореволюционного времени». Столь же естественные проявления бескорыстия, благородства, человечности, героизма, присущие любому народу, попали в рубрику «Так поступают советские люди». На фоне реального энтузиазма, порожденного обретением государственности, на фоне национального подъема первых лет строительства союзных республик реалии межнационального бытия казались мелочами. Тем более что они противоречили официальному лозунгу «дружбы народов», априори не признававшему реально существующим все, что не совпадало с государственной легендой о постоянно возрастающем взаимном обожании народов нашей страны.

Формула «национальный по форме, социалистический по содержанию» на практике свела национальную самобытность всех наших народов без исключения к строго отобранному набору внешних атрибутов, обозначающих национальные признаки, но не более. Чтобы не вдаваться в описание общеизвестных извращений в национальной политике, скажу коротко: нам всем разрешали одеваться в национальные костюмы, но не разрешали думать ни по-русски, ни по-армянски, ни по-литовски. История наших народов, их культура, национальная психология, обычаи, традиции были подменены подобием перманентного фольклорного праздника. Мы отличали друг друга по черкескам, халатам и косовороткам, по официальным эпитетам, напоминавшим клички: «республика белого золота», «старший брат», «солнечная Армения» и т. п. И не случайно из наших библиотек исчезли труды, подобные исследованию француза Элизе Реклю, который скрупулезно, без ложной боязни обидеть и без стремления польстить собирал из мельчайших деталей портреты народов, поражающие своей точностью и объективностью и дающие полное представление о национальных свойствах и национальном характере, включая все их сравнительные достоинства и недостатки.

Это и понятно. Согласно официальной доктрине, мы все были наделены равным количеством одинаковых достоинств: мы все были гостеприимными, все были горячими патриотами, все были трудолюбивыми, все почитали своих матерей, жен и стариков, все были исключительно талантливыми во всех сферах искусства и науки. Пожалуй, только в танцах мы несколько отличались друг от друга — здесь было припасено целых два определения: «зажигательные» и «плавные».

Результаты этого известны. Но мне представляется, что последствия уродливой национальной политики лежат гораздо глубже, чем кажется ревнителям национальных языков и флагов. Страшно другое. Страшно, по-настоящему страшно то, что продолжавшие объективно существовать вопреки воле вождей национальные характеры, национальные психологии не переставали развиваться, жить своей жизнью, но втиснутые, подобно жертвам компрачикосов, в китайскую вазу сталинских формулировок. А это не прошло для них бесследно. И когда мы сегодня ужасаемся — в кого мы превратились? где наше традиционное то-то и то-то? откуда взялось это? — нам надо твердо отдавать себе отчет в том, что дело не только в наших социально-экономических неурядицах. Дело еще и в деформациях собственно национальных черт.

Впрочем, настолько ли хорошо мы знаем друг друга, чтобы понять, как велики эти деформации, чтобы разглядеть сквозь них наши подлинные лица?

Реальности нашего федеративного бытия делают этот вопрос сугубо риторическим. Национальные пляски нам быстро приелись. Разбираться в тонкостях национальных гардеробов, представленных, как правило, в обобщенно-плакатном исполнении, было попросту бессмысленно, и поэтому носители упомянутых гардеробов во всесоюзном воображении слились в четыре расплывчатых пятна: «славяне», «прибалты», «лица кавказской национальности» и «лица среднеазиатской национальности». Официальная идеология поощрила это невежество канонизацией идиотически-горделивого высказывания: «А мне безразлично, какой он национальности!» (Кстати, тут административно-командная система с головой выдала сама себя, косвенно подтвердив, что с ее точки зрения даже констатирующее различение национальности может служить только дурным целям.) В бытовом плане это невежество обогатило наш лексикон исчерпывающими выражениями типа «чурки», «кепки», «москали», «кацапы», «чухна» и т. п. Были, правда, и исключения — скажем, одна из преподавательниц школы, в которой учился мой сын, раздражаясь непонятливостью класса, кричала своим ученикам: «Узбеки!»,— демонстрируя таким образом достаточно детальные познания в этническом составе нашей страны.

Необязательно быть русским, необязательно быть верующим человеком, чтобы испытывать глубокую боль за варварски поруганную часть русской национальной культуры — за церкви России, порушенные, обезъязыченные, превращенные в склады картошки и запчастей, в рестораны и конторы. Как это могло случиться? Кто повинен в этом? Попытки разобраться в этом стали в последнее время чуть ли не постоянным публичным занятием. И здесь тоже, как и во всех других сферах нашей сегодняшней жизни, проявляются последствия нашей национальной обезличенности. С одной стороны, подобрался целый полк подпрапорщиков Слезкиных (перечитать бы им купринскую «Свадьбу», хотя вряд ли это поможет), которых безумно

раздражает придуманный ими самими еврейский «бог Макарка». На другом полюсе собрались те, кто смиренно-обреченно вздыхает о «стадности» своего собственного народа, его «дикости» и т. п. Примечательно, однако, то, что и в том, и в другом лагере время от времени вздымаются персты, указующие в сторону той же Армении с целями подкрепить свои тезисы. Вот ведь в Армении хоть и подвергалась церковь гонениям, ан армяне своих церквей не взрывали, не рушили, под вертепы не переоборудовали; пустые, заброшенные, а стоят их храмы! Далее рассуждения варьируются: Слезкины видят в этом явлении лишнее доказательство того, что жидо-масоны ополчились именно на русский народ, а представители школы Васисуалия Лоханкина еще паче ударяются в горестные размышления о мерзопакостности безбожных соотечественников, отчетливо просматривающейся на фоне веролюбия армян.

Но ведь версия о каком-то генетическом благочестии армян отдает тем же ленивым невежеством, что и словосочетание «солнечная Армения». Дело ведь в том, что не успела армянская церковь за короткое историческое время, отпущенное армянской государственности, срастись, как в России и иных странах, со структурами национальной власти ни в период позднего средневековья, ни в последующих веках. Не успела она приобрести неизбежную в свое время репутацию социального лицемера, не успела породить своего Вольтера. Напротив, история распорядилась так, что в многовековом и трагическом противостоянии армянского народа чужестранному и иноверческому угнетению церковь стала единственным духовным и культурным прибежищем нации.

Писатель В. Белов в одном из своих выступлений весьма лестно и с оттенком «белой» зависти (каламбур невольный) отозвался о «целомудрии армянских девушек», не поддающихся бушующему на всесоюзных просторах разврату рока и аэробики. В отличие от прелестниц российских, каковые, по его мнению, поддавшись тлетворному влиянию, окончательно утратили былую патриархальную нравственность. Выразительнейший, доложу вам, пример, доказывающий, что сравнительный анализ двух совершенно различных культур есть занятие, требующее глубоких знаний и несравненно более сложное, чем арифметический подсчет евреев в писательских организациях Москвы и Ленинграда.

В. Белову, вероятно, просто невдомек, что и в милые его сердцу времена целомудрие армянских девушек было зажато в более жесткие рамки по сравнению с целомудрием девушек российских. И это не может быть ни национальным достоинством, ни национальным недостатком. «Хвост у коровы растет книзу,— говорил один из героев Джека Лондона.— Я не могу объяснить — почему, я могу только констатировать этот факт». И уж коли В. Белов взялся определять степень нравственности своих соотечественников именно таким кондачковым способом, то он мог бы легко утешиться, если бы взор его пал не на Армению, а, скажем, на одно из племен народности балуба, что в заирской провинции Шаба (бывшая Катанга), которое определяет ценность невесты по количеству мужчин, обладавших ею до свадьбы. А ведь ни рока, ни аэробики у них нет, что же до жидомасонов, то, поверьте, ни один туда не забредал.

Ну, да ладно, тут по крайней мере южан помянули во здравие. А вот другой пример той же аберрации мышления, но с обратным знаком. Вот Ольга Фокина как-то в «Нашем современнике» пожаловалась на качество нашего жилищного строительства. Сюжет не новый в масштабе всесоюзном. Но посмотрите, какой оригинальный поворот приобретает эта тема в трактовке поэтессы:

...холодными руками
(Не себе ведь!) сбит домок.

Ну что ж, объяснение достаточно расхожее. Но не исчерпывающее. Ольга Фокина докопалась-таки до глубинных причин строительного разгильдяйства.

...строитель сам из дальних —
Не видать отсель! — пенат,
Зимовать у нас не станет —
В сад — вернется — виноград,
К зрелым персикам-лимонам,
К наготовленным медам,
А в хороминах холодных
Вспоминать все зимы нам,
Как — ну, боги! ну, атланты! —
Громоздили брус на брус...
Ты давно ль в своих талантах
Сомневаться стала, Русь?
Ты с какой такой напасти
И кому-чему служа
Окликаешь, словно счастье,
Пришлых плотников-южан?
И, униженно ссужая
В их карманы барыши,
Северян не поощряешь
Дом по-своему сложить?

Дался же ей этот виноград, ей-богу! Неужели же О. Фокиной было бы легче мерзнуть в своем доме, если бы строители были свои, вологодские? Дом-то поставили бы такой же холодный, зато никакого винограда для халтурщиков, никаких тебе персиков-лимонов, тем более зрелых. То-то утешение!

А этот вопрос, уникально соединяющий в себе причитание и следовательские интонации: «ты с какой такой напасти и КОМУ-ЧЕМУ служа?» Матушка, да взгляните же на развалины Ленинакана, Спитака! Строили-то для себя, как вы изволите выражаться, и от винограда никуда не уезжали. Строили те же, кто вам холодный дом сляпал. А, вашей логике следуя, как армяне должны реагировать на и теперь из рук вон плохо строящиеся дома в зоне бедствия? Ну, ладно, узбекам и молдаванам они не позавидуют, виноград и у самих есть. А как им костерить москвичей, ленинградцев, белорусов, эстонцев? Мол, вернутся к себе — кто к дефициту, кто к Эрмитажу, кто к копченым угрям?

Господи, о чем мы говорим, чем считаемся, чем попрекаем друг друга! Ведь штука-то в том, дорогая Ольга Фокина, что те, кто так строил «для своих» в Армении, кто тащил со строек цемент, кто не удосуживался приварить как следует несущие балки, кто убил в конечном счете тысячи своих единокровцев, сегодня так же, как и Вы, былинно взывает к «Матери Армении» и ратует за присоединение Карабаха, не забывая при этом брать взятки со своих лишившихся крова соотечественников.

Кого же вините Вы в нашей общей деградации? Кому и зачем противопоставляете Вы свой народ, исстрадавшийся, изверившийся, как и все мы, в общей обезличке? Мы все превратились в каких-то юродивых на паперти: выхваляемся своими язвами друг перед другом — кто больше убог, кто больше изъязвлен, кто больше страдает,— а ведь за этим исступлением стоит темная претензия: кто больше свят.

Мы все получили уникальный шанс возродиться. Казалось бы, вместе страдали, вместе нам и подниматься. Но как подниматься, если мы ищем причины бед своих не в себе, а в соседях?

О каком возрождении могут мечтать сегодня армяне и азербайджанцы, поглощенные бессмысленным противостоянием? Неужели этого наглядного урока, конца которому не видно, мало тем, кто рассматривает перестройку как всесоюзную очередь за дефицитом то ли гонорара, то ли национального величия?

А ведь корни взаимного неузнавания, взаимной подозрительности, стереотипного восприятия друг друга не из перестройки растут, не из застоя даже, а из той эпохи, когда мы собственными руками прерывали «связь времен», начиная писать историю с чистого листа. Вот коллизия, в которой точнейшим образом отразились и сошлись две великие уравниловки — социальная и национальная.

Летом 1959 года я провел два месяца на студенческой практике в районной «Арзамасской правде». На выданном мне редакцией велосипеде я объезжал окрестные колхозы, «организуя» письма колхозных пастухов, «вызывавших» друг друга на социалистическое соревнование (этот жанр отечественной журналистики заслуживает отдельного разговора), а вечерами просто катался по Арзамасу, наслаждаясь его уютной прелестью. Как-то в сумерках ухоженная лесная просека вывела меня с велосипедом на асфальтовый пятачок пригородного полустанка. На одном его краю стоял пивной ларек, окруженный десятком клиентов, на другом — железнодорожная будка, а рядом с ней — редкость по тем временам изрядная — частный «Москвич», за рулем которого горделиво восседал его владелец. Случилось так, что, подкатив к «Москвичу» и спрыгивая с велосипеда, я неловко толкнул машину в бампер передним колесом. Дутая шина, разумеется, не нанесла никаких повреждений, но гнев частника был ужасен. Он выпрыгнул из машины, поминая мою мать. Поскольку я тогда еще не полностью избавился от чисто кавказских предрассудков, мне показалось это крайне оскорбительным, и между нами завязалась потасовка, которая немедленно привлекла внимание любителей вечернего пива. Они перебрались на нашу сторону пятачка, пытаясь понять из наших бессвязных выкриков, в которых упоминались мать, велосипед и машина, кто кого и за что бьет. Их мнение сложилось довольно быстро. Результатом этого было то, что нас разняли, и передо мной появился низкорослый, но чудовищно мускулистый парень в тельняшке, откровенно целивший кулаком мне в ухо при явном одобрении зрителей. Но когда он, примерившись как следует, уже замахнулся, стоявший рядом со мной старик в форме железнодорожника неожиданно сказал: «А ну, погоди. Погоди, говорю! Так чья все-таки машина-то?» «Моя! Моя машина, а чья же еще!» — возмущенно завопил владелец, не зная, на что он себя обрекает.

Наступила тяжелая тишина.

Потом парень в тельняшке нехорошим голосом произнес: «Так что же ты к парнишке пристал, куркуль?» — и стал придвигаться к бедолаге. Старик осторожно, но настойчиво потянул меня за рукав из толпы, бормоча: «Ты, сынок, извини, ты садись на велосипед да поезжай, мы тут сами разберемся. У тебя лицо грузинское, вот мы сперва и подумали, что твоя машина... Ну, ничего, сейчас разберемся...» И я уехал, слегка тревожась за судьбу своего обидчика и недоумевая по молодости, какая же связь может существовать между грузином и автомашиной. Помнится, мне обиднее было то, что во мне не разглядели армянина.

И только потом, много лет спустя, до меня дошло, что я был тогда наблюдателем редкого совпадения во времени и пространстве двух ипостасей нашей социальной справедливости: в ее национальном и сословном вариантах...

Обретение национального самосознания натолкнулось у всех у нас на весьма своеобразное препятствие — всем хочется немедленно национального величия. Кропотливо, многолетне, тяжко работать над его восстановлением не очень хочется — отвыкли, а в то же время ужасно угнетает и уязвляет реальная действительность, и у всех стремление побыстрей из нее выбраться. Вот и выдумываем кто во что горазд спасительные рецепты, лишь бы избавиться от наваждения неминуемо предстоящего долгого и неимоверно трудного пути к лучшей жизни. Кто государя императора воскрешает из мертвых, кто предлагает отловить евреев, но чтобы без всякого там антисемитизма, кто зовет в Февраль, кто собирается торговать маслом и молоком на перенасыщенном мировом рынке, кто забавляется перетягиванием карабахского каната, кто требует к завтрашнему дню новую концепцию социализма представить вместе с колбасой, кто кооператоров гоняет, кто — турок-месхетинцев...

Да если бы за аренду или фермерство с тем же пылом ратовали, с каким Пушкина защищают...

Несолидно все это, братцы. Неудобно перед державами, как говорится. Кто торопится отгородиться от Союза, приборматывая «заграница нам поможет!», кто, наоборот, выкрикивает «Запад нам не указ!», не замечая, что заграница хоть и с надеждой, но и с известным ужасом наблюдает за нашими провинциальными домашними шалостями, чреватыми таким нарушением международного баланса, по сравнению с которым грядущее объединение Германии кажется слиянием неперспективных деревень в масштабе района.

Но так ли все безнадежно?

Воздержимся от хрестоматийных примеров нашей официальной приязни друг к другу. Вспомним о менее известных явлениях, но более ценных тем, что они естественно вырастали из наших человеческих достоинств, из молчаливого, но сочувственного взаимопризнания права каждого из нас на самобытность. Маленький осколок Большой России затерялся в армянских горах с незапамятных времен. Живут здесь молокане в селах с русскими названиями — Семеновка, Калиновка, сохраняя и веру свою, и обычаи, и язык. Ах, какой это ароматный русский язык, какой нетронутой двухвековой стариной веет от него! Как заслушался я его певучестью, знакомой незнакомостью его лексики, едучи как-то вечером в ереванском трамвае и ловя украдкой разговор двух как нельзя более русских женщин, обсуждавших чью-то предстоящую свадьбу у меня за спиной.

И на каком же свободном, сочном армянском языке честил своего неловкого напарника-армянина русский мужик-молоканин, укладывавший с ним водопроводную трубу в одном из ереванских переулков! Это надо было видеть и слышать — эту типично армянскую перебранку с традиционными, почти философскими отступлениями и склонностью к афористичности между выразительно жестикулирующим небрито-смуглым армянином и монументально-сдержанным, степенным мужиком в косоворотке, с бородой ниже пояса...

Кого из них загнал бы в резервацию тов. Личутин?

Нельзя, конечно, исключать, что народный депутат Яровой ухватится за эти примеры с дидактической целью противопоставить терпимость «мудрого армянского народа по отношению к русскоязычному населению» «национализму» эстонцев. По моему же разумению, назидательность этих примеров лежит совсем в иной плоскости. Дело в том, что мертвящее дыхание системы централизованного абсурда просто не успело коснуться этого капиллярного реликта ЕСТЕСТВЕННЫХ межнациональных связей, включающих в себя пусть на самом примитивном уровне естественность экономического обмена, диктующих естественность человеческой взаимоадаптации.

Именно централизация, уничтожившая горизонтальные связи и надевшая на общество «испанский сапог» вертикальных связей, атрофировала в нас то, что я назвал бы «соседскими рефлексами», которые вырабатывались столетиями естественной экономической взаимозависимости. Поскребите немного парадный лак на действительно уникальном феномене тбилисского межнационального братства — и вы увидите, что за ним стоит, а точнее, стояла многовековая система экономических отношений всего Закавказья.

Шоковое столкновение с угнетающими реальностями нашего общества и длительная изоляция от мирового опыта — вот, на мой взгляд, два главных фактора, которые заставляют многих из нас лихорадочно искать спасение

только в прошлом — либо в недавних мифах сталинизма, либо в мифах-«новоделах», рождающихся на почве то ли чтения дореволюционной «Нивы», то ли созерцания лубков.

Опасность, подстерегающая всех нас без исключения, как раз и состоит в этой исступленной однозначности предлагаемых решений. Вряд ли стоит иллюстрировать это утверждение набившими оскомину примерами Закавказья, Прибалтики, Западной Украины, Средней Азии. Но вот о России следует сказать особо.

Я выделяю эту тему не для того, чтобы порассуждать о каких-то особо специфических «позитивных» или «негативных» чертах русского народа, служащих в последнее время предметом живого, но абсолютно бессмысленного обсуждения в нашей публицистике. И не для того, чтобы подчеркнуть абсолютно для меня бесспорную особую роль России как политического, экономического и стратегического фактора нашей заново рождающейся федерации. А для того, чтобы указать на особую сложность процессов в России, проистекающую из двух, казалось бы, взаимоисключающих реальностей российского бытия: из ужасающего разорения — вплоть до самой грибницы — русской национальной культуры и из сохраняющегося патерналистско-державного самоощущения россиян в отмирающей модели нашей федерации.

Самое страшное для России — и в этом я согласен и с В. Беловым, и с В. Распутиным, и с их единомышленниками — заключается в том, что уничтожение ее многовекового культурного слоя, питавшего ее естественные национальные традиции, национальное самоощущение русского человека, привело к тому, что русский фактически лишен того комплекса национальных нравственных и материальных ценностей, который раньше давал ему возможность чувствовать себя русским в России так же, как чувствует себя армянином в Армении армянин. Отчее гнездо России под пренебрежительным псевдонимом Нечерноземье вымирало у нас на глазах, и с его смертью русские почти лишились своего дома, крепкого, уютного дома пращуров, бессознательно и верно хранящего тепло рук давних его строителей, привычки и обычаи многих поколений его жильцов. «Не горюй, ребята,— сказала Система,— СССР — наш общий дом, чего же вам в неперспективных деревнях жить!» А откликается сегодня в Эстонии. В Молдавии. Система — понятие абстрактное, ее лозунгом не проймешь, в лицо обиду не выскажешь. А эстонцы, русские, молдаване — вот они, под рукой.

И я понимаю искреннее возмущение русских людей, когда на фоне внезапно проступившей и непривычной для них сложности и противоречивости национального бытия в союзных республиках они отчетливо слышат примитивные или наукообразные выражения неприязни или обвинения в адрес России. Безответственность подобных выпадов бесспорна. Но столь же безответственно, замечу, возводить эти выпады и настроения в явление под хлестким названием «русофобия», как безответственно и тиражирование в России антирусских пасквилей, принадлежащих перу прирожденных провокаторов. Ведь не дай бог кому-нибудь тоже придет в голову перевести на армянский для массового распространения, скажем, стенограмму известного пленума СП РСФСР!

Острота проблем, порожденных быстрым ростом национального самосознания, не извиняет того наивного эгоцентризма, с которым мы пытаемся их разрешить. Иногда создается впечатление, что каждый действует, как если бы он ощущал себя в некоем политико-экономическом вакууме, оторванном и от прошлого, и от будущего Федерации.

Наивность такого подхода проявляется еще и в том, что все мы, стремясь как можно скорее восстановить свою национальную самобытность, уповаем то на духовность, то на язык, то на экономическую самостоятельность, то на какую-то универсальную формулу власти, то на религию, то на «соборность», забывая о том, что все эти компоненты национального бытия неразрывно связаны между собой, и пугая друг друга кажущейся несовместимостью наших чаяний.

Вот «Известия» сообщают, что новгородские патриоты в лице «зеленых» и ОФТ воспротивились созданию в регионе свободной экономической зоны под тем предлогом, что она, эта зона, станет прибежищем спекулянтов и проституток, а также погубит национальную самобытность, памятники старины, духовность и заветы предков. Не вдаваясь в полемику по существу вопроса, я хотел бы привести обратный пример: скажем, та же Армения стремится именно к введению у себя режима свободной экономической зоны. Вряд ли кто-либо посмеет заподозрить армян в отсутствии патриотизма. Но в том-то и дело, что эти два противоположных подхода не могут служить взаимным укором.

Мы — разные. Мы — союз наций, народов, которые по разбросу своих исторических путей, национального мышления, культурного притяжения объективно отстоят друг от друга дальше, чем, например, страны Западной Европы, притиснутые друг к другу узостью своего жизненного пространства. Разными путями пришли мы к сегодняшнему нашему симбиозу. Но ничто из нашего прошлого, повторяю, ничто не может послужить сегодня основанием ни для формально-рефлекторных решений, ведущих к распаду нашего союза, ни для реставрации его имперских основ.

Величие и ценность гуманистического и культурного вклада России в мировую цивилизацию для меня бесспорны вдвойне как для человека, с одной стороны, полностью отождествляющего себя с ее культурой, а с другой — сохраняющего возможность взглянуть на нее с позиций собственной национальной культуры и истории. Но когда в поисках новых факторов, скрепляющих нашу Федерацию, мы начинаем оперировать преимущественно такими внеэкономическими, внесоциальными и внеполитическими аргументами, как достоинства национального характера, дискуссия может, на мой взгляд, увести нас в такие дебри межнациональных схлестов, из которых нам будет очень трудно выбраться. Поясню это на простом примере. Скрытые и явные поборники прежней унитарности нашего государства постоянно ссылаются в своих рассуждениях на такие авторитеты, как Достоевский, Толстой, Гоголь, Пушкин, указывавшие на неоспоримые достоинства русского характера, русской души. И с таким же успехом инициаторы процессов отторжения и раскола указывают на Чаадаева и Бердяева, чье мнение о национальных качествах русского народа или исторической судьбы России служит, с точки зрения сепаратистов, обоснованием их устремлений.

Такой методологический подход, насильственно вычленяющий национальный элемент из социально-экономического контекста нашего совместного бытия, опасен еще и тем, что на его почве появляются взрывоопасные, погромные теории о первородной вине то «малого народа», то «великого народа».

Кроме того, такой подход создает абстрактно-искусственные дилеммы, противопоставляющие духовность и эффективную экономику, национальный характер и современные методы хозяйствования. Вот, например, как рассуждает В. Распутин, подвижничество которого во имя спасения национальных богатств России может вызывать лишь чувство глубочайшего уважения:

«Меня смущает, что едва ли не вся социальная проблематика, направленная в будущее, сводится к тому, как быстрее и легче добиться материального благополучия. О духовном устройстве почти не вспоминают. Материальное необходимо, никто с этим не спорит... но и прельщать человека потребительским раем на западный манер по меньшей мере легкомысленно. Из чего, интересно, мы станем его добывать, этот рай? Из разумного хозяйничанья? Этого мало, да и не скоро оно наступит. Из еще большего выкачивания на продажу сырьевых запасов? Что в таком случае оставим мы своим внукам, на какую жизнь их обречем? Алчность экономики, процветающая сейчас, до добра не доведет ни сегодня, ни завтра.

Нет, изобилие во имя изобилия не наша судьба. ... Чтобы рассчитывать на долгую будущность России, манну небесную лучше не обещать, а вести речь о необходимости достаточного, но экономного потребления, которое бы остановило расхищение природных ресурсов страны и перестало развращать человека».

А вот вторящие высказывания Н. Скатова:

«...решая задачу накормить, расселить и одеть, мы вряд ли когда-нибудь обгоним то, что широко называют Западом, по части изготовления какого-нибудь невероятного количества каких-нибудь немыслимых штанов. Думаю, наш брат здесь обречен на отставание и на витринные шоки в тех случаях, когда на такие витрины удается поглазеть. ...Нужно, безусловно, используя мировой опыт, искать свой путь, вырастающий из своей истории и своих традиций, учитывающий свои особенности (хорошие и дурные)... Хороша, конечно, страна Швейцария. Да Россия-то — это Россия, а Союз — это Союз, а не Швеция».

Мне кажется, что при сегодняшнем унизительном материальном неблагополучии нашего общества рассчитывать на возрождение духовности путем более частых упоминаний о ней столь же наивно, сколь и надеяться на быстрое и легкое достижение материального благополучия путем введения в наш экономический лексикон звучных слов «спонсор» и «маркетинг». Я согласен с В. Распутиным в том, что «разумное хозяйничанье» наступит у нас не скоро, но не лучше ли добиваться скорейшего прихода этого разумного хозяйничанья, которое, кстати, защитит природу именно в силу своей разумности, чем пугать народ якобы всеистребляющим «потребительским раем на западный манер»?

«Изобилие во имя изобилия — не наша судьба»,— заявляет В. Распутин. Звучит основополагающе. Но позволительно спросить: а чья же это судьба? Где другой полюс противопоставления? Кто в современном мире исповедует такую абсурдную экономическую религию — изобилие ради изобилия? Может быть, Соединенные Штаты? Швейцария? Швеция? Франция? Да если бы их экономика повиновалась такому стимулу, она бы рухнула в два счета!

Кстати, ту же ошибку совершает и Н. Скатов. То «невероятное количество каких-нибудь немыслимых штанов», производимых на Западе, есть результат не какой-то извращенной прихоти западных производителей, а точнейшего коммерческого и экономического расчета. Это закономерность, не признающая национальных границ и характеров.

Поступились ли своей самобытностью те же японцы, производящие невероятное количество немыслимых компьютеров?

Коль скоро мы говорим о национальных традициях, о национальной самобытности в масштабах Федерации, здесь нужна особая точность и осторожность. Когда В. Распутин говорит о «долгой будущности России», я, памятуя о его же высказывании «пусть армяне живут как они хотят», понимаю, что речь идет о России и ни о чем больше. А народный депутат Крайко заявляет: не может быть свободных Прибалтийских республик при недемократической России. А как быть остальным — тоже ждать?

Я полностью согласен с Н. Скатовым — Швейцария хороша, но Россия — это Россия, а Союз — это Союз, а не Швеция. Меня, как и его, тоже раздражают легковесные рассуждения о панацеях «шведской» или «швейцарской» моделей, но не больше, чем залихватские обобщения типа «Союз — это не Швеция». Может быть, мы наконец начнем с понимания того, что Армения — это не Литва, Таджикистан — это не Россия, а Украина — это не Узбекистан, прежде чем говорить о нашем будущем?

Национализм как умонастроение имеет одно общее свойство — идиллическое мышление, существующее как бы само по себе, вне исторических прецедентов, вне сегодняшних реалий, вне окружающего мира. Когда в Литве уничтожают следы польского присутствия, когда Прибалтика видит в призывах шведского министра иностранных дел к умеренности «капитуляцию Швеции перед Москвой»; когда в Грузии упорно отказываются увидеть опасность повторения 9 апреля в Абхазии и Южной Осетии, но уже с другими действующими лицами и под другими лозунгами; когда Азербайджан и Армения с самым серьезным видом демонстрируют готовность вести новую Столетнюю войну за Карабах, не забывая при этом регулярно апеллировать к центру и столь же регулярно обвинять его в стремлении искоренить тот или другой народ; когда киевская молодежная газета ратует за футбол «с украинским лицом»; когда в России подсчитывают количество евреев с высшим образованием, сопровождая эти подсчеты державными вздохами о «железной руке», я вижу, что носителям этих идей и настроений будущее собственного народа представляется идиотически-безмятежным, вроде святочной открытки, ради которой они вполне готовы допустить потоп всесоюзного масштаба.

На каком же это пригорке они надеются отсидеться?

На том пути, который ведет нас от сталинской унитарной «коммуналки» к подлинной федерации, мы неизбежно пройдем через этап (который, возможно, уже наступил), психологически воспринимаемый подавляющим большинством советских людей как разрыв, расставание. В этом нет ничего страшного, если этот этап, повинуясь законам диалектики, выведет нас на новый союз, новое единение, более прочное уже хотя бы потому, что оно будет основываться на осмысленном взаимоуважении. Но этот же этап чреват огромной опасностью, явственно проступающей уже сейчас сквозь всесоюзную разноголосицу взаимных упреков и базарных подсчетов, кто сколько кому должен за сожженное электричество в местах общего пользования. Мы не должны расставаться врагами. Мы не должны жечь за собой ведущие в будущее мосты, только потому, что они соединяют нас и с прошлым. В противном случае мы никогда не сможем вновь обрести друг друга, заблудившись во тьме бытовой, нерассуждающей ненависти.

Мы любим повторять, что перестройка дала нам исторический шанс на обретение цивилизованного существования, включая национальное достоинство. Мы часто повторяем также, что история не простит нам, если мы упустим этот шанс. Мне кажется, что здесь мы явно льстим самим себе. Дело в том, что история судит политическое решение, политический выбор, политический расчет — неважно, верный или ошибочный, но основанный на объективном анализе соответствующей ситуации. Так сочтет ли она совместимым со своим достоинством прощать или не прощать ту трамвайную перебранку, из-за которой мы можем упустить наш исторический шанс? Она презрительно и горько посмеется над нами, не больше того.

Горько — это потому, что пролилась кровь.

ЧТО МОЖЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО? ЧТО ХОЧЕТ НАРОД?

Окончание. Начало на стр. 1.

хода от плохого к хорошему. Хотя, безусловно, надо изучать опыт и Японии, и Франции, и Швеции. В Швеции дела в последнее время стали несколько хуже, ибо большие налоги хороши только до того времени, пока они не убили интерес к работе. Когда бизнесмен от маленького налога постепенно переходит к большому, он еще живет, не угас. И если страна в целом находится в состоянии процветания, то угасания можно не почувствовать. Тем более что некоторый спад перекрывается справедливостью распределения. Однако не получилось. Началась утечка капиталов, интеллекта. Снижение экономических результатов.

— Это полезный экскурс к соседям, однако что же ждет именно нас, подошедших к рубежу рынка?

— Из того, что я читал и слышал, напрашивается, что процентов на 70 цены могут стать свободными — спроса и предложения. Это польский вариант, хотя мы этого не признаем. Товары будут лежать в магазинах.

Кто имеет сдельную зарплату, тут проблемы особой нет. Завод продает свою продукцию дороже, и рабочий получает в свой карман больше или меньше, в зависимости от того, какая у него продукция, хорошая или плохая. Получил меньше, сам виноват.

Как быть с повременщиками? Те из них, кто работает на заводах, не потеряют, так как вырастет общий фонд зарплаты.

А как быть с 60 миллионами пенсионеров? А студенты, военные, врачи, учителя, служащие, все, кто не от предприятия кормится, у кого фиксированный доход?

Придется всем повысить зарплату. Но как только мы ее повысим, выяснится, что денег опять больше, чем товаров. Значит, нужно снова поднять цены. А подняли цены — опять поднимать зарплату. И так несколько раз.

Переходя к рынку, нельзя отвлечься от социального фактора. Например, завод купил сырье дорого, а продал готовую продукцию плохо. Сразу не перестроишься, отсталая технология и прочее.

Вот так получается: экономически рынок необходим, но может произойти мгновенно выброс миллионов безработных. Что с ними делать?

Надо легализовать понятие безработного. Дать ему права гражданства, чтобы не делали вид, что безработных нет. Ввести пособие по безработице, определить его размер, создать систему переподготовки за счет государства.

Если мы об этом забудем, мы создадим серьезные социальные обострения, которые при нынешней политизации масс могут смести любое правительство.

— Павел Григорьевич, а можно ли ввести рынок, не меняя ничего в собственности?

— Если объявить, что с завтрашнего дня работает рынок, он не будет работать. Рынок без собственности не интересует человека. Потому что тогда он поденщик, не думающий о будущем.

Мы гордились, что социализм освобождает человека от забот о завтрашнем дне.

Отсутствие забот о завтрашнем дне — это отсутствие самого завтрашнего дня, обреченность на кризис.

— Считалось, что государство берет на себя эту роль — заботиться о нашем будущем.

— Не государство, а пулемет. И колючая проволока. Без них такое общество все проест. Ибо его враг — накопление, забираемое у него.

В «Критике Готской программы» Маркс писал, что в будущем обществе каждый будет получать от него ровно столько, сколько он дал ему, за вычетом некоторого количества, необходимого для содержания общества.

А у нас?

Мы что получаем? Что получают люди на предприятиях?

Нищенскую зарплату.

А где же фонд развития, фонд инвестиций? Нами заработанный и отложенный? Отнят у нас. Он приумножает государственную собственность. И это, конечно, противоречит идее, изложенной в «Критике Готской программы».

И вот с 1 января этого года на бумаге достигнута, на мой взгляд, революция. Сказано: во всех арендных предприятиях фонд развития принадлежит теперь им самим. Государство не подарило им фонд развития — не дай бог, если меня поймут так. Его вернули людям.

— И что же, каждый работник может делать с ним все, что хочет?

— Даже тогда, когда уходит с предприятия, может, образно говоря, автогеном вырезать свой кусок стоимости и забрать. Уходя на пенсию, положить в карман накопленные 30—40 тысяч. Или оставить их, чтобы шли дивиденды.

Но главное не дивиденд, а вот этот кусок капитала. То, что работник создает.

И каждый такой кусочек имеет свое имя — Глотов, Бунич... Конечно, он в монолите, в металле, но по стоимости каждый из нас имеет свою долю — бухгалтерия все считает. И сообщает каждому сумму его доли, сумму акций.

Теперь представим. По мере амортизации государственный клин в арендном предприятии будет уменьшаться, а общественный клин увеличиваться, и наконец я стану членом полностью коллективного предприятия. Такую коллективизацию народ давно ждет. Но никто не запрещает людям за счет фонда развития досрочно выкупить завод. И стать его коллективным собственником

А если у рабочих есть лишняя зарплата, никто не запрещает выкупать предприятие и на эту зарплату, а не только используя фонд развития. К сожалению, наша зарплата невелика, не выкупишь оборудование, денег едва хватает, чтобы прокормить семью.

Третий источник выкупа арендного предприятия — возможность продавать акции работникам других предприятий. В выкупе предприятий могли бы участвовать и иностранные компании.

Всем этим, как я уже говорил, сегодня обладает арендное предприятие. Теоретически.

А с 1 июля такое право распоряжаться фондом развития получают и госпредприятия.

Мы пришли сегодня к понятию «аренда». Это промежуточная форма, инструментарий, своего рода переходный период. Как сказал Евтушенко, поэт в России больше, чем поэт. Так и аренда — больше чем аренда. Это способ разгосударствления.

— В связи с размышлениями о собственности как, на ваш взгляд, вписывается в будущий рынок собственность партии?

— Строго говоря, это не ее собственность, а наша, деньги брали у нас. Но я бы не хотел углубляться в этот вопрос. С колхозной бы собственностью разобраться. Она чужая для колхозника. Как быть с ней? Раздарить колхозникам? Не физически, а в стоимостном смысле, чтобы каждый колхозник стал акционером?

Во всяком случае, так ее оставить нельзя.

— Павел Григорьевич, мы так привыкли к Госплану, Госснабу...

— Я был в Греции, приехал на строительство огромного стадиона. Спрашиваю: «У вас поставки какие — годовые?» Не понимают. «Квартальные? Месячные?» Молчат. Переводчица, коммунистка, бьется, бедная. Я решил: не понимают, надо прекратить разговор. И в этот момент они все-таки поняли. Отвечают: «Каждый день в пять утра!»

И тогда я с нашим идиотским мышлением задаю вопрос: «А что будет, если вам не привезут однажды в пять утра?»

Отвечают: «Тогда не привезут никому никогда в Греции!»

Вот так работает рыночный механизм — как часы. Без Госплана и Госснаба.

Я бы расширил ваш вопрос: а Госкомцен? А министерства? Как с ними?

По моему мнению, мы должны пропустить через аренду примерно 70 процентов госсектора.

Представьте, если в министерствах останется в подчинении лишь часть предприятий, можно ли при этом оставлять старую структуру?

Нужен небольшой правительственный аппарат (советников), который, не ведая предприятиями (кроме госсектора), изучал бы стратегию, подсказывал правительству правильные решения развития отраслей.

— А как предприятия будут получать то, что сегодня получают через Госснаб?

— Через ярмарки, товарные биржи. Сейчас есть Выставка Достижений, вы смóтрите, облизываетесь, но ничего не можете купить.

Нигде в мире нет Выставок Достижений, а есть выставки тире продажи. Каталоги, газеты, состоящие из 30 полос информации.

— Огромная, неведомая нам сфера!

— Ее надо создавать. Овчинка выделки стоит. Сейчас в Госснабе и в его территориальных органах сидят тысячи людей — это больше, чем если бы мы торговали по каталогам. А толку меньше.

И гигантский наш Госплан, как командный спрут, не нужен, а необходим орган, занимающийся стратегическим прогнозированием для правительства.

— Павел Григорьевич, сейчас предприятия стали договариваться друг с другом напрямую: ты мне трубы, я тебе хлопок... Что это?

— Отступление в глубь веков.

— Это не начало рынка?

— Это антирынок. Ибо самый лучший товар — деньги.

— Но если не Госплан, не Госснаб, не министерства, то — простите мои заблуждения — как будет в условиях рынка осуществляться руководство экономикой со стороны правительства?

— В одной развитой стране мы были у президента. Он решил принять нас на 15 минут. А просидел с нами два с половиной часа и даже играл в шахматы. Он не нужен! Вот что поразительно! Страна работает, механизм действует. А Рыжков секунды не имеет свободной.

Какое регулирование может быть в условиях рынка?

Во-первых, налоговая система. Затем таможенная система. В-третьих, амортизационная политика. Можно закрутить дело так, что объекты будут использоваться, как сейчас, до потери сознания, а можно сделать иначе: через десять лет обязательно надо списать. Затем есть понятие стратегических и просто резервов, выбрасывая которые на рынок можно воздействовать на цены.

Вообще способов регулирования рынка много. Например, процентная банковская политика.

Человечество выработало достаточно богатый инструментарий, но это не значит, что он должен всю экономику связать по рукам и ногам.

Технический прогресс, капиталовложения, программы правительства по занятости, создание специальных рабочих мест — все это тоже регулирование в условиях экономики рынка.

Но это не главное, что беспокоит. Это мы освоим. Беспокоит другое. Переход к рыночной экономике обострит борьбу.

— С кем же борьба? Само правительство повернулось!

— Повернулось всерьез или нет — это мы еще увидим. Важно ведь не только желание, но и умение. А кроме того, правительство — это вершина пирамиды, а есть ее основание.

Кто теряет в условиях рыночной экономики? Прежде всего партократия. Здесь ей места нет. И она прекрасно понимает, что свою долю национального дохода, которую сейчас получает, она при рыночной экономике не получит. Одно дело уметь стучать кулаком и отбирать партбилет, другое дело — стать бизнесменом. Замшелая партократия неспособна к таким переменам.

Вторая группа — ее не надо сбрасывать со счета — это бюрократия министерств. Балтийское морское пароходство, одно из лучших наших пароходств, где работают 30 тысяч человек, хочет перейти на аренду — не дают. Многие министры написали, что они большие сторонники аренды, но просят их министерства целиком выключить из аренды. И министр морского флота намерен флот в аренду не сдавать.

У всех нас на слуху шахтерские забастовки, и лучший выход — перевод шахт на хозрасчет, на аренду. Никто еще не бастовал против себя. Вот последний факт. И по ТВ, и в газетах было объявлено, что шахта «Распадская» первой переводится на аренду. Но вот у меня в руках телеграмма шахтеров: все ложь, договор не заключен. Шахтеры предупреждают, что чаша терпения переполнена.

Бюрократия понимает: как только последнее предприятие переходит на аренду, стул под последним министерским чиновником старого типа выпадает. Значит, с ее стороны — священная война против рынка.

Третья сила — многие директора. Главным образом крупных предприятий, особенно оборонного комплекса. Я назвал их, выступая в «Огоньке», «жирными котами». Недавно в «Советской России» была опубликована статья под названием «Я тот самый «жирный кот», где автор «мяукнул», что не такой он уж жирный.

Я же имел в виду, что они по-советски жирные, они получают геройские звания, у них лучшее снабжение, да, они работают, но в лучших условиях. По сравнению с совсем «дохлыми котами» они все-таки «жирные коты».

Вот эти «жирные коты» — большая и организованная сила.

— И правительство не сможет найти на них управу?

— Командует не правительство, командует «основание пирамиды».

— А как, на ваш взгляд, к переменам относятся рабочие?

— Доля сторонников рынка, в частности аренды, в этих слоях самая высокая. Хотя есть рабочие, которые сопротивляются. Не потому, что «против», а просто не знают, что это такое.

Сказывается и неуверенность людей в политической ситуации. Еще не забыты в памяти народа раскулачивание и «дальний путь на долгие года». У всех на глазах «отстрелы» кооператоров. Люди понимают: следующими будут арендаторы. Нет гарантий, что завтра не экспроприируют, не введут какой-нибудь дикий налог, от которого предприимчивый человек разорится. Нестабильность экономических условий — опаснейшая вещь, она убивает уже заработанную собственность.

И я хотел бы особо сказать о догматизме. О нашей идеологической убежденности в незыблемости и преимуществах отбирательства.

В этой борьбе изобретаются иезуитские средства. Захочет предприятие перейти на аренду, какой-нибудь доверчивый директор скажет об этом, не заручившись решением совета трудового коллектива, придя в министерство посоветоваться,— и этого директора нет, его завтра снимают, назначают другого, который об аренде уже думать не будет никогда.

Или стоит рот открыть, как структурную единицу превращают в цех, а цех — по законодательству — не имеет никаких прав, переходить на аренду не может. Или снимают со снабжения. Или просто тянут.

— Это ваша вина, законодателей?

— Когда мы принимали закон, мы не все еще чувствовали. Но нельзя считать, что раз закон не выполняется — виноват закон. Виноваты в основном силы, которые стоят против перестройки. Они пока сильнее закона.

И все-таки сейчас стало немного полегче. Если бы мы с вами встретились три недели назад, я бы этой концовки сделать не мог, а сейчас могу. Движение произошло.

— У вас самого есть внутренняя вера, что на этот раз нас ожидает успех? Рынок — это наш последний шанс?

— Безвыходных положений не бывает. Сделать новую экономику можно. Я вижу два этажа: собственность и рынок. Но вопрос действительно стоит так: быть или не быть правительству? Если оно проведет свою программу и эта программа окажется убедительной, правительство получит поддержку. Если не осуществит или программа окажется никудышной, то наступит полный его крах.

— Вы представляете Союз арендаторов и предпринимателей СССР... Кстати, вопрос в духе Урмаса Отта: какая у вас зарплата?

— Я ее не получаю. Но установили в 1700 рублей.

— Не слишком высоко вас оценили!.. А зачем вообще нужен такой Союз?

— Необходимо единство.

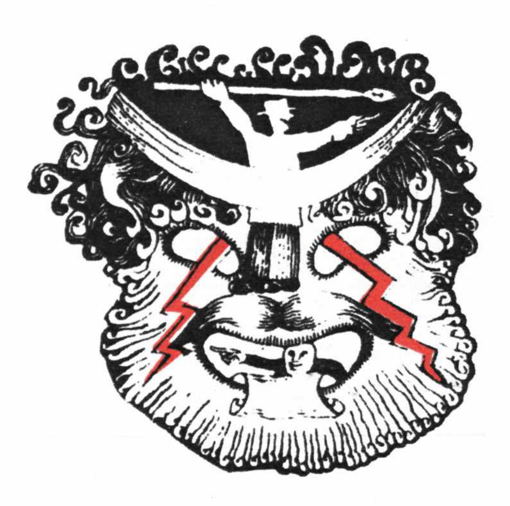

АВТОЛАВКА ПРИЕХАЛА...

(деревня Чулпаново Домодедовского района Московской области).

Фото Василия ГРАЧЕВА
(фотообъединение «М-пресс»)

Игорь Иртеньев — один из тех поэтов, которым даже в эпоху «тотальной» гласности не удается публиковать всех своих стихов. Так что предлагаемые сегодня — это верхняя часть айсберга. С подводной же его частью вы могли сталкиваться во «Взгляде», «120 минутах» и в прочих телепрорывах в демократию.

Игорь ИРТЕНЬЕВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЯПОНИИ

В Стране восходящего солнца,
Где сакура пышно цветет,
Живут-поживают японцы —
Простой, работящий народ.

Живут они там и не тужат,
Японские песни поют,
Им роботы верные служат
И гейши саке подают.

Но водки при этом ни грамма
Не примет японец с утра...
Еще у них там Фудзияма —
Большая такая гора.

Там видео в каждой квартире,
Там на нос по десять «тойот»,
Там сделать решил харакири —
Бери себе меч — и вперед!

Еще там у них император,
Проснувшись, является вдруг,
На нем треугольная шляпа
И серый японский сюртук.

И пусть там бывает цунами —
Японский народный потоп,
Но я вам скажу, между нами,
Что все у японцев тип-топ.

Всю жизнь мы чуть что,—
так японцы,
Без них у нас хватит забот!..
Когда получили эстонцы
Обещанный им хозрасчет.

МОЙ ОТВЕТ АЛЬБИОНУ

Из всех возможных полушарий
Я то немногое избрал,
Где торжествует пролетарий
И прозябает капитал.

Еще в туманном Альбионе
Заря кровавая встает,
А уж в Гагаринском районе
Рабочий день копытом бьет.

Встают дворцы, дымят заводы,
Владыка мира правит труд,
И окружающей природы
Ряды сторонников растут.

Мне все знакомо здесь до боли,
И я знаком до боли всем,
Здесь я учился в средней школе —
К вопросам глух, в ответах — нем.

Здесь колыбель мою качали,
Когда исторг меня роддом,
И где-то здесь меня зачали,
Что вспоминается с трудом.

Здесь в комсомол вступил
когда-то,
Хоть ныне всяк его клеймит,
Отсюда уходил в солдаты,
Повесток вычерпав лимит.

Я этим всем, как бинт, пропитан,
Здесь все, на чем еще держусь,
Я здесь прописан и прочитан,
Я здесь затвержен наизусть.

И пусть в кровавом Альбионе
Встает туманная заря,
В родном Гагаринском районе
Мне это все — до фонаря!

СДЕЛАЙ САМ

Из куска цветной бумаги,
Взявши ножницы и клей,
Если хватит вам отваги,
Можно сделать пять рублей.

Это слабая подмога
Вашим детям и жене,
Пять рублей совсем немного —
Деньги нынче не в цене.

Можно, правда, сделать десять,
Но и десять не спасут,
Ведь за это срок навесить
Может вам народный суд.

Чтоб могли вы с потрохами
Суд народный закупить,
Нужно деньги ворохами
Круглый год туда носить.

Так что, братцы, в этом деле
Торопиться не резон,
Раз решили делать деньги,
Надо делать миллион.

Аркадий ХАЙТ

Сегодня, как и в доброе старое время, открывая первомайскую газету, вся страна с глубоким удовлетворением читает призывы к трудящимся. И все рабочие и колхозницы, служащие и интеллигенция знают, что им делать и как жить дальше. Я считаю, что отменять печатание этих призывов было бы большой политической ошибкой. Но с учетом духа сегодняшнего дня, усугубляющегося плюрализма, хочется предложить и свой вариант...

ПРИЗЫВЫ

● Строители и монтажники! Ускорим введение новых жилых площадей! Иначе к 2000 году отдельную квартиру будет иметь не каждая семья, а только семьи тех, кто это обещал!

● Служащие Госбанка и Минфина! Перестаньте печатать банкноты! Денег в стране уже полно, а бумаги не хватает!

● Медики! Налаживайте выпуск одноразовых шприцев! Берите пример с тяжелой промышленности, которая уже выпускает одноразовые трактора и комбайны!

● Журналисты и редакторы! Не скрывайте ничего от ваших читателей! Гласность дала нашему народу правду, одну только правду и ничего, кроме правды!

● Работники рэкета! Не грабьте кооператоров и арендаторов больше, чем это предусмотрено новым Законом о налогах!

● Члены Верховного Совета! Скорее заканчивайте ваши дебаты! Народ ждет! 2-я телепрограмма нужна для трансляции чемпионата мира по футболу!

● Работники кино! Сценаристы и режиссеры! Ищите новые темы и решения! Помните, что вас много, а Сталин один!

● Учителя и педагоги! Уверенно внедряйте знания в головы учащихся! Призыв «учиться, учиться и учиться!» особенно актуален тогда, когда никто не хочет «работать, работать и работать!».

● Работники автомобильных дорог! Срочно приводите в порядок шоссейные покрытия. Сегодня все дороги ведут к коммунизму, кроме наших.

● Граждане и товарищи! Смелее боритесь за отмену всех привилегий! Пусть при социализме живет не только наш народ, но также партия и правительство.

Материалы подготовил Игорь ДВИНСКИЙ рисовал Виктор КОВАЛЬ

Редакция и издательство приносят извинение за допущенную перестановку полос цветных вкладок, происшедшую в части тиража.

КОГДА...

Мы живем в удивительное время, когда уже перестали глушить западное радио, но еще не начали глушить Ленинградское телевидение.

Когда общество вдруг заинтересовалось текстом действующей Конституции, которую начало читать прямо с шестой статьи, которую почти никто и читать-то не стал, а просто отменили, как пресловутую. А что в пятой статье написано — до сих пор не знаем.

Когда комсомол уже не называют «молодой гвардией перестройки», хотя слова «комсомол» и «Молодая гвардия» по-прежнему мирно соседствуют на одной обложке.

Когда представители сегодняшнего большинства настойчиво призывают уважать права завтрашнего меньшинства.

Когда мы все уже выучили слова «плюрализм» и «консенсус», но еще не определились, как правильно: «мышлéние» или «мы́шление»?

Когда при встречах все пересказывают друг другу то, что вчера прочитали в газетах или увидели по телевизору, причем никто не помнит, в каком издании и по какой программе. Когда «Маяк» путают со «Свободой», а вчерашний КВН с позавчерашним митингом.

Когда у нас уже появились левые и правые, а центр утверждает, что никакого центра нет. При этом левые уверяют, что их дело правое, а правые предлагают опять строить то, что мы уже не один раз не построили.

Когда «Собачье сердце» уже показали по Центральному телевидению, а печень трески так нигде и не показали.

Когда уже перестали предрекать землетрясение в Москве, однако стоит зайти в магазин, как всех тут же начинает трясти.

Когда сексуальная революция, о необходимости которой так долго не говорили большевики, свершилась, хотя эротику все еще принимают за порнографию, гласность — за свободу слова, а частную собственность — за эксплуатацию человека человеком.

Когда привилегий становится все меньше, а вопросов, с ними связанных, возникает все больше и больше.

Когда депутаты уже перешли на карточную систему и перед тем, как проголосовать какую-нибудь поправку депутата Н., могут быстро и долго голосовать предложение: «Давайте проголосуем, будем ли мы ставить на голосование поправку депутата Н.?»

Когда позади у нас сплошные съезды, выборы и митинги, а впереди сплошные митинги, выборы и съезды.

Когда результаты предстоящего в июне чемпионата мира по футболу более предсказуемы, чем результаты предстоящего в июле съезда партии.

Когда мы все время говорим, что мы все время опаздываем, и поэтому начинаем принимать поспешные решения, в результате поспешности и непродуманности которых мы как раз все время и опаздываем.

Когда гласность мы уже построили и теперь на ее фундаменте начинаем строить правовое государство, постоянно нарушая закон, о чем всем постоянно становится известно, благодаря уже построенной гласности.

Да, да, мы живем в удивительное время, когда назад уже поздно, стоять уже нельзя, в сторону некуда и некогда, а можно только — вперед и только голосованием.

Кто «за»?..

Борис ГУРЕЕВ

АНЕКДОТЫ ОТ НИКУЛИНА

* * *

В одесском порту у самого причала всплывает русалка с маленьким ребенком на руках и обращается к толпе любопытных:

— А где здесь живет водолаз Жора?

* * *

Две старые девы сидят во дворе на скамейке и, поджав скорбно губы, наблюдают за петухом, который гоняется за одной из кур и никак не может догнать. Два раза обежав вокруг дома, курица выбегает на улицу и попадает под колеса грузовика.

Одна из дев произносит с пафосом:

— Она предпочла смерть.

* * *

В ресторане посетитель спрашивает официанта:

— Скажите, пожалуйста, у вас есть в меню дикая утка?

— Нет, но для вас мы можем разозлить домашнюю.

* * *

В одной семье девять детей. Жена говорит мужу:

— Говорят, скоро указ выйдет: у кого десять детей, то дают шестикомнатную квартиру и на каждого ребенка выплачивают 120 рублей в месяц. Ты мне рассказывал, что у тебя в Сибири растет побочный сын. Забери его к нам, будет у нас десять, получим льготы.

Муж поехал за сыном. Через три дня приезжает, заходит в квартиру, а там одна жена.

— А где же дети?

— А вчера все приехали. Каждый забрал своего и увез.

* * *

В Одессе.

Жена готовит на кухне, а муж колет во дворе дрова. Вдруг раздается пушечный выстрел. Жена высовывается в окошко:

— Абрам, почему стреляла пушка? Что, мясо привезли?

— Да нет, это начальство из Москвы приехало.

Через несколько минут снова выстрел.

— Абрам, что, мясо привезли?

— Я же сказал, начальство из Москвы приехало.

— А что, первый раз не попали?

* * *

Идет человек по улице, видит очередь. Спрашивает:

— Что дают?

Ему отвечают:

— Ширлы и мырлы.

Встал человек, два часа стоял, подходит его очередь, он говорит продавцу:

— Дайте мне килограмм ширлы и килограмм мырлы.

— А ширлы уже кончились.

— Ну, тогда взвесьте два килограмма мырлы.

Взял человек пакет, приносит домой, разворачивает, а там ширлы.

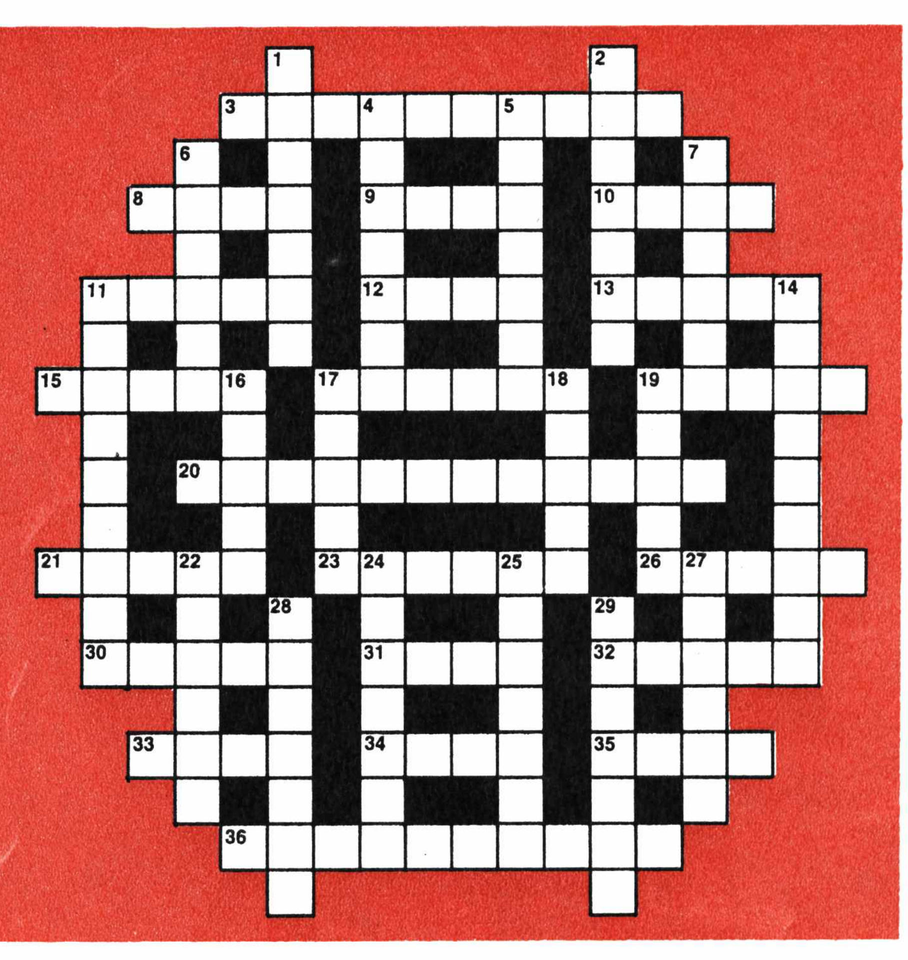
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Ранневесенний цветок. 8. Один из героев романа А. Дюма «Три мушкетера». 9. Параллелограмм с равными сторонами. 10. Советский график, мастер сатирического рисунка. 11. Химический элемент, полупроводник. 12. Заранее намеченная система мероприятий, выполнения работ. 13. Ставка оплаты за услуги. 15. Русский писатель, почетный академик. 17. Горный массив в Греции. 19. Герой романа Я. Гашека. 20. Массовое шествие. 21. Повесть А. И. Куприна. 23. Ископаемая смола хвойных деревьев. 26. Искусство пластических и ритмических движений. 30. Народный поэт Абхазии. 31. Летчик-космонавт СССР. 32. Служащий во флоте. 33. Неподвижная вертикальная часть хвостового оперения самолета. 34. Пачка или связка предметов. 35. Метрическая музыкальная единица. 36. Город в Николаевской области.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Итальянский композитор XIX века. 2. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности. 4. Луговое растение. 5. Город в Брестской области. 6. Трагедия Шекспира. 7. Советский спортсмен, известный футболист и хоккеист. 11. Специалист, изучающий пещеры. 14. Взлетающие цветные декоративные огни. 16. Грамматическая категория глагола. 17. Приток Оки. 18. Сплав железа с углеродом. 19. Один из организаторов освоения Северного морского пути, академик, Герой Советского Союза. 22. Река в Крыму. 24. Русский просветитель, писатель, издатель. 25. Информация о свойствах товаров и видах услуг. 27. Материк. 28. Очень высокий звук певческого голоса. 29. Драгоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Партизаны». 8. Уравнение. 10. «Ленинцы». 11. Каланча. 13. Мдивани. 18. Отпор. 20. Рафинад. 21. Оправка. 22. Витол. 23. Сарма. 25. Классик. 26. Реостат. 28. Иваси. 29. Комбайн. 32. Квартал. 34. Елизово. 35. Голубкина. 36. Блинников.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Фарватер. 2. Птаха. 3. Калла. 4. Надым. 5. Серов. 6. Лисинова. 9. Лилипут. 12. Чернышевский. 14. Добросклонов. 15. Подвойский. 16. «Пролетарий». 17. Оффенбах. 19. Свежесть. 24. Реализм. 25. Коротков. 27. Тулайков. 30. Браун. 31. Нежин. 32. Корин. 33. Радио.

40 коп. Индекс 70663